

Эдмунд МАТЕР

Моим дорогим

Матери: Фриде Альбертовне (Frieda KURZ-MATER)

Отцу: Мартыну Ивановичу (Martin MATER)

Сёстрам: Ланиде и Ольге

Братьям: Гарри, Константину (Куно) и Альвину посвящается

Автор

ВЯЗЬ-1

Том 1

Рассказы

Обновлено: 01.05.2024

Рисунки Курта Гейна и др.

© Все права у автора

Сними камень с души

„Сними камень с души“ – просит героиня рассказа Эдмунда Матера „Подружки“ свою некогда самую близкую подругу, которую однажды, в непростительном самой себе порыве, сильно обидела. И суть не в том, простится ли ей когда-нибудь горькая обида, а в том, что тяжело жить с этой прилепившейся к душе непосильной ношей. Как бы предлагая читателю самому разобраться в сложных перипетиях девичьих раздоров и домыслить свою концовку истории этой школьной дружбы, автор уходит на второй план, оставляя нам право разыграть дальнейшее развитие сюжета по своему усмотрению.

Герои Матера закреплены в пространстве и времени, автор не наделяет их неординарными качествами, не мудрствует над образностью, не философствует о несбыточном. словно художник, способный одним незатейливым мазком создать шедевр, он вербально одаривает их самобытной уникальностью. В его рассказах ярко сочетаются психология и искусство, но в то же время автор никого не учит, не наставляет, не дает готовых решений, он просто делится тем, что увидел, услышал или случайно оказался свидетелем. Иронизируя, он диагностирует умение определенной части общества ловко лавировать, обходить острые углы и ни в коем случае не выпячиваться, (рассказ „Олигархи“): „Хорошо жить в стаде. – Вокруг свои. Особенно хорошо, если ты в самой середине“. Сам Эдмунд Матер никогда не умел обходить острые углы, и прятаться в „середине“, как-то сызмальства выбирал пути поухабистей и потернистей, не с руки рожденному на земле сильному деревенскому парню укрываться за спинами других. Может быть, поэтому и писать начал. Поначалу, работая подпаском, длинными знойными днями аккуратненько заносил свои обрывистые мысли в маленький блокнотик, который всегда носил с собой. Со временем из этих коротких записей рождались идеи будущих стихов, рассказов, повестей и новелл. Острый ум, наблюдательность и яркая фантазия писателя особенно четко прослеживаются в серии его рассказов о природе, птицах и диких животных – недаром в свое время считался одним из самых расторопных охотников среди друзей и знакомых: еще будучи мальчишкой, верхом на лошади ловко гонял зайцев. Волков и лисиц тоже повстречал немало, познал их повадки и привычки. Опыт приобретенный, житейский, с годами проявился в литературной практике: один за другим появились рассказы, которые прямо или косвенно знакомят читателя с внутренним миром лесных обитателей и прозорливостью пернатых хозяев поднебесья – орлов и коршунов.

Темы для своих рассказов автор не ищет, они к нему приходят сами. Внезапно, обильно, как обозначения географических пунктов на огромной физической карте мира. Писательскому мастерству специально не учился, теорию построения литературного произведения не постигал, наследственно дар, писать книги, тоже не приобрел – писателей в роду отродясь не было. Вместо этого запоем читал всё, что только могла предложить молодому человеку участливая библиотекарьша сельской библиотеки, пытаясь утолить его книжный голод. И в какой-то момент, он, словно герой своего рассказа Берндт-Бегендык-Борис „всем своим существом чувствовал, как земля отдает ему, своему сыну, никому не видимую энергию...“, энергию, которая питала, заряжала и не давала покоя. И он стал записывать истории, родившиеся от неё, удивительные по своему содержанию, наполненные болью утрат, щемящей тоски и сладостного покоя. От истории Берндта Курца, принятого совсем крошечным ребенком казахской семьёй на воспитание, веет теплом, рассказ этот до боли трогателен и толерантен: „человек, рождённый немцем, воспитанный казахами, говорящий только по-русски, не имел ни

родовых корней, ни конкретных национальных признаков...“, но заложенное в нем добро дало свои ростки. Его уважали и любили. Прошли годы, он ослаб здоровьем, и душа его огромной черной птицей улетела высоко-высоко в небеса, и когда осталась от нее только маленькая черточка в синей глубине, горькими слезами залилась внучка Гульчик-Гульнара...

Родившемуся в сибирской глубинке и долгие годы прожившему в Казахстане, автору Эдмунду Матеру не приходило и в голову распределять окружающих по национальным квартирам – уж слишком много этих квартир для этого понадобилось бы. Вероятно, именно поэтому его герои, живущие в этом мультинациональном сообществе, так трепетно относятся друг к другу, делясь теплом своей души и последним куском засохшей лепешки. Кто знает, выжил бы немец Мартын, которого выпроводило „сердобольное“ лагерное начальство из трудармии домой умирать, если бы не Добя, мудрая лесная женщина, спасающая его от холода и голода (рассказ „Отпуск“)...

Автобиографичность в произведениях автора-Матера, по его мнению, отсутствует полностью, но тем не менее, герои, населяющие их, несут в себе черты родных и знакомых ему людей, их судьбы, пересекающиеся незатейливым орнаментом судьбоносных переплетений, его мысль, слова и собственное, не постороннее видение происходящего. При этом он не жонглирует образностью, не выстраивает извилистые речевые обороты, не играет вычурными метафорами. Язык его прост и лаконичен. И это притягивает и подкупает.

Именно поэтому рождение каждой новой строчки у автора случается тогда, когда ему необходимо „снять камень с души“, чтобы облегчить память, поделившись с читателем историей, которая бьется о края сердца, просясь наружу. В иные моменты истории эти льются рифмой, рождаясь стихами – лиричными, яркими, запоминающимися. Первый томик избранных стихов автор выпустил в свет в 1998 году под общим названием „Лесной ручеек“, спустя некоторое время вышел еще один томик „Разноцвет“, любовно оформленный карандашными набросками известного художника, давнишнего друга автора – Курта Гейна. Схожие по темпераменту, неусидчивые и неугомонные, они сошлись как два пилигрима, хотя каждый шёл своей дорогой, упорно справляясь с силками, расставленными судьбой. Премьера первого дуэта двух мастеров состоялась во время работы Матера над романом-эссе „Время Великого Поста.“

Писательская биография Эдмунда Матера достаточно географична – его книги, а их набралось сегодня 12, вышли разными тиражами в Киргизии, России, Германии и в Украине. А материал для книг собирался везде. Встречал он своих протагонистов в далеких сибирских лесах, на залатанных гравием дорогах Казахстана, по которым, будучи профессиональным водителем, гонял свой грузовик из пункта А до пункта В и, конечно же, на своей новой, так называемой исторической родине. Разные судьбы, несхожие характеры, но интересные настолько, что желание переложить их истории на бумагу, чтобы жили в рассказах, повестях и романах, перерастало в потребность.

Помимо писательской деятельности Эдмунд Матер уже около трёх десятков лет занимается сбором материала о российско- немецких авторах. Идея зародилась как хобби, которое с годами разрасталось в пухлые, необъёмные папки и уже в 2008 году под его авторством вышел огромный фолиант – энциклопедия российско-немецких авторов, с биографическими данными, с чётким указанием их произведений и перечислением источников, по которым собирался материал. Труд, достойный целой группе научных сотрудников, оказался под силу ему одному, Эдмунду Матеру. Справился с тяжким камнем, скинул его с души!

Казалось бы, можно и остановиться, но нет ему покоя, не сидится, все ищет и находит новых российских авторов, имена которых скрупулезно заносит в свою энциклопедию: для будущего, для истории, для себя, потому что, по его мнению, каждый из них уникален и достоин памяти. Уже несколько лет на его интернет-странице выставлена

электронная версия (целых восемь огромных томов!) энциклопедии, по данным которой пишутся диссертации и научные труды студентами и учеными всего мира.

Одно из стихотворений Э. Матера, напечатанное в сборнике „Разноцвет“ заканчивается словами:

*Не стыдно будет за дела,
Что я свершил при жизни...*

И дай бог, чтобы каждый из нас когда-нибудь смог без укора совести произнести эти слова!

Rose Steinmark, Münster

Гнездо под стрехой

Плохо жилось в последнее время бедному хохлатому воробью на крестьянском подворье. Очень плохо. Никто не воспринимал его всерьёз, никто не понимал крылатого, озабоченного, молодого папашу, хозяина гнезда под стрехой. А уж на его подружку Серенькую, ради которой он был готов совершить любой подвиг, и вовсе взирали снисходительно. Серенькая была ещё меньше, чем воробей, и даже цвет перьев настолько сливался с мусором, толстым слоем покрывающим всё подворье, что можно было только удивляться, как это она умудряется выжить на шумном дворе, который, словно улей, был всё время переполнен различной живностью.

На забаву детворе гоняли задиристые голуби воробьёв, силой семейных обстоятельств, вынужденных попрошайничать во дворе, как живые пинг-понговые мячи, по всей ограде. Куры, пренебрежительно повернувшись к воробьям задом, обдавали бедняг фонтанами пыли, золы и песка, а от гравийных камешков, которых тоже хватало на хозяйском дворе, летевших из-под острых куриных шпор, у воробьёв болели не только голые коленки, но и все бока. Огромные же важные гуси вообще не замечали такую мелюзгу, как воробьи. Проплывали они над ними белыми облаками, при этом даже взглядом не достаивали. И лишь когда чересчур осмелевший прыгун торопливо подхватывал зёрнышко прямо перед гусём, тот старался достать его своим толстым тяжёлым клювом-лопатой.

Да, нелегко жилось пасынкам двора, но потомство крикливо требовало из-под стрехи еды, и вот трудились папаша с мамашей от восхода до заката солнца, не складывая крыльев. Брали и хватали воробьи всё подряд, что жужжало, звенело, скрипело и ползало по листве, ботве, кустам, ветвям и стволам деревьев. Между делом и сами старались торопливо подкормиться во дворе, ведь забот полный клюв, так сказать. Трудиться приходится целый день без пауз и обеденного перерыва.

Со всеми вышеуказанными бедами воробей, глава семейства под стрехой, в отличие от Серенькой, которая всего полгода назад поселилась в этом уютном пристанище, наловчился обходиться без огорчений. Тревожило лишь одно –

домашний кот. Этот дворовый вельможа стал опять настоящей угрозой для семейного счастья.

Серенькая не так беспокоило реагировала на приближение кота, как её друг. Не знала она, глупенькая, какая смертельная опасность исходит от этого важного господина, лениво разгуливающего во дворе, не ведала, что предыдущая подружка воробья в прошлом году жизнью поплатилась за свою неосторожность.

Не знала Серенькая, что кот только с виду ленив и нерасторопен, а на самом деле он – первая дворовая гроза для таких незваных гостей как воробьи и мыши. И бояться надо именно его, а не остальных пернатых и копытных жителей двора.

Кота до умопомрачения раздражали пiski из-под стрехи: не удержался, забрался как-то на крышу, да неудачно. Обожгло лапы раскалённое за день солнцем железо. Поторопился он. Не рассчитал своих сил и возможностей. Скребнули острые когти кота напоследок по краю крутого металлического ската и полетел наш разбойник с крыши почище десантника-парашютиста. Десанникам помогают парашюты, а котов выручает привитое самой природой свойство всегда падать на лапы. Однако четыре метра – довольно большое расстояние. Заныли у кота лапы и спина от удара о землю. Нехорошо ему стало. И поэтому не просто недовольство затаил охотник-неудачник на шумную воробьиную семью, а злую обиду. Недоволен остался кот неудачной охотой, а ещё больше был разозлён вынужденным полётом с жестяной крыши и его последствием. Не было Серенькой в гнезде в то время, когда кот сделал попытку полакомиться её птенцами. Промышляла она в этот момент в ближнем саду, поспешно набивая клюв добычей для своих детёнышей. Даже не подозревала Серенькая о той страшной опасности, которой подверглись маленькие, крикливые дети гнезда под стрехой. Молодая мамаша, занятая хлопотами о потомстве, не обращала никакого внимания на дворового бандита. Обиженные коты злопамятны и мстительны, и дворовый вельможа не был исключением. Ежедневно, лениво и неподвижно, словно большая меховая рукавица, лежал когтистый и зубастый шельмец рядом с телегой, прикидываясь спящим. Лишь изредка переворачивался он для того, чтобы подставить солнцу другой бок.

Но ни на миг не переставал он следить зорким взглядом за воробьиной. Ждал кот своего звёздного часа с терпением настоящего дикого хищника, жизнь которого зависит лишь от добытой на охоте еды.

Под телегой, что стояла у самой стены, было много рассыпанного зерна, до которого ещё не успели добраться дотошные куры. Серенькая, разыскав это укромное, но обильное зерном место, всё чаще прямо из гнезда, сделав небольшую крутую петлю, сходу ныряла в потайные закрома.

А разбойник-кот был мастером своего дела. Знал он, где подстергать жертву, и как вспугнуть её. И вот тогда, когда у неё не оставалось другого пути для побега – только рвануть из-под телеги между колёс – ударить на взлёте лапой: жертва даже не успевала пискнуть.

Уже довольно часто (или: изо дня в день) охотился таким образом ушастый бандит и редко кто из тех, кто забирался под телегу, уходил живым из его лап.

Но на этот раз охота не удалась. Именно в тот момент, когда тело, вытянувшись во всю длину, оторвалось от земли, а хищная лапа уже была протянута к взметнувшемуся в воздух серенькому комочку, бандита сбоку, по глазам, ударило чем-то мягким и пушистым. Удар не был сильным, но всё же на один краткий миг кот интуитивно закрыл глаза. Мгновение это оказалось

спасительным: всего в нескольких сантиметрах от крылышка Серенькой пролетела жадно растопыренная лапа.

Искупил воробей свою прошлогоднюю вину. Своё маленькое тельце превратил отважный боец в оружие и спас Серенькую от неминуемой смерти. Не позволил он разбойнику-коту во второй раз погубить крохотную серенькую хозяйку гнезда под стрехой.

Шутка

Они ехали вдвоём.

Он – простой деревенский мужик. Она – городская, с вычурной, модной прической.

Его ещё совсем маленьким мальчишкой привезли родители в это отдалённое от центра и больших дорог село. Судьба потаскала родителей по свету. Но это село им видно приглянулось, и они осели здесь надолго.

Он окончил школу, выучился на водителя. И навсегда остался в этом маленьком, отдалённом селе. Оно нравилось ему. Кругом необъятная степь, чередующаяся с небольшими берёзовыми и осиновыми околками*. Да и люди здесь были дружелюбные. Тут ещё было принято помогать друг другу в нужде и беде. Двери домов не знали замков. Уходя из дома, просто ставили под дверь веник, в знак того, что никого нет дома.

Ему рано пришлось начать работать и, наверное, именно поэтому он выглядел гораздо старше своих лет. Обветренное, продублённое на всех ветрах лицо, большие грубые, мозолистые руки. Они уверенно держали руль, но выглядели, как вырубленные из твёрдого, сухого берёзового корня.

Она, глянув на них сбоку, подумала:

"Настоящие кувалды. Такими руками только быков утихомиривать".

Он не забыл её. Она была его первая и вечная любовь. Всех женщин, встречающихся ему на его жизненном пути, он, обязательно сравнивал с ней. Лучше неё для него никого не было. Но она его не узнала.

Она тоже была приезжей. Но ей всё было приготовлено в жизни заранее. Родители сумели обеспечить всё необходимое для её карьеры. И она их не подвела - была образцом в классе, школе и институте. Удачно выйдя замуж по любви (правда, недолгой), она вместе с мужем осталась в столице.

Счастливые обстоятельства и её волевой, настырный характер (она всегда знала, чего хочет) создали ей громкое имя в журналистской среде. Немногие из её ровесниц достигли таких успехов, как она. Иметь такого журналиста, со своеобразным и порой острым пером, желали бы многие газеты и журналы. Но беда её была в том, что она привыкла "ломать стены". Привычные стены нашего понимания жизни. Она не терпела недомолвок, полувывысказываний. Для неё не существовало цветов и оттенков. Человек был для неё или белый, или

чёрный, компромиссов она не признавала. Поэтому у неё часто возникали сложные отношения с редакторами. Она не терпела, если её мысль уродовалась, что довольно часто случалось с её статьями. И тогда начиналась открытая война.

Но всё же она была «продуктом» своего времени и ясно понимала, что иногда необходимо быть тонким дипломатом. И за громкими фразами, где-нибудь, совсем незаметно, высказать больное, главное. Умные люди поймут, а глупым и всё равно ничего не нужно.

Она и сейчас ехала в командировку по очень грязному делу. На её имя в редакцию пришло письмо. Оно было написано почти детским почерком. Она поверила, всем нутром почувствовала: всё правда. Страшная, грязная, отвратительная, правда.

Девочка, полурёбенок писала в письме, что спряталась в селе от властей. Один из "властвующих князей" всеми средствами добивается её. Девочка умоляла о помощи. И вот командировка, да ещё и в знакомые с детства места. Она тяжело вздохнула: как давно это было, будто в другой жизни.

Задумавшись, и не заметила, что они уже давно стоят, и шофёра нет в машине. Она удивлённо огляделась и увидела его, он спокойно прогуливался по степи. Он знал это место, где растут его любимые полевые цветы. Собрав большой, но аккуратный букет и взяв его в обе руки, он медленно, медвежьей походкой, направился к машине.

Она внимательно наблюдала за ним.

„Ну, даёт мужик. Пофлиртовать со мной решил, – подумала она. Вы только посмотрите на эту деревенщину, цветы дарить и то не умеет. Протянул руки и молчит“.

Она заглянула ему в глаза.

„Не может быть! Этого не может быть!“

Чистые, как два лесных озера, добрые, до невозможности добрые глаза, с любовью смотрели на неё. Такие глаза она видела только у одного человека.

Да. Это они. Это его глаза. И она вспомнила всё...

На выпускном вечере поспорила с подругой. Она сказала, что подойдёт и поцелует парня из параллельного класса. И докажет ей, что у неё есть характер. Она знала его. Рослый, симпатичный, но какой-то увалень. Он никогда не заигрывал с девушками, даже сторонился их, и она решила подшутить над ним. Был тёплый, летний вечер. На школьном дворе было шумно, весело. И когда она, громко сказав: "Внимание!", подошла к нему, весь двор затих, замер. Приподнявшись на цыпочки, прижалась к нему и, поцеловав, заглянула в глаза. Её проба на мужество состоялась, доказала себе и подружке, что у неё есть сила воли и характер. Об одном не подумала она тогда. О нём. А пленила его навечно.

И об этом плене, о его вечной любви говорили, нет, кричали и пели, его огромные бездонные глаза.

*Околки – небольшие лесные массивы

Хромоножка

Хромоножка, приподнявшись, внимательно огляделась. Пора. Встала и как будто подала этим команду. Шесть пушистых колобков поднялись за ней следом, любопытно поводя головками. Она осторожно выбралась из гнезда и, переваливаясь из стороны в сторону, направилась в противоположном от прудика направлении. Малыши, удивлённо поглядывая по сторонам, выстроились гуськом и дружно зашагали следом. Глупенькие, они не знали, что наемни их маме пришлось всерьёз повоевать за свою и их жизнь.

На их уже почти высохший пруд вчера набрёл тощий, одичавший кот. Может его прогнали из дому за его вредные проделки, а может ему надоела однообразная домашняя жизнь, и захотелось приключений. Кто знает?

Привычно поводя огромными усами и зыряка вокруг зелёнными глазищами, он лениво брёл вокруг пруда. Заметив греющуюся на солнце Хромоножку, сходу совершил прыжок. Поняв, что промахнулся, он всё-таки, прогнувшись всем телом, успел ухватить её за большую лапку. Но не тут-то было. Жесточайший удар в глаз, такой, что посыпались настоящие искры, мгновенно отрезвил его разыгравшееся воображение о вкусном обеде. Опустив голову и прикрыв от боли глаз, он улёгся в сторонке, сердито поглядывая вторым глазом на Хромоножку. А та, шлёпнувшись в воду, торопливо гребла к своим малышам, резвящимся на середине пруда, вернее сказать, уже только лужи.

Ночью Хромоножка не сомкнула глаз. Она боялась каждого шороха.

Да, всё-таки нужно перебираться к большой воде, хотя и там не очень-то спокойно.

Утром, утолив голод корешками и молодой травкой, она вместе с малышами отправилась в большое путешествие.

Бредя по узенькой тропочке, Хромоножка с малышами выбрались из густой травы и замерли. От большой воды их отделяла широкая, чёрная, блестящая под ярким солнцем открытая полоса. По ней с неслыханным громом проносились огромные чудовища.

Хромоножка в страхе присела, малыши попрятались у неё под крыльями, ища защиты от давящего рёва.

Много времени просидели Хромоножка и малыши в траве, боясь выйти на открытое место, но голод и жара совсем заморили малышей. Они жалобно попискивали, прося воды и еды.

Громяющий шум стал реже, и Хромоножка решилась. Покрякав для смелости, она отважно ступила на раскалённую липкую полосу, и малыши последовали за ней.

Страшный, оглушительный рёв раздался издали, и они все в страхе пригнулись, присели. Какая-то бесшумная, крылатая тень накрыла их.

Скрежет, рёв и скрип стали невыносимыми, а потом вдруг сразу, мгновенно, всё стихло.

Хромоножка осторожно подняла голову. Над ней, широко раскинув руки, стояла маленькая девочка в цветастом платьице, похожем на весенний луг!

А с двух сторон, почти упёршись друг в друга лбами, стояли два громадных, но совсем тихих чудовища.

Одноухий и Серая

Одноухому и Серой крупно повезло. Они смогли вдвоём свалить коня-двухлетку, спрятавшегося от холодного, пронизывающего ветра на небольшой лесной поляне. Наевшись досыта, они здесь же улеглись отдохнуть. Немного погодя, Серая, подчиняясь инстинкту самосохранения, потянувшись и понюхав воздух, трусой припустила в виднеющийся вдалеке тальник. Одноухий, разленившись от обильной трапезы, недовольно вертя головой, лениво побежал следом. Инстинкт Серой спас им жизнь.

Весь следующий день Одноухий и Серая проспали под кустами тальника. А лес, где они так удачно поохотились, уже с утра был плотно обложен охотниками. Прочесав его, те поняли, что волков в лесу уже нет. Громко переговариваясь о чём-то, охотники уселись в кузов крытого грузовика и отправились в сторону тальника.

Волки, разбуженные громким шумом, подняв головы, внимательно прислушивались. Шум всё время нарастал. Одноухий, жёстко ткнув мордой Серую в бок и заставив её лечь под куст, как подброшенный пружиной, вымахнул на открытый, голый взлобок. Будь он человеком, про него бы сказали, что он взял огонь на себя. Ради Серой и будущего потомства он пожертвовал собой, своей шкурой.

Водитель грузовика, увидев волка и резко вильнув рулём в его сторону, добавил газу. Натужно взвыл мотор, набирая обороты. Одноухий во весь мах уходил в сторону дальнего большого леса. И ставкой в этой гонке для него была жизнь.

Серая, забравшись под большой тёмный куст, неслышно притаилась, умерла, только кончики ушей нервно подрагивали. Она ещё долго слышала стон, рёв и грохот грузовика. Потом издали, еле слышно, раздалось несколько глухих выстрелов и, постепенно удаляясь, шум медленно угас совсем. Дождавшись полной темноты, Серая осторожно выбралась из тальника. Стояла тихая, морозная ночь и ничего, абсолютно ничего, не было слышно. Ни шума грузовика, ни громких криков людей, но и Одноухого тоже не было рядом, и она тоскливо завывала, оплакивая потерю надёжного друга. Постояв ещё

некоторое время, чутко прислушиваясь к малейшему шуму, она медленной трусцой отправилась к своему логову.

Логово находилось много километров севернее места охоты. Приближаясь к нему, Серая поняла, что Одноухий здесь тоже не появлялся. Под утро она с тревогой стала прислушиваться к непонятному для неё шуму. Он медленно приближался и наконец, можно было разобрать тяжёлое, хриплое дыхание и усталые шаги Одноухого. Серая вскочила и бросилась ему навстречу.

По нему видно было, что он отмахал немалое расстояние. Одноухий еле стоял, и Серая стала ласково облизывать его морду. Он прилёг на живот, опустив тяжёлую голову на вытянутые лапы. И она увидела на его широкой спине несколько продранных, рваных борозд. Это картечь охотника достала Одноухого. Но её другу повезло и на этот раз. Картечь настигла его в конце прыжка, и заряд прошёл поверху. Он только оцарапал спину и не задел голову Одноухого.

Серая стала нежно зализывать Одноухому раны, а он тихо поскуливал при этом. И непонятно было от чего. От боли или радости, что остался жив и спас свою подругу. И что ещё раз смог обмануть людей.

Орлы

Пара орлов, сделав плавный разворот, присела на край каменного уступа, где находилось их гнездо. К гнезду можно было подступиться только с воздуха. Сверху над гнездом нависал, наподобие карниза, огромный каменный козырёк, а вниз уходила серо-коричневая, без единой трещинки и выёмки стена. Далеко внизу пенилась и билась о камни маленькая, но бурная речушка. Вся скала, на которой находилось гнездо, со стороны была похожа, если смотреть в профиль, на лицо носатого человека. И на том месте, где можно бы было представить себе рот, причудливый каприз природы создал что-то похожее на большую лохань, лежащую вниз дном. Это идеальное место орлы уже много лет использовали для гнездования. Сверху гнездо было прикрыто от дождя и снега, и только бешенный штормовой ветер из ущелья иногда беспокоил их.

Работы у орлов было больше чем достаточно. Три голодных, разинутых клюва, постоянно просили, нет требовали: "Дайте есть!" А год для такого большого потомства был не очень удачный. Суровая зима повывела много живности, да и поздняя снежная, с морозами и буранами весна прихватила немало жизней. Особенно круто пришлось всему молодняку. Эта проба на выживаемость для многих из них окончилась гибелью.

В поисках добычи орлам приходилось иногда совершать далёкие полёты на равнину. Там им было еще, чем поживиться, но тоже это была в основном мелочь - суслики или дикие голуби.

Но в последнее время орлов, при полётах на равнину, донимала какая-то гремющая птица, с огромным, хлопающим крылом. Орлы старались теперь летать туда рано утром, но тогда было ещё мало дичи и они впустую тратили много времени и сил. А позднее, днём, за ними самими, в прямом смысле этого слова, охотился их новый враг, а может и глупый друг. Он преследовал их почти каждый день, кружил вместе с ними, набирая довольно приличную высоту. Именно ту, с которой орлы, обычно пара, высматривали себе добычу. Эта грохочущая огромная птица мешала орлам охотиться, она распугивала своим шумом почти всех птиц и зверей. И орлам пришлось охотиться теперь на склонах гор и в мелких распадках. Но там было столько деревьев и кустарника, что всё бегающее и летающее мелкое зверьё, как правило, успевало в них укрыться.

Однажды орёл всё же рискнул попарить над равниной. И риск оправдался. Ему повезло, и он сумел добыть довольно крупного байбака.

Уже недалеко от горловины ущелья орла снова настиг назойливый гость. С тяжёлой добычей в когтях орёл не был так быстр и маневрен. Но он, не бросив добычи, стал яростно рвать воздух крыльями, стараясь уйти от погони. Огибая крутой каменный лоб перед ущельем, орёл, зная здесь каждую струю воздуха, сделал вокруг него большую петлю. Гремющая же птица, решив, что орёл, испугавшись, забирает в сторону равнины, вплотную прижалась к каменной громаде. И это была её роковая ошибка. Как только она обогнула скалу, крутой боковой ветер вынёс её прямо на каменный лоб.

Раздался скрежет, а за мгновение до этого ревущая птица, нелепо завалившись на бок, стала бесшумно падать. Немного не долетев до земли, у птицы надулось крыло и она, как подранок, тяжело спланировала. Пропахав длинную полосу в густом мелком кустарнике, она, с широко раскинутым крылом,

беспомощно повисла на нём. Орёл же, сделав плавную, большую дугу и не бросив добычи, точно влетел в горловину узкого ущелья.

В этот день орлам хватило пищи, и на охоту никто из них уже не полетел. В последующие дни, да и вообще больше никогда, орлам уже не попадалась эта большая, шумно стрекочущая птица. А как память о ней на шипах колючего кустарника остались разноцветные лохмотья. И ветер-шалун играл ими, распугивая необычным шорохом мелкое зверьё и пташек.

Последний рейс

День для Александра начался, как всегда, с трудного, мучительного запуска мотора на крутом сибирском морозе. Две паяльные лампы, огромная совковая лопата и заводная рукоятка - был полный набор инструментов, необходимый для этого. Мотор его надёжного грузовика был при запуске на морозе иногда капризен, но никогда не подводил Саню (так звали его все) в трудную минуту в дороге. А их, этих трудных минут хватало. Летом дожди превращали дорогу в сплошные грязевые реки, и ехать приходилось на нервах и спасательнице-лопате. Да, лопате в этих суровых, бездорожных местах нужно было бы памятник поставить. Или стихи о ней сложить. Она была первой помощницей в любую погоду и в любое время года.

В запасе у Сани, как правило, всегда было две лопаты. Штыковая и совковая. Зимой же другое дело. Тогда нужна была третья, особенная. Особенность её заключалась в размерах. И чем больше по размерам была лопата, тем лучше она была. И Санины лопаты перекидали за свою жизнь уже немало снега и грязи. Заведя мотор и хорошо прогрев его, Саня медленно, осторожно вывёл свой грузовик, тихо проехав по селу, на большую дорогу. В кабине понемногу становилось теплее и он, расстегнув свой, ещё армейский бушлат, закурил. Покури и выбросив окурки на дорогу, он посмотрел на себя в зеркальце. Так и есть. Нос опять в саже. И где он только умудряется каждый раз замарать его. А всё было очень просто. Саня, когда над чем-то задумывался, обязательно трогал кончик носа указательным пальцем. Над ним частенько подшучивали по этому поводу, даже беззлобно передразнивали, но не мог он, а может, просто не хотел избавиться от этой своей привычки.

Была ещё глубокая ночь. Рейс предстоял дальний, а погода была в последнее время очень холодная. Морозы стояли порой далеко за тридцать, но в основном было безветренно. Проехав немного по трассе, Саня понял, что переёмтов не будет, и успокоился. А ведь частенько случалось и так, что в селе, прикрытом с ветреной стороны берёзовым околом*, всё было тихо. Но стоило выехать подальше в степь, как появлялась проказница-позёмка. А она уж свою работу знала. За ночь или даже за пару часов, когда не было машин, позёмка, как настоящий диверсант, плотно забивала снегом прокатанные колеи. И эти проделки позёмки частенько приносили много хлопот и страданий всем водителям. Она своей тихой метёлкой создавала иногда такие пробки, что

лишь огромные, мощные бульдозеры могли пробить её своими ножами или клиньями.

Привычное время поездки бежало для Сани, как всегда. И он унёсся в своих мечтах. Рулём и педалями работал автоматически, даже не думая: знал свой грузовик, как самого себя. Все его слабости, недостатки, больные места. Ведь уже столько лет Саня был с грузовиком, словно одно целое.

Мечты Сани были иногда настолько неземны и даже бесстыдны, что порой он сам их стеснялся. Но они, вопреки его воле, всё равно частенько подразнивали его и как-то по-своему развлекали. Может, именно поэтому, он так любил дальние рейсы.

Вдруг Саня почувствовал, что его грузовик стало слегка водить по колее. Опять баллон, подумал он. Когда же привезут новую резину? На таком старье ездить уже невозможно. Съехав подальше с трассы, Саня выбрался из кабины. Обошёл вокруг, так и есть. Задний. Правый. Достал домкрат, баллонный ключ и монтировку.

Поддомкратив ось, он снял негодное колесо, но запаска не села на ось, легла слишком низко. Вставив монтировку в домкрат, Саня стал поднимать ось повыше.

Слой плотного, как лёд снега, не выдержал. Домкрат вылетел из-под оси. Рука! Санина рука оказалась в смертельных тисках. А по трассе с шумом проносились машины, и из кабин, пролетающих мимо автомобилей не было видно, что под одиноко стоящим в сторонке грузовиком лежит человек.

*Околки – небольшие лесные массивы

Голуби

Пара голубей летела навстречу солнцу. Они летели точно на юг. Если бы голуби могли говорить и их спросили:

– Куда летите?

Они бы ответили: – „Домой“! Несмотря на то, что хозяин их продал.

Что заставило хозяина продать голубей они, конечно, не знали. А он, скрепя сердце, заставил себя сделать это. Нужда. Эта проклятая нужда ломала всё и заставляла зачастую поступать не так, как хотелось бы.

А голуби знали одно: хозяин вынул их своими большими, мозолистыми руками в темноте из гнезда, сунул в какую-то клетку и поставил её на повозку. Их долго бросало и било о стенки клетки. Потом какие-то вонючие волосатые руки, вынув их из клетки, сунули в большой, грязный мешок. Это был настоящий ад. Наконец их, полузадохнувшись, вынули из мешка, но мучения на этом не закончились. Им чем-то острым обрезали перья на одном крыле под самый корень и только после этого выбросили во двор.

Такой жизни не позавидуешь. Любая курица, утка или гусь отгоняли бедных, обезображенных голубей от зерна, которое хозяйка высыпала поутру во двор прямо из ведра.

Как им не хватало сейчас маленьких ласковых рук, приносящих им раньше, дома, корочки и вкусные зёрна. Эти руки их баловали. Они качали голубей, как в качели, и подбрасывали высоко в воздух, и голуби, возвращаясь, садились на них, протянутых навстречу.

Голуби не умеют плакать, иначе они пролили бы немало слёз, вспоминая о прошлом.

А в одно тёплое, летнее утро голубь почувствовал, что снова может летать. Он, подпрыгнув, замахал крыльями. И о чудо! Его не завалило на бок. Перья отросли, и он ровно повис в воздухе. Громко хлопая крыльями, он сделал круг над двором, и голубка рванулась за ним следом.

Они летят, летят домой. Путь предстоял не близкий, и голуби несколько раз садились на обочины дорог подкормиться, благо зерна и семян было вволю.

Уже недалеко от родного села, над которым они так весело парили и кувыркались, голубей настиг сокол. Он напал на них сзади, сверху, но голубь, круто взяв в сторону, ушёл от захвата. Коготь сокола вскользь задел спину голубя, и облачко перьев порхнуло по воздуху. А сокол, сделав крутой вираж, в лоб встретился с голубкой. Его острые, как шило, когти второй раз не промахнулись.

Голубь, дотянув до родного двора, приземлился и остался сидеть с распушенными крыльями. К нему со всех ног бежал чумазый черноголовый мальчишка. Он взял голубя на руки, поднял его к своему лицу. Глаза голубя были закрыты. Мальчишка подул голубю в клюв, потряс его. Мальчик не верил, он не мог поверить, что голубь мёртв.

А рядом, виновато опустив руки, стоял отец мальчика. Он знал, что больше никогда в своей жизни не продаст ни одну пару голубей. Как бы туго не было, не продаст.

Лисица

Лиса, прижавшись к земле, ползла, как настоящий пехотинец под огнём врага. Охотник не верил своим глазам. Бывалый, с многолетним охотничьим стажем, он глядел во все глаза, боясь пошевелинуться, в кусты. Точно, лисица. До неё было не больше двадцати шагов. Охотник немало повидал на своём веку, насмотрелся всякого, но такое он видел впервые.

"Расскажи кому-то, не поверят, – подумал он, – скажут, очередная охотничья байка". Хитрая, осторожная лисица, вопреки всякой охотничьей логике, ползла между кочек на брюхе навстречу редкой цепочке загонщиков, забираясь под самые густые кусты.

Охотники оцепили этот раKITник уже второй раз. Один из молодых ребят сказал, что он своими глазами видел, как рыжая хитрунья прошмыгнула в кусты. А добыть лису была мечта каждого охотника. Такая удача приходит не часто. И все хором решили ещё раз пройти по раKITнику.

Быстро разделились на две группы. Одна группа встала на стрелковые позиции, а загонщики с треском вломились с другого конца раKITника в чащобу.

Наверное, и на этот раз лиса смогла бы всех обмануть, но на её беду, снаружи, возле самых кустов сидел ещё один охотник. Он припоздал со своими сборами и поэтому не успел встать в одну цепочку со всеми стрелками. Одетый в белый маскировочный халат, он присел возле крайних кустов, надеясь на счастливый случай. И ему действительно повезло. Ветерок тянул в его сторону и на грязноватом снегу он в своём костюме полностью терялся из виду, его практически не было видно.

Так близко видеть лисицу, да ещё и наблюдать за нею - такое бывает лишь раз в жизни.

Лиса не видела охотника. Всё её внимание было сосредоточено на цепочке загонщиков, с шумом пробирающихся через густой кустарник. Она неподвижно прилегла под основание большого куста, даже по цвету похожая на опавшую листву. Заметить её проходившему рядом с ней загонщику было практически невозможно. Так хорошо и надёжно сумела она замаскироваться. Просто кучка листьев возле корней. И кто бы мог подумать, что это лежит живая и даже не подраненная лисица.

Охотник уже давно держал её на мушке, а она, всегда такая чуткая и хитрая, не ожидала никакой опасности с открытой стороны. И он пожалел её, не отведя стволов и не шевелясь, стал дальше наблюдать за ней.

А лисица, поняв по шуму, что люди уже прошли мимо, осторожно приподняла голову. Убедившись, что опасность миновала, бесшумно метнулась в кусты за спины загонщиков. Растворилась. Будто её и не было.

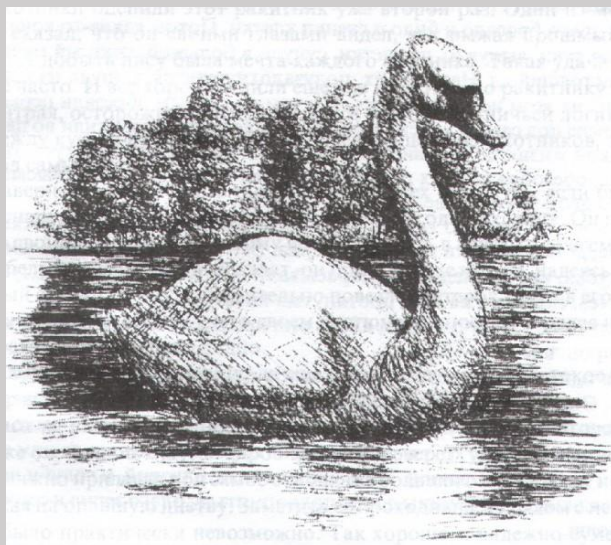
Охотник посидел ещё некоторое время на корточках, улыбаясь чему-то. В этот миг он был по-настоящему счастлив. Слыша спор вышедших из кустов загонщиков со стрелками, он поднялся на ноги и медленно пошёл к ним.

Этот день и этот случай с лисицей остался у него в памяти на всю жизнь.

Бедному же молодому охотнику крепко попало на орехи. Все ещё долго потешались над ним за его богатую фантазию. Шуткам, иногда довольно злым, в тот день не было конца.

А настоящий виновник помалкивал. При особенно острых шутках он опускал глаза, боясь случайно встретиться с кем-нибудь взглядом и выдать себя.

Как-никак он испортил охотникам день.

Лебедь

Небольшое озерко с почти голыми берегами лежало рядом с селом. Стоило в тихую летнюю пору подняться на насыпь оживлённой автомобильной трассы, как открывалась его зеркальная гладь. Незащищённое от ветров, оно в осеннюю непогоду покрывалось рябью и выглядело сероватым, со свинцовым отливом. Искусственный подогрев из артезианской скважины и сильные юго-западные ветра до глубокой осени не давали морозу сковать озеро льдом. Наверное, именно поэтому стало оно излюбленным местом всей перелётной птицы. Большими и маленькими стаями они садились сюда подкормиться и отдохнуть: до самой поздней осени озеро постоянно было густо заполнено шумящей на все голоса летающей братией.

От маленького куличка до огромных лебедей - все находили здесь себе место. Голые берега озера – без камыша и высокой травы – не давали возможности охотникам незаметно подобраться на выстрел. А животных, приходящих к озеру на водопой, птицы не боялись: уже привыкли и знали, что от них вреда не будет. Словом, чувствовали себя здесь свободно, в полной безопасности.

Даже большие стаи чутких гусей садились на чистоводье и, шумно поругиваясь, принимались за кормёжку. И лебеди, широко раскинув огромные крылья – бесшумные белые паруса – опускались с плеском на середину озера.

Поздней осенью, когда морозы сковывали льдом все водоёмы в округе, озеро всё ещё оставалось открытым, и было спасением для запоздавших, последних стай. Утром озеро обычно пустело: все стаи, немного отдохнув за ночь, торопились на юг, к теплу и солнцу.

Однажды на озере появился одинокий лебедь. Он не примыкал ни к одной стае, поднимался иногда в воздух, делал несколько больших кругов вокруг, улетал куда-то на некоторое время, а потом опять возвращался назад.

Он всегда был один. Почему? Кто знает. Может, шальной охотник-браконьер подбил его подругу на перелёте, а может другое какое несчастье случилось с ней, но он так и не улетел дальше со своей стаей. Бесшумно, гордо, словно одинокая яхта, он плавал по озеру.

Морозы по ночам уже круто посыпали травы солью. И лёд медленно, но уверенно всё дальше уходил от берега. Озеро неохотно уступало, только длинная открытая промоина от скважины всё ещё была не замёрзшей. По утрам вокруг озера и местами даже на льду можно было видеть цепочки лисьих и корсачьих следов. Звери становились всё нахальнее, всё ближе подбирались к воде, где всё ещё плавал одинокий лебедь.

Однажды утром, после особенно крутого ночного мороза, озеро оказалось замёрзшим. И позёмка, верная подруга мороза, замела своей широкой метлой все следы. Озеро, покрытое неровным, бугристым льдом, безжизненно застыло на всю зиму.

Никто никогда так и не узнал, улетел ли лебедь или погиб, не желая жить в одиночестве.

Хитрый

Хитрый жил один. Вдалеке от всей остальной заячьей братии. Он поселился здесь несколько лет назад, на краю недавно посаженного сада. До деревенских огородов было не более двух километров, да и молодой, но не обихоженный сад позволял Хитрому совсем неплохо провести зиму. Лисицы боялись близко подходить к человеческому жилью и поэтому тоже его не беспокоили. Когда-то давно проложенные ирригационные каналы, густо заросшие теперь высокой травой, а местами и мелким колючим кустарником, служили Хитрому надёжным убежищем. Да и старые, заброшенные теперь общественные огороды недалеко от села, превратились в непроходимые бурьянные дебри. Несколько квадратных километров когда-то плодородной и обрабатываемой земли стали джунглями. И Хитрому жилось здесь совсем неплохо. Пробовали в этих местах селиться и другие зайцы, но почему-то никто из них надолго не оставался. Иных, наверное, беспокоил шум деревни, и они убегали от неё подальше, а других, возможно, подстерегли охотники.

Хитрому же с охотниками всегда везло, ведь не зря он получил свою кличку. Он так мастерски научился оставлять их с носом, что те давно махнули на него рукой и перестали за ним бегать. Всю заброшенную систему каналов и земляных валов Хитрый знал прекрасно и умел этим очень хорошо пользоваться. Стоило человеку с ружьём появиться на его территории, как он через недолгое время был уже за спиной горе-охотника и, усмехаясь в длинные усы, поглядывал на бестолкового человека из-под какого-нибудь кустика. Тот же, прыгая по кочкам и канавам, не мог разгадать всех хитрых заячьих петель и прыжков в сторону.

Но как-то, в один из зимних выходных дней, несколько молодых охотников, собравшись вместе, решили всё же добыть Хитрого.

Каждого из них по отдельности заяц уже не раз оставлял с носом. Всерьёз обзлившись, охотники решили устроить на него облаву. Тут уже было дело принципа. Ведь вся деревня, усмехаясь, подшучивала: "Охотников много, а заяц прохаживается по нашим огородам и сеновалам, как у себя дома". И они были правы. Хитрый чуть ли не каждую ночь стал посещать деревенские огороды, а иногда даже лакомился сенцом, сложенным за сараями.

И началась облава на ушлого зайца. Но не тут-то было. Хитрый полдня протаскал охотников за собой, но ни разу не подпустил их к себе на расстояние выстрела. Наконец, собравшись полукольцом и постреливая для острастки в

воздух, охотники сумели выгнать Хитрого на чистое место. И он, прижав уши, стал улепётывать в сторону деревни. Охотники врассыпную бросились за ним. А Хитрый исчез. Все видели, как он забрался на насыпь возле края деревни, а дальше он словно сквозь землю провалился. Один из ребят, пройдясь по следу, схватился за живот: "Гляньте! Хитрый-то по канаве, навстречу нам, спокойно упрыгал назад в бурьян".

Вспотевшие, взлохмаченные после бега, они громко гоготали сами над собой. Ну, даёт Хитрый! Стыдно в деревню идти. Ведь все куры засмеют. Короткий, зимний день подходил к концу, но ребята, не поддаваясь усталости, решили ещё раз прочесать бурьянник. Одного охотника они отправили в противоположную сторону для засады, на случай, если Хитрый всё же решится уйти на большие поля.

Охотники с шумом ломались через высокий, жёсткий бурьян, а тот, что должен был сидеть на противоположной стороне, решил иначе:

„Ты заяц хитрый, но я не глупее тебя“.

И не стал далеко отходить от того места, где его друзья вломились в чащобу.

Рядом с бурьянником проходила накатанная летом тракторами колея, и примерно в тридцати метрах от неё находился невысокий земляной вал. За этот вал охотник и спрятался, выставив только ствол ружья.

На этот раз Хитрый перехитрил сам себя. Неторопливыми прыжками, прямо по колее, двигался он навстречу ломившейся по бурьяну цепочке охотников.

Промахнуться по зайцу было невозможно, и бич заряда достал его прямо в прыжке.

Клык

Клык был самым крупным кабаном в стаде диких свиней. Уже много лет селилось это стадо в тугаях у неглубокой речки. Тугай – это не просто лес или кустарник. Нет, это непроходимые дебри по берегу реки.

Отличался Клык от остальных свиней ещё и цветом своей щетины. Она была у него какого-то свинцово-серого цвета, с коричневой опушкой. Клыком прозвали его местные пастухи за то, что у него и вправду был только один, но довольно внушительных размеров, клык. Где, когда и как он потерял второй, не знал никто. В своём стаде Клык был самым свирепым, хитрым, но и самым осторожным бойцом. Не одна пастушья собака, глядя на его сгорбленную убегающую спину, попала на этот хитрый трюк. Преследуя Клыка, собаки, войдя в охотничий азарт, забегали далеко в тугаи, и зачастую это было их последней ошибкой.

Тугаи извечно были владениями диких свиней, и Клык был здесь полноправным хозяином. По узким и очень низким тропинкам-туннелям, которые протоптали свиньи, собаки могли бежать только гуськом, одна за другой, и у них не было свободного пространства для маневра или разворота. И Клык этим мастерски пользовался и встречал их по одной прямо в лоб. Редко какая собака после такой встречи возвращалась живой обратно, а если и были такие случаи, то шрамы от нанесённых кабаном ран оставались на всю жизнь. Такая собака уже никогда больше не пыталась нападать на диких свиней. Одного урока было достаточно. Поэтому пастухи, наученные горьким опытом, слышав тревожный лай собак, прикладывали все силы, чтобы только вернуть их назад.

А клык наглед... Ночами он со своим стадом совершал длинные переходы и опустошал уже даже самые дальние поля. Доставалось от свиней и огородам, и охраняемым бахчам. Иные огороды после ночного набега выглядели как свежевспаханное поле. Бахчеводы пробовали раскладывать по краям своих огромных плантаций отравленные приманки, надеясь хотя бы таким

нелегальным способом найти управу на опустошителей. Но не тут-то было. Клык обводил послушное ему стадо далеко стороной от лежащих приманок, он издали чуял горьковатый запах яда и купить его на такую дешёвку было не так-то просто, вернее невозможно.

Запах пороха и ружейного масла Клык помнил ещё с того дня, когда их стадо попало в засаду, устроенную бывальыми и опытными охотниками. Случилось это ночью. Он был тогда ещё маленьким подсвинком. Дикие свиньи всем своим немалым стадом совершили очередной ночной набег на одну из находившихся рядом с тугаями бахчу. И вдруг в том месте, где стадо прошло к бахче, совсем неожиданно для свиней, раздался громкий хлопок выстрела. Стадо рвануло в другую сторону. И в лоб им ударили острые жала яркого слепящего света. Охотники били на выбор, и световые лучи служили им отличной наводкой. Клыку тогда повезло: он остался жив, а урок этот он запомнил на всю жизнь. И чуял запах горелого пороха и ружейного масла за многие сотни метров. Он мог отличить его от всех других запахов, несмотря на все ухищрения охотников. Порох и ружейное масло были для Клыка признаком самой страшной опасности. И если он где-нибудь чуял его, то немедленно поворачивал обратно или обходил это место далеко стороной, несмотря на голод и дразнящие запахи дынь, арбузов или других лакомств. И именно это чувство уже не однажды спасало его, а вместе с ним и всё стадо, от тяжёлых зарядов смертельной картечи из засады.

В последнее время Клык облюбовал для своих ночных набегов лежащее на порядочном расстоянии от тугаёв огромное кукурузное поле. Оно было похоже на густой непроходимый лес.

Пастухи со своими стадами откочевали подальше от полей, чтобы понапрасну не дразнить скот, а механизаторы, посеявшие кукурузу и наделавшие по весне в этих местах немало шума, уже давно не показывались. Они словно забыли о засеянном поле, и кукуруза была брошена на произвол судьбы. Но не паханная никогда земля и благоприятное дождливое лето совершили настоящее чудо. Кукуруза встала стеной. Она набралась сил и соков.

Для диких свиней это был настоящий рай. И они, обленившись от обильной еды, стали оставаться на поле и на день, благо их никто никогда не тревожил. В одной из многочисленных ляг свиньи, основательно поработав своими мощными клыками и пятаками, добрались до почти совсем заглохшего родника. И он ожил. Чего ещё надо? Вода есть. Еды вволю. И стадо стало жиреть и терять чуткость.

Беда нагрянула внезапно. В один из солнечных, тёплых осенних дней, когда свиньи мирно дремали, они были разбужены невообразимым шумом. Автомобили и трактора потоком шли именно там, где пролежала тропа, связывающая кукурузный рай с тугаями. Стадо заметалось. Но со всех сторон была бескрайняя, голая, открытая степь. Туда хода не было, а единственный спасительный путь для бегства в родные тугаи был наглухо закрыт, отрезан. И свиньи замерли, притихли, чутко прислушиваясь и принюхиваясь к шуму и неприятному запаху, доносившемуся от края поля. Трактора с натужным рёвом стали бороздить край поля, срезая, как огромной бритвой, кукурузу ряд за рядом. Поле уменьшалось на глазах.

Часть стада не выдержала... Они рванули в открытую степь. На это как раз и рассчитывал отряд охотников, прибывший вместе с механизаторами. Мощные грузовики с опытными стрелками в кузовах пошли вдогон. Уйти от такой погони в открытой степи невозможно.

А Клык ждал. Только небольшая часть стада осталась с ним, надеясь на его находчивость и хитрость. Наступила темнота. Рёв тракторов затих и только в лагере, который механизаторы разбили на краю поля, было ещё шумновато. Но и этот шум понемногу затихал и наконец, всё успокоилось, замерло. Клык отправился на разведку. Добрая часть кукурузы со стороны тугаёв исчезла. На том месте была теперь большая чистая проплешина. И чуть поодаль, длинной цепочкой, большими тёмными кучами стояли трактора и автомобили. Они словно забором перегородили путь отступления свиней.

Клык осторожно, без единого шороха, по кукурузе, обошёл по большому кругу весь остаток поля. Но везде, на каждом шагу, он чувствовал запах горелого пороха и ружейного масла.

Засада. Опасность. Здесь свиней ждали охотники.

И Клык решился. Из двух зол он выбрал меньшее. Клык, а за ним и весь остаток стада, гуськом, след в след, словно бесшумные тени, прошли совсем рядом с тракторами. Они шли по самому короткому для них пути.

Нестерпимо воняло соляром и ещё чем-то непонятным, но запаха пороха и ружейного масла Клык здесь не чуял.

Охотники разбили свой лагерь в сторонке от механизаторов, а сами вкруговую оцепили поле, надеясь на то, что остаток стада попытается ночью уйти. Они и мысли не могли допустить, что Клык поведёт остаток своего стада напрямую, мимо специально расставленных непрерывной цепочкой для отпугивания свиней, тракторов и грузовых автомобилей. Такого случая в их практике ещё никогда не было.

Клык и на этот раз ушёл невредимым. Он увёл послушное ему стадо из-под самого носа бывалых охотников.

«Кряша»

Осенний субботний вечер не задался. Он не просто оказался неудачный, а стал переломном вехой в жизни Эдуарда. На утиной охоте ему всегда не очень-то везло, но в этот вечер ни один их многих дуплетных и одиночных выстрелов своей цели не достиг. Устроился вполне удачно, под прикрытие куста рядом с водой. Его практически не видно, а обзор открыт почти вкруговую, но удача пролетала стороной.

Окончательно испортил настроение эпизод с одиноко летящей прямо над ним уткой. Вроде всё сделал так, как нужно. Правым стволом, который разбрасывает дробовой заряд шире, сделал первый выстрел – мимо. Левым ударил уже вдогон, а утка, как в насмешку, сделал крутой вираж на левое крыло, круто спикировала прямо в камыши за плёсом.

– Ну, впрямь как десантник в тылу врага приводняется эта хитруша.

Подумал он про утиный маневр.

Сидя на берегу островка, в центре большого озера, куда он перебрался на своей лодке-плоскодонке, стал любоваться вечерним озером. Для непосвящённых оно может показаться неживым, но Эдуард знал точно – озеро живёт, а ночью живёт особенной ночной жизнью. Ночью озеро наполняется звуками, которыми, если их могли бы понимать люди, можно было бы заслушиваться, как лучшими оркестровыми исполнениями.

– Кто сегодня, в век электроники и техники проводит своё личное время в одиночестве, да ещё там, где комары ведут свой разбойничий промысел, не взирая ни на что? Да, таких чудаков немного.

Задумавшись, Эдуард не заметил, что уже стемнело, а закат из розовой огромной полусферы превратился в едва заметную полоску. Полная луна, словно заигрывая с кем-то, прикрылась как веером небольшим облачком.

Очнулся от резкого, прямо неестественно громкого в этой обстановке вскрика «Кря».

– Я что, сплю, или мне мерещится? Нет, это же живая утка мчит как пароход прямо на меня.

А утка, оставляя на гладкой как зеркало воде мелко разбегающиеся в стороны волны, уже в нескольких метрах от берега, где сидел Эдуард, повторила своё «кря» ещё раз.

– Такого не может быть...

Бывает, да ещё и как. Утка выбравшись на берег, и неуклюже переваливаясь с боку на бок направилась к Эдуарду. Вплотную приблизившись к обескураженному охотнику, и требовательно прокричав своё «кря» ещё раз, ухватила за полу охотничьей куртки и стала её теревить.

– Я схожу с ума! Меня, охотника с двустволкой в руках шугает какая-то пичуга...

Утка, тем временем обойдя охотника сбоку и немного прошуршав сухой травой, уселась возле него. Эдуард, включив карманный фонарик, наконец, стал понимать реальность всего происходящего – он уселся в утиное гнездо.

– Так вот почему мне так удобно здесь сидеть. Утка, выбрав небольшой бугорок под кустом, натаскала сюда всякого мусора и поселилась здесь на острове, где её не могут достать хищники, а я как оккупант захватил её жильё. Ну и дела.

Утке, очевидно, не понравилось сидеть не в гнезде, а сбоку и она снова ухватилась за полу куртки. Эдуард взял её на руки. Она не сопротивляясь ухватилась за пуговицу куртки пытаясь её оторвать.

– Ты что, за пазуху, в тепло хочешь?

И действительно, как только он расстегнул верхние пуговицы куртки, она просунула в открывшееся ей тепло голову.

– Чудеса, да и только...

Эдуард, осторожно перехватив руками тельце утки уложил её себе за пазуху. Так и приехали домой, и утка ни разу не попыталась вырваться или каким-либо образом показать своего недовольствия.

На следующий день, благо было воскресенье, и вся семья была в сборе, на птичьём дворе, куда была выпущена утка, разыгрался настоящий спектакль, свидетелями которого стали не только члены семьи, но и ближайшие соседи.

Утка-найдёныш показала курам, уткам и всем другим пернатым населяющим двор кто здесь хозяин. Воинственно разбросив в стороны крылья и вытянув длинную шею, она бросалась даже на гусей если те пытались ущемить её в правах. Жена Эдуарда, наблюдая за происходящим на птичьём дворе сказала, что утку нужно назвать «Хозяйка», но это прозвище не прижилось. Эдуард предложил назвать своего найдёныша «Кряшей» и дети с радостью поддержали его.

Утке-дикарке устроили отдельное комфортабельное гнездо в стороне от куриных и других гнёзд, и она стала любимицей и достопримечательностью всей семьи.

Много времени спустя Эдуард узнал историю утки-найдёныша. Выяснилось, что «Кряша» действительно одомашненная дикая утка. Сбежала при весенней охоте от своего хозяина.

Опытный охотник и рыбак из соседней деревни подобрал как-то по весне несколько осиротевших диких утят. Одного из выживших сирот, превратившегося со временем в утку-крякву, вырастил специально для весенней охоты, которая разрешает охотиться только на селезней с подсадной уткой. Несколько лет она прослужила приманкой для одуревших по весне селезней. На её громкое кряканье отреагировало немало простаков-уताков, поплатившись за это своей жизнью, но, видимо, вольная жизнь ей всё же показалась на время интересней чем тесный сарай и она, освободившись от якорька, прикрепленного ремешком к её ноге, уплыла от человека в незнакомый ей мир. А мир этот, очевидно, оказался для неё неприветливым, но ей повезло – она встретила доброго человека, который её никогда больше не использовал в роли приманки.

Как «Кряша» смогла пережить лето, избежать жадных когтей летающих, плавающих и бегающих хищников, не попасть под дробовой заряд во время открытия осенней охоты осталось нераскрытой тайной для всех.

Урок-зарок

Два парня, два закадычных друга, набегавшись на улице с детворой, присели покурить на лежащем во дворе сухом бревне. У них выпал редкий выходной день. Даже непривычный как-то для них. Парни не знали, куда себя деть и уже полдня строили вместе с малышами ледяные крепости и туннели под снегом. А снега в эту зиму было с избытком. Сугробы высотой с дом закрывали дворы и огороды. И пройти или проехать по селу можно было только по накатанным санями дорожкам. Ступишь в сторону – так сразу по пояс, а то и с головой в снегу.

Солнце, обрамлённое серым дымчатым кольцом, медленно опускалось к горизонту. Да и морозец, покрепчавший уже к вечеру, не давал спокойно посидеть. Он старательно щипал за нос и уши, и ребятам приходилось их постоянно оттирать.

Снежок, брошенный кем-то из маленьких проказников, сбил одному из парней с головы шапку. Тот, подхватив её на лету, и ради шутки, рыча, как медведь, погнался за шалунишкой. Этот проказник был его меньший братишка, и он его очень любил и баловал. Шустрый маленький шалунишка мигом исчез в одном из прорытых под снегом туннелей. Парень, громко крича в туннель, что искупает сорванца в снегу и надерёт уши, внимательно поглядывал по сторонам. Он знал, что шалун сейчас обязательно выскочит где-нибудь из другого хода. Так и случилось. Чуть поодаль из-под снега показалась голова. Парень бросился прыжком в ту сторону и почти с головой провалился в снег. Теперь хохотали уже все: преследующий сам оказался в ловушке. Малыш, увидев, что над его старшим братом ржёт вся улица, подошёл к нему и протянул руку.

"Давай вытащу", – как взрослый сказал он брату. Тот, для вида приняв руку, выбрался из снега и, подхватив малыша, стал подбрасывать высоко в воздух. Малыш, широко раскрыв свои чёрные глазёнки, поглядывал по сторонам и кричал:

"Ух, здорово! Ещё! Ещё! Ещё!!!"

А потом они все вместе заделывали снежными плитами развороченный снежный туннель. Начало темнеть и мать позвала малыша в дом. Он неохотно, ворча, что ещё рано, всё же отправился домой. Второй парень, всё ещё покуривающий на бревне, вспомнил про свою покупку и предложил другу:

"Хочешь посмотреть моё новое ружьё?"

Кто же откажется от такого предложения? И они по переулку отправились к нему домой, на соседнюю улицу. Оббив возле порога покрытые льдом и снегом валенки, вошли в комнату.

На чисто выбелённой стене на двух крюках висело новенькое ружьё. Хозяин взял его в руки и, шутя, прицелился в гостя. Тот сразу стал серьёзным. Отведя ствол в сторону, он сказал своему другу:

"Знаешь, мой отец всегда говорит, что ружьё раз в год само стреляет, и он запретил мне раз и навсегда целиться в человека, пожалуйста, не делай и ты этого никогда".

Не знал владелец нового ружья, что приехавший пообедать брат не устоял перед соблазном. Полюбовался он покупкой и даже проверил, как входят в

ружьё патроны. На беду, взял для проверки не пустую гильзу, а заряженный патрон. Патрон оказался раздутым и засел в стволе намертво. Мужчина, решив, что вечером, когда будет время, доведёт начатое дело до конца, повесил ружьё на крючья. Не подумал он, что такая неосмотрительность может привести к трагедии.

...Хозяин засмеялся: "Да ты что, я даже не успел его зарядить. Смотри".
И, взведя курок, направил ствол в потолок и нажал на спусковой крючок.
Их обоих оглушило грохотом, а в потолке появилась дыра величиной с добрый кулак.
Неписаное жизненное правило, о котором так часто напоминал отец, и на этот раз спасло жизнь человека.

Ночь

Было уже за полночь. Шофёр выбивался из последних сил. Буран окончательно забивал дорогу, и даже лопата, верная помощница, не могла выручить. Шофёр не успевал прокопать левую колею, как правую уже плотно закладывало снегом, да и мотор стал троить и не тянул. Струйки снега через подкрылки забирались уже и под капот грузовика к самому сердцу мотора, грозя остановить его. Откопав ещё раз передние колёса, шофёр посмотрел вперёд. Свет фар пробивал сплошную завесу снега всего на несколько метров. Он тяжело привалился на крыло, чтобы перевести дух. Шофёр вёл этот неравный бой с бураном и снегом уже немало часов и вымотался до предела, но не хотел сдаваться. Очень упрямый, настырный по характеру, он всё-таки понял, что при всём его желании пробиться дальше не сможет. На этот раз придётся сдаться, а это значило, что надо ночевать в дороге.

Забравшись в кабину, он стал прогонять мотор, крепко его прогазовывая, но мотор не выровнялся, он всё также продолжал притраивать. "Лишь бы не заглох", – подумал шофёр, вытягивая кнопку ручного газа и добавляя холостые обороты двигателя. Он тяжело выбрался из кабины и прямо с подножки забрался в кузов, где у него лежал большой кусок брезента, туго смотанный в куль. Сбросив куль против ветра прямо в снег, он и сам прыгнул следом и провалился в него чуть ли не по пояс. "Ну и валит", – подумал он, – хорошо, что я штанины сразу выпустил на валенки, иначе ноги бы уже давно были мокрые".

Раскатав брезент вдоль грузовика, шофёр старательно забил правой ногой его край под раму и колёса грузовика. Затем, взяв куль обеими руками, стал разматывать его вверх, плотно прижимая всем своим телом к жестяному боку кабины. Наконец, брезент с громким хлопком раскрылся и полностью, как покрывалом, накрыл весь перед грузовика, захватив при этом даже часть кузова. Шофёр, взяв лопату, стал черенком старательно закреплять брезент со всех сторон, подбивая его под колёса, бампер, раму. Закрепив, таким образом, брезент намертво со всех сторон и забросив лопату в кузов, он ещё раз огляделся. Кругом кромешная тьма, фары, закрытые брезентом, света не давали совсем. Дикий вой ветра и больше ничего.

Чуть-чуть оттянув брезент с подветренной стороны, шофёр с трудом протиснулся в кабину и двумя руками притянул за собой неподдающуюся дверку. Хлопнуть ею, как обычно, помешал брезент. Он включил свет в кабине и выключил фары. Посмотрел на приборы. "Бензина хватит, полбака ещё есть", – подумал он. Чутко прислушиваясь, несколько раз прогазовал мотор, тот работал чисто. "Ага, мой спаситель-брезент уже начинает помогать мне, закрыл доступ снегу к мотору и тот высох, ожил, не троит больше, – подумал шофёр, – теперь живём". Он утопил кнопку ручного газа, и мотор мягко заурчал на малых оборотах. Затем снял с себя порядком промокший ватник и одел другой, сухой, который он всегда возил с собой, а точнее сказать, под собой. Вторым ватником он всегда накрывал своё сиденье. Жёсткий и холодный зимой дерматин был не очень-то приятен его тощему заду и поэтому второй ватник всегда был при нём. В кабине понемногу становилось теплее, это опять-таки выручал брезент. Холодному, пронизывающему ветру не было доступа ни к мотору, ни к кабине.

Через несколько часов неподвижного сидения, шофёра начала одолевать дремота. "Только не спать. Спать нельзя", – твердил он, а глаза закрывались сами по себе, и он всё-таки уснул. Сказался трудный день: ведь, сколько пришлось перелопатить снега, пока окончательно не застрял.

Ему приснилось, что его кто-то душит. Он не видел лица душившего, только чувствовал его руки. Они воняли чем-то тяжёлым, тошнотворным. Отбиваясь во сне от них, шофёр очень сильно и больно ударился носом о баранку и от этого проснулся.

Это спасло ему жизнь.

Очумело оглядываясь, он не мог понять, что с ним, где он. Прислушался. Мотор тихо и ровно работает, и он всё вспомнил. Но почему так тихо, совсем не слышно ветра. Он попробовал открыть водительскую дверку кабины – не поддаётся. "Привалило снегом", – подумал он. Перебравшись на другую сторону, он толкнул правую дверку – то же самое.

Страх, жуткий страх, ударил, словно кувалдой.

„Замурован! Заживо замурован!“

Он схватился за ручку стеклоподъемника, и боковое стекло плавно побежало вниз, в дверку. Открыл «бардачок», достал нож и вспорол брезент. Снег. Плотный как сахар-рафинад снег. Встав коленями на сиденье, он выкромсал ножом клоч брезента. Снег при этом сыпался в кабину, но он не обращал на это никакого внимания. Он весь взмок и почему-то боялся потерять сознание. Он не мог понять, что с ним творится. Прогнувшись головой в сторону лобового стекла и продолжая стоять на коленях, правой рукой стал проламывать снег наружу и вверх. И рука, наконец, ушла в пустоту. Не натягивая шапку, которая упала ему под ноги, он выбрался через образовавшуюся дыру наружу и замер, ослеп. Был ясный солнечный день. Бурана не было и в помине. Стоял жёстковатый морозец. Вокруг расстелился огромный сугроб, почти полностью закрывший грузовик, и только часть заднего борта ещё виднелась из-под снега. Хватая открытым ртом воздух, шофёр сделал несколько шагов вперёд и вдруг стал падать. Он был в полном сознании, но тело совершенно не подчинялось ему. Он упал навзничь.

"Люди подумают, что я пьян", – подумал он, переворачиваясь на живот. Медленно поднялся на колени, а потом встал во весь рост, но устоять на ногах не смог и стал снова заваливаться на спину.

Шофёр ещё никак не мог сообразить, что угорел от выхлопных газов мотора, и чудом избежал смерти.

Из разбитого носа текла тоненькая струйка крови и смешивалась со слезами, текущими из глаз.

"Неужели конец? Что же это со мной?"

Лёжа на спине и глядя в небо, шофёр не видел, что к нему от остановившегося поодаль гусеничного тягача, со всех ног, прыгая через сугробы, несутся люди.

Коршун

Мальчик плакал от бессилия и злости. Он спрятался от своих приятелей в дровянике и ревел белугой, уткнувшись носом в свои ободранные коленки. Только что, на виду у всей играющей на улице детворы, коршун опять унёс цыплёнка. Этот разбойник-коршун повадился к ним во двор, как к себе в кладовку.

Мальчишка на целый день оставался один дома и за хозяина, и за хозяйку. Его родители уходили на работу чуть свет и приходили лишь поздно вечером, а мальчику оставляли кучу работы. Накормить и напоить скот и птиц, привезти воды. В общем, работой он был загружен на целый день. Да и поиграть в войну ещё хотелось между делом. Уж тут-то как раз время и летело, оглянуться не успеешь – уже вечер. Вот-вот придут домой голодные, уставшие после тяжёлого трудового дня, родители. А работу, заданную на день, он сделал только наполовину. Тут уж приходилось вертеться юлой, чтобы всё привести в порядок. Но с этим мальчик свыкся, и работа эта приносила ему удовольствие. Он чувствовал себя гораздо взрослее и даже гордился тем, что он всё умеет и неплохо справляется со всем своим хлопотливым хозяйством.

А теперь вот этот бандит. Коршун совсем обнаглел. Он прямо от леса, который находился в километре от их двора, низко, почти касаясь травы, напрямиком летел к деревне. Его почти не было видно в полёте. И только когда куры с кудахтаньем бросались во все стороны, мальчик знал: коршун здесь. Но тогда было уже поздно. Коршун, не делая никаких кругов и лишних движений, точно планировал во двор и промаха не знал. Прямо на лету, с ходу, его когти подхватывали жертву и, круто забирая вверх, он с разворотом уносился к лесу. Коршун этот появился недавно, с неделю назад, но времени хватило, чтобы полдюжины подростков-цыплят как ветром сдуло. А ведь мать так строго наказывала: "Сынок, ты не уходи со двора, а то этот бандит нам всех курей перетаскает".

Немного успокоившись, но, всё ещё всхлипывая и пошмыгивая носом, мальчишка выбрался из дровяника. Он решил построить огородное чучело. Задумано – сделано. И он установил его на краю двора, поближе к огороду и лесу.

Прошло несколько дней, но коршун ни разу не появился над их двором. Правда, мальчик видел его, но только издали. Коршун, сделав пару больших кругов над огородами, и, наверное, боясь залетать дальше в деревню, уносился в сторону озера, лежащего недалеко от полосы леса.

"Всё, больше не прилетит, чучело меня выручило", – сделал вывод мальчишка. Но в один из последующих дней, прибираясь в сарае, он выглянул в маленькое, выходящее на задний двор окошко, и замер.

Коршун спокойно сидел на скирде прошлогоднего сена, которая стояла в двадцати метрах за сараем. Со двора коршуна не было видно, а тот со скирды видел всё, но, видимо, чучело всё ещё отпугивало его. Лёгкий ветерок трепал старый рваный плащ на жиденькой жёрдочке и коршун сердито и настороженно поглядывал в ту сторону.

Мальчишка разозлился всерьёз: „Ну, гад, подожди. Я тебе устрою баню!“

Он знал, где у отца хранится ружьё. С трудом загнав патрон в патронник ружья, и защёлкнув «переломку», он бесшумно подкрался к окну.

Коршун теперь поглядывал уже во двор, где, не ведая опасности, носились табунками цыплята. Мальчик осторожно положил ствол ружья на подоконник, но не стал высовывать его наружу, чтобы не спугнуть коршуна.

"Хорошо, что я тогда промазал", – подумал он.

Однажды, гоня рогаткой скворцов и воробьёв с вишни, он нечаянно попал в окно сарая и разбил стекло, и теперь это ему здорово пригодилось.

"Придётся мне во всём сразу признаваться отцу, что самовольно взял ружьё и что окно разбил", – промелькнула у него мысль.

Мальчику пришлось встать на цыпочки, пока, наконец, коршун не оказался на мушке. Он нажал на спуск, и отдача тяжёлого ружья опрокинула мальчишку спиной прямо на кучу навоза.

"Теперь ещё и от матери попадёт", – подумал он с досадой, поднимаясь и отряхиваясь. Подхватив двумя руками ружьё, он опрометью бросился во двор. Обежав сарай и скирду, он увидел своего врага-коршуна. Тот лежал на земле серо-коричневой кучей перьев. Мальчик с опаской тронул его стволом ружья. Мёртв. Прислонив ружьё к скирде, мальчик взял коршуна за крылья и приподнял. "Ого, ну и здоровый же он и я, я сам рассчитался с этим бандитом", – с гордостью подумал мальчишка.

И он был вправе гордиться. Далеко не каждому, даже взрослому охотнику, удаётся снять коршуна.

Заброшенный сад

Старенький фургончик скрипел и гремел на ухабах до невыносимости и, казалось, что он прямо сейчас, на следующей колдобине, рассыплется, что он не выдержит всех этих прыжков по колеям и канавам. Но это только так казалось. Фургончик был вынослив, как ишак.

Четыре закадычных друга, четыре заядлых рыбака уже не первый год выезжали на нём на рыбалку, и старичок-фургончик их ещё ни разу не подводил. Он стучал, гремел, скрипел, но всегда вывозил из всех передряг.

Вот и сегодня ему опять достаётся с лихвой. Дождь пошёл совсем неожиданно, а они рыбачили километрах в пяти от асфальтовой дороги. Пока собрались, уложились, дорога превратилась в сплошное болото. За руль садились по очереди, а трое остальных были толкачами. Они толками фургон плечами, руками, чем придётся. Так и добрались до асфальта. По уши в грязи, вымокшие до нитки, они вытолкнули, наконец, фургон на твёрдую дорогу.

Очищая ноги о мокрую траву и собираясь уже нырнуть в тёплое нутро фургона, они услышали крики о помощи.

С другой стороны дороги, от старого заброшенного сада, к ним бежал и кричал какой-то пижонистый мужчина в шикарном костюме и таких же туфлях.

"Братцы, выручите, пожалуйста, пузырь поставлю, помогите выехать на дорогу", – попросил он приятелей, забираясь на насыпь и тяжело при этом дыша.

Один из рыбаков, поглядев на него, а потом на своих приятелей, сказал:

"На четверых одного пузыря маловато будет" – и подмигнул своим друзьям.

"Лады мужики. У меня как раз две бутылки есть в запасе, только вытолкайте на асфальт".

Друзья отправились вслед за пижоном, шагая по высокой, мокрой траве, в сад. Метрах в ста от дороги, среди деревьев, грузно присев на заднюю ось, поблёскивая новым лаком, стоял внушительных размеров лимузин. Пижон сел за руль, а мужики, пристроившись сзади и по бокам, принялись дружно толкать. Задние колёса бешено закрутились, но автомобиль не тронулся с места.

Один из рыбаков, стоящий поближе к водителю, сказал ему:

"Ты, балда, в раскачку бери. В раскачку. Понял"?

Пижон сообразил и после нескольких рывков лимузин, пришлёпывая баллонами, выбрался из ямы и мягко покотился по траве в сторону дороги. Приятели шли рядом, подталкивая его, чтобы не дать автомобилю скатиться обратно в колею. Один из них с любопытством заглянул в маленькое боковое стекло (остальные были сильно затонированы) и у него перехватило дыхание. На заднем сидении полулежала женщина. Глаза её были закрыты, по лицу блуждала счастливая улыбка. Глядя на неё, можно было подумать, что она спит и видит самый чудесный в своей жизни сон. Накрыта была женщина мужским плащом. Заглянувший в автомобиль мужчина уже не помогал больше толкать, а крепко ухватившись за ручку дверцы, еле перебирал непослушными ногами и ничего не соображал. Он ослеп и оглох.

Лимузин, набирая скорость, выехал на дорогу и, немного прокатившись по твёрдому покрытию, остановился у обочины. Пижон, выбравшись из машины,

открыл багажник и достал две бутылки. Протягивая их идущим навстречу ему мужчинам, он сказал:

"Я думаю, мужики, вы будете на меня не в обиде – водки нет, есть только коньяк. Ещё раз большое спасибо за вашу помощь".

Он торопливо сел за руль, и лимузин быстро скрылся за поворотом.

А друзья, забравшись в свой фургон, ехали домой. Трое были заняты тем, что обсуждали, у кого бы распить так кстати подвернувшиеся бутылки, и не обращали внимания на четвёртого, а он был убит увиденным. Не очень разговорчивый по характеру, сейчас он вообще молча сидел на заднем сидении, уткнувшись носом в боковое стекло. У него в голове билась, словно подраненная птица, только одна мысль:

"Как она могла? Как она только могла"?

Он вместе со всеми распил коньяк, но пил его как яд, как смертельную отраву, через силу вдавливая в себя. Потом посидел ещё со своими друзьями, прислушиваясь, но не слыша их разговоров и вскоре, сославшись на усталость, попрощался со всеми за руку, чем даже удивил своих приятелей, и отправился домой.

Войдя во двор, он сразу направился в гараж, который находился в глубине двора. Посидел на верстаке, крепко обхватив руками голову и покачиваясь всем корпусом, а потом решительно приподнялся и достал из настенного шкафчика свой старый охотничий нож. Взяв нож в левую руку, он по привычке провёл большим пальцем правой руки по лезвию и, закрыв глаза, с силой ударил себя ножом в грудь.

Истошного женского крика он уже не услышал. Тело его медленно, как мешок с мукой, стало заваливаться к верстаку. Руки обвисли словно плети, а в груди торчал нож, загнанный по самую рукоятку.

Врачи спасли ему жизнь. Но он умер! Он умер ещё там, в том старом, проклятом, заброшенном саду.

Лёха

Лёха, так звали его все его однополчане, служил уже третий год в этом расположенном у самого стыка трёх государственных границ, отдельном разведывательном батальоне. Был тих. Малоразговорчив. Особой дружбы ни с кем не заводил. Держался всегда золотой середины. Никогда не выскакивал вперёд, но и не отставал от других. В глазах офицеров он был нормальный, здоровый и надёжный солдат. Заслужил сержантские лычки, но от этого не изменился, как многие другие, а остался тем же Лёхой.

Как-то, сидя в один из немногих свободных часов на скамеечке у футбольного поля, он разговорился с сержантом-годком из соседней воинской части. Лёха, обычно только слушающий, почему-то именно этому парню вдруг всё рассказал о себе. Проблемы-то у всех ребят были схожи. Не дождавшись их, девчонки выходили замуж и прилетали в воинские части письма, как камни. Они разбивали мечты парней в пух и прах и многих выводили из строя не на один день. Офицеры, заметив такое, даже боялись ставить их в караул, от греха подальше.

Лёха же рассказал совсем другую историю.

Он дал своей любимой слово никогда больше не драться. Что бы ни случилось, не драться.

И не сдержал своего слова. Она сказала ему потом:

"Лёха, на тебя даже страшно смотреть, когда ты дерёшься. Я до ужаса начинаю бояться тебя в такие минуты. Ты становишься животным, нет, бесчувственным роботом!"

И самое неприятное было, что он знал: да, его любимая права. В самые острые минуты опасности он словно раздваивался. Время для него растягивалось до бесконечности. Он даже не мог дождаться, когда, наконец, рука противника долетит до него.

Лёха всегда совершенно точно знал, когда, куда и как будет совершён удар по нему. Не было разницы, стоял ли его противник лицом к нему, боком или спиной. Был ли он правой или левой. Был ли он один или их было несколько. Откуда он это знал, Лёха и сам не мог бы объяснить. Но он точно знал, чувствовал, что произойдёт через мгновение, и всегда был заранее готов уйти от удара, заблокировать его.

Лёха-то, по сути дела, никогда и не дрался, а только оборонялся, но оборонялся с очень тяжёлыми обычно для нападающих последствиями. И чем сильнее били по нему, тем сильнее увечили себя сами его противники. Лёха никогда не пытался погасить энергию направленного на него удара, наоборот, он ещё чуточку добавлял своей энергии. Совсем немного, но этого, как правило, хватало. Второй раз руку на него уже никто никогда не поднимал. Просто были не в состоянии этого сделать.

А беда эта, когда он нарушил данное им подруге слово, случилась вечером, в парке отдыха, рядом с открытой танцевальной площадкой. Стояла чудесная летняя, тёплая, именно тёплая, а не душная погода. Они присели недалеко от танцплощадки на скамеечку отдохнуть. Неподальёку от них сидела стайка выпускников школы. Парни старались выглядеть постарше, взрослее, говорили баском, но с первого же взгляда можно было безошибочно сказать, что они только что со школьной скамьи.

Подруга Лёхи, склонившись к нему на плечо, прошептала ему на ухо:

"Лёха, посмотри на тех ребят. Какие они все красивые и счастливые. Я им ужасно завидую".

А Лёха нутром чувствовал, что им то именно в этот момент завидовать как раз и нечего. Он знал, что сейчас случиться, и не радовался этому.

Лёха уже несколько минут наблюдал за большой группой парней. Они о чём-то очень громко разговаривали, и один из них несколько раз показал рукой на выпускников.

"Ну, сейчас начнётся представление", – подумал Лёха, увидев, как один из группы, по блатному размахивая руками, направился к выпускникам. И точно. Подойдя к молодёжи, он заговорил о чём-то с ребятами. Разговора Лёхе не было слышно, но он и так знал, чем всё это закончится. Подошедший парень небрежно стряхнул пепел своей папиросы на плечо одной из сидящих девушек. Парни, естественно, ощетинились. В ответ – крутой матерок. Оплеуха. Крик о помощи. И пошло-поехало. Целая лихая ватага валит на расправу. Всё, как всегда. По заранее разыгранному сценарию. Только на этот раз произошла осечка. Один из выпускников школы оказался довольно вёртким и крепким. Пара хлётских крюков и двое блатных из нападающей шайки пластом легли на асфальт. Но подлый удар кастетом сзади, в затылок подломил крепышу ноги и один из шайки стал его, уже лежащего, бить прямо в лицо ногой.

И тогда Лёха не выдержал. Он забыл про всё. Про любимую, что осталась сидеть на лавочке, сжавшись в комочек, про данное им слово. Лёха видел теперь перед собой только стадо зверей.

Первого, кинувшегося на него, Лёха отправил через себя, даже не оглянувшись назад, а тот грузным кулем, головой вперёд, тяжело лёг на асфальт. Второму, с кастетом, Лёха порвал связки на руке и помог ему так, что тот всем своим весом приземлился на свою же руку, ломая себе при этом с хрустом кости.

Шайка, почуяв достойного противника, раздалась, и Лёха лицом к лицу встретился с квадратным верзилой.

"Вот и главарь", – успел подумать Лёха. А тот как-то странно переступил ногами, стукнув одной о другую. Лёха, мельком глянув на его ноги, всё понял: из носка правого ботинка торчало похожее на наконечник гарпуна острое заершённое лезвие.

Справа на Лёху, отвлекая его от верзилы, бросился один из блатных. Лёха, нырнув под него и вывернув ему руку в суставе, ушёл в сторону. Этого момента ждал верзила. Он с силой бросил свою, вооружённую лезвием ногу вперёд, туда, где только что был Лёхин бок и промахнулся. Нога, не встретившая никакого сопротивления, пошла вперёд и вверх. А Лёха, уже ждавший этого коварного удара, извернувшись, как кошка, помог этой мощной, как дубина, ноге. Он бросил её через себя с выворотом навстречу одному из банды с ножом. Рука с ножом, пройдя рядом с головой Лёхи, воткнулась верзиле в промежность. Лёха же, сделав кувырок, снова стоял на ногах.

Звериный рёв верзилы перекрыл даже громкую музыку с танцевальной площадки.

Парень, нанизанный на гарпун, и верзила с ножом в промежности лежали, как склеенные. Валетом. Нога верзилы возле плеча парня с ножом, а нож блатного сделал верзилу на всю оставшуюся жизнь бездетным.

А Лёха стоял перед остатком шайки. Плечи его были опущены и чуть выдвинуты вперёд. Руки, ладонями назад, висели плетью вдоль тела. Он стоял молча и смотрел на шайку. Лёха ждал нападения. И шайка не выдержала – все

рванули, кто куда. Пятеро из них остались лежать. Кто-то из них был без сознания, а кто-то, матерясь на все лады, пытался подняться, но все они были уже безвредны.

Лёха, подхватив свою, чуть не теряющую сознание подругу, направился в глубину парка отдыха. Он знал там одну маленькую калиточку, через которую им можно было незаметно уйти. Неприятностей Лёха не хотел. У него их и так хватало...

Сержант из соседней воинской части спросил у Лёхи:

"А как же ты в наш гарнизон попал? Ведь ты минимум годков на пять старше меня, а служишь здесь так же, как и я, срочную службу?"

Лёха, дружелюбно глядя на сержанта, ответил:

"Много будешь знать, быстро состаришься".

А потом, видя, что тот обиженно смотрит на него, продолжил:

"Знаешь, есть всё-таки ещё мужчины на нашей земле. Тот в парке, который первым кинулся на меня, умер, не приходя в сознание. На мою беду он оказался сыном "первого". И дело закрутилось на самых высоких оборотах. Следователь был настоящим, стоящим мужиком. Он вышел на меня через несколько дней, но не вызвал в отдел и не завёл на меня дело. Назначил мне встречу, и мы с ним поговорили так, как я сейчас говорю с тобой. Мы были с ним почти ровесники. Я всё без утайки рассказал ему, и он поверил. Поверил безоговорочно. Он даже признался, что будь на моём месте и будь у него в руках оружие, пожалуй, он пустил бы его в ход.

Он, этот простой милицейский трудяга, помог мне. Под прикрытием того, что я отмазываюсь от армии уже не один год, меня мобилизовали и в наказание отправили на Дальний Восток, а дело этих шакалов следователь настолько запутал, что уже никто не мог понять, кто, кого, зачем и почему бил. Кто начал драку. Кто зачинщик, а кто жертва. Умные, думающие люди не очень-то и хотели глубоко копать. А в городе наконец-то стало спокойнее...

Одно обидно. Моя Марина меня оставила. Она объяснила это тем, что будет всю жизнь меня бояться, а это уже не любовь".

И Лёха, глядя на сержанта с тихой застенчивой улыбкой, продолжил:

"Ты, наверное, не очень-то веришь мне, но я не хочу, чтобы ты считал меня лжецом, хвастуном. Не знаю почему, но ты мне понравился, и ты первый человек, которому я так много рассказал о себе. Приходи сегодня вечером в наш спортивный зал, я скажу о тебе нашим ребятам, и они тебя пропустят".

Вечером после ужина сержант пошёл к разведчикам. При входе в спортзал его остановили двое крепышей, объясняя, что вход посторонним запрещён. Но когда сержант сказал, что его пригласил Лёха, они, удивлённо глядя на него, вежливо отступили в стороны.

Сержант, войдя в зал, увидел Лёху разговаривающим с группой парней. Все они были в спортивных костюмах. Многих из них сержант знал в лицо. Здесь было даже несколько молодых офицеров, но большинство были сверхсрочниками и солдатами срочной службы. Сержант удивился такой разношёрстной команде, он ещё не знал, что эти парни здесь, в этом зале, создают новый, а, может, и возвращают давно забытый способ самообороны без оружия.

Лёха, издали помахав сержанту рукой, жестом пригласил его сесть на козлы, стоящие в сторонке.

Затем он стал на маты, широко расстеленные по полу, и группа парней плотно окружила его. Вооружены они были резиновыми, тренировочными ножами,

кастетам и дубинкам. По взмаху Лёхиной руки они дружно бросились на него в атаку.

То, что увидел сержант, рассеяло все его сомнения. Он смотрел и не верил своим глазам. Такого он не видел ещё ни в одном кино.

Лёхи не стало. Неуклюжего, простого сержанта Лёхи, на котором мешком висела гимнастёрка, как у салаги-новобранца, просто не стало. Теперь это была стальная, гибкая и неуловимая, а порой даже невидимая пружина. Лёха был везде и нигде.

В нём словно раскрылись таинственные силы, накапливаемые его предками многие тысячелетия. Это был природный дар, талант самообороны, первородное преимущество человека над силами зла.

Юля

Скорый поезд дальнего следования опаздывал на несколько часов. И теперь на всех прогонах его гнали с максимально допустимой скоростью. Экипажи локомотивов нервничали, и поэтому торможение и ускорение состава проходили не всегда плавно. В общем, все были на взводе. Диспетчера, служба, начальники смен и станций. А тут ещё, как назло, один из пассажиров, будучи крепко "под мухой", забыв попрощаться со своими друзьями, сорвал стоп-кран. Пьяно заикаясь, он пытался объяснить проводникам, что друзья ему вовек не простят этого, и что он их очень быстро найдёт. Они должны быть в вокзальном буфете.

Сдав пьянчужку подбежавшему наряду милиции, начальник поезда дал команду отправления. Состав, глухо постукивая на стыках и набирая скорость, вырвался, наконец, за пределы станции.

Машинист, глядя вперед на пути, сказал своему помощнику:

"Этот участок дороги я особенно не люблю. Переезд, который будет через три километра, все у нас считают проклятым. Не проходит и года, чтобы там что-нибудь не случилось. Самая страшная авария произошла около трёх лет назад. Шёл тяжёлый товарняк, а на переезде застрял набитый битком автобус. Можешь представить, что там было. Локомотив ударил автобус точно за дверкой водителя, и как бык на рогах протащил его пару сотен метров, сшибая им, словно щитом, все опоры... А знаешь почему всё это?"

И не дождавшись ответа, сам ответил на вопрос:

"Всему виной будка обходчика перед переездом. Путь перед переездом делает плавную дугу, будка на какое-то время закрывает собой переезд, и мы едем вслепую. А при помехах нам не хватает тормозного пути. Сколько раз я уже говорил начальнику дистанции, что будку нужно перенести, но надо мной только смеются. Мол, смотреть нужно в оба и всё будет в порядке. А я боюсь. Сам не знаю почему, но боюсь я этого проклятого переезда, и всё тут. И ничего не могу с собой поделать..."

Ура! У Юли наконец-то каникулы. Завтра она едет с отцом в свою первую дальнюю поездку. Он обещал ей это ещё полгода назад. А обещание своё папочка выполняет всегда, что конечно нельзя сказать о Юле. Не то, чтобы она сознательно не делала того, что пообещала. Нет. Она просто забывала иногда о обещанном, а потом, вспомнив, извинялась. Юлина мама часто выговаривала отцу, мол, балуешь нашего поскрёбыша, все проделки ей прощаешь, а мне с ней, неслухой, когда тебя нет дома, совсем сладу нет. Отец же, похмыкивая в усы, только отмалчивался. Что правда, то правда. Его любимица могла и крепко провиниться, но он всё равно не ругал, не наказывал её, а только говорил: "А я бы так не сделал".

И это было для Юлечки хуже любого наказания.

"Лучше бы уж отругал меня как следует, – думала она, – тогда я могла бы чувствовать себя обиженной, а так получается, что я опять своего, самого лучшего в мире, папульку обидела. Всё. С завтрашнего дня начинаю исправляться", – давала Юля себе слово с вечера, но озорная натура не могла удержаться в строго предписанных рамках, и снова приходилось извиняться.

Юля с отцом возвращались из поездки обратно, домой.

Тяжело гружённый огромными бетонными плитами грузовик бежал уже не так резво, но зато почти совсем не трясло, и Юлечку стало клонить ко сну. Встать-то пришлось чуть свет. А проспать что-то интересное в своей первой, такой дальней, поездке она не хотела. И поэтому выискивала всё время что-нибудь интересное для себя.

Вон впереди яркое красное поле.

"Папа! Ну, папа! Посмотри же направо. У моей куклы, что ты мне только что на базаре купил, цвет платья точно такой же, как это поле! Ты, наверное, знал, что мы будем проезжать мимо этого поля и специально выбрал мне эту куклу..."

И она прижалась своим курносеньким носом к папиному боку, пряча от него свои хитрые глазки. Она хорошо знала, что куклу выбрала сама, но ей хотелось сделать отцу приятное.

Отец, поняв её маленькую хитрость, ласково погладил Юлю по голове и сказал:

"Ну конечно, моё золотце, я знаю это поле. Здесь почти каждую весну цветут маки, и кажется, что ты едешь по красному морю. Разве в городе увидишь такую красоту? Ты вот, моя лапочка, выучись на агронома, и будешь тогда много времени проводить наедине с природой".

Юля, поглядев на отца, сказала:

"Я подумаю, папа. Ладно. А вообще-то я мечтаю стать знаменитой актрисой!.."

И она весело рассмеялась.

Дорога стала круто сворачивать к железнодорожному переезду, и отец, отодвинув Юлю, стал работать педалями и рычагом переключения передач. Но двигатель вдруг, обиженно всхлипнув и чихнув, заглох. Немного прокатившись, грузовик остановился. Его задние колёса стояли точно на рельсах.

Отец погонял стартером. Ни вдоха. Двигатель был мёртв. Открыв капот и заглянув под него, отец безнадежно махнул рукой. Он снова забрался в кабину, включил первую передачу и, схватив из-под полка заводную рукоятку, бросился к передку грузовика. Вставляя рукоятку в храповик двигателя, он услышал отдалённый шум поезда.

"Юля! Юленька, убегай подальше!" – прокричал он дочери.

Юлю словно пронзило:

"А что будет с папой?"

И она вспомнила, как ей рассказывал отец:

"При аварии на железнодорожном переезде нужно брать в руку что-нибудь яркое, красное, бежать навстречу поезду и подавать сигналы круговым движением руки".

Схватив свою новую куклу за ноги, Юля выпрыгнула из кабины и, размахивая ею, как ярким майским флагом, бросилась в ту сторону, откуда доносился шум приближающегося поезда. Она уже не увидела, что её отец, бешено работающий рукояткой, вдруг обмяк, тяжело привалившись боком к бамперу.

Машинист локомотива даже привстал со своего места. Из-за будки обходчика, прямо по путям, навстречу поезду бежала маленькая девочка. Платице, задранное от бега, чуть не до пупа, развевалось парусом, а рукой, в которой было что-то очень яркое, она вкруговую махала перед собой.

Звук тормозов был невыносимым, визжащим. А поезд летел. Двигался. Помощник машиниста, высунувшись по пояс из бокового окна, орал что было мочи:

"Уйди с рельсов... Уйди с рельсов... Уйди с рельсов..."

Но девочка, высоко подняв над собой куклу, стояла на путях. Она своим маленьким хрупким тельцем закрывала своего папу.

Локомотив, немного не докатившись до Юли, остановился. К ней, что-то крича, бежали люди, а она была счастлива.

„Её папочка, её самый лучший в мире папочка остался жив! Он будет с ней! Он будет с ней всегда!“

Батя

Солдат был голоден. По-настоящему, по-солдатски голоден. Он поставил свой МАЗ* на площадку у КПП* и теперь нёсся на всех парах в солдатскую столовую. Здание столовой стояло на маленьком покато холме, и бежать приходилось всё время в гору, а время, отведённое его подразделению для обеда, подходило к концу. Да ещё эти валенки. В них не очень-то разгонишься. Грязно-серые, не под цвет шинельного сукна, а именно, грязно-серые, валенки были каждый с полпуда весом. И это всё из-за литой, как автомобильный баллон, подошвы. Но без валенок зимой на МАЗе долго не поездишь, в сапогах живо ноги отморозишь, и поэтому шоферам-транспортникам было разрешено, в виде исключения, ходить в валенках.

Дежурным по части в этот день был новенький офицер, только что прибывший откуда-то с гражданки. Таких младших лейтенантов все "старики" называли недоношенными. Как правило, это были сынки высокопоставленных чиновников. Окончив институт с военной кафедрой, и отбыв годовую воинскую повинность, они имели высшее образование и плюс к тому воинское звание. Главная же хитрость была в том, что в послужной анкете появлялись записи: „Служил в армии“... „Занимал должность“...

И гладенький, хорошо проторенный путь к большой карьере был проложен. Да ещё при помощи могущественных покровителей всё катилось, как по маслу. А все тяготы изнурительной многолетней службы несли другие.

Из сотен таких „недоношенных“ офицеров только считанные единицы оставались в армии, и это были офицеры по призванию или те, у кого не было наверху мохнатой руки. Таким приходилось самим карабкаться вверх по ранговой лестнице, а ступеньки были зачастую очень крутые, да порой ещё и скользкие. Но такие офицеры были проще, человечнее. В них чувствовалась нормальная, живая, человеческая душа. Это не были роботы под офицерскими шинелями. От них ещё можно было иногда услышать свежий анекдот или весёлую шутку, но такую, которая не обижала, не оскорбляла, а веселила.

Дежуривший в этот день офицер был из другого теста. Он был из первых. Он не ходил по территории воинской части, а очень важно носил сам себя, словно драгоценную вазу, и только в присутствии старших офицеров тут же менялся на глазах. Смотреть на него в такой момент было смешно. Это был уже не прежний выскочка-задавала. Нет! Теперь это был зашнурованный в офицерский китель строгий воинский устав. Притом устав, видимый только с положительных сторон. Сама вежливость и послушность, с моральным кодексом в придачу.

Пожалуй, как актёр, младший лейтенант был очень богато одарён и, возможно, в театре или кино радовал бы людей своим талантом, но офицером он был никудышным.

Солдат, прыгая через две ступени, поднимался к входу в солдатскую столовую и чуть не сбил с ног выходившего из боковой двери младшего лейтенанта.

Последовал злой окрик:

"Стой! Куда несёшься как слон? Почему в валенках? Почему без строя?"

"Товарищ лейтенант, нам разрешено в валенках ходить в столовую. Я с рейса, опоздал и остаюсь без обеда", – попытался объяснить солдат.

"Молчать, когда говорит офицер!", – и рука младшего лейтенанта лениво потянулась к лицу солдата.

Но тут произошло неожиданное. Быстрый крюк левой, снизу вверх и вправо, в подборок, приподнял офицера и бросил на стену. И он, судорожно хватая ртом воздух, зацарапал пальцами по кобуре пистолета.

Солдат, теперь уже осознанно, схватил офицера за запястья рук и придавил его к стене.

Подходившая строем к столовой очередная рота замерла. У ста человек на виду произошло чрезвычайное происшествие.

Боковая дверь, ведущая в комнату, временно оборудованную под офицерскую столовую, открылась, и из неё вышел командир части, высокий, грузноватый подполковник.

На площадке перед столовой воцарилась мёртвая тишина, даже дыхания людей не было слышно.

С первого взгляда поняв, что случилось что-то из ряда вон выходящее, подполковник тихо, но внятно произнёс:

"Смирно! Товарищ капитан, – сказал он вышедшему следом за ним офицеру, – вы заступаете дежурным по части. Товарищ младший лейтенант, шагом марш в штаб. Солдат, вы обедали? Нет? Шагом марш в столовую, а затем ко мне в штаб! Всем приступить к выполнению дальнейшего распорядка дня. Выполнять!"

Подполковник молча постоял ещё на крутых ступеньках лестницы, глядя, как исполняются его команды, а затем, опустив голову, медленно направился к зданию штаба.

О чём думал сейчас этот пожилой человек? Судьба била его безжалостно не один раз. Он прошёл всю войну от начала до конца. Трижды горел в танке. Дважды из всего экипажа живым оставался лишь он один. Третий раз их выжило двое. В осаждённом Ленинграде погибла вся его семья. Совсем молоденькая жена и двое крохотных детишек.

Но он остался человеком. Человеком с большой буквы. Он не сделал громкой карьеры, как многие его сверстники, которые давно ходили в генералах и выше. Многие из них при неофициальных встречах, крепко подвыпив, посмеивались над ним:

"Эх ты, лапоть. Не чувствуешь струю. Ну, гребёшь ты всё время против течения, а толку? Будь помягче, – советовали они, – и увидишь, тебе тоже улыбнется счастье".

А он, упрямая душа, не хотел такого счастья. Он хотел честно, смело, как Суворов, смотреть в глаза своим солдатам. Он их всех, таких разных по характеру и цвету кожи, считал своими детьми и воспитывал их строго, но по справедливости.

Подполковник шёл и думал о солдате. О том, как легко может сломаться его судьба. Дисциплинарный батальон – это не конфетная фабрика. Нет! Это страшная железная машина, пережёвывающая все человеческие души и судьбы без разбора. Отбыв только один год в дисциплинарном батальоне, молодые ребята превращались в роботов-исполнителей. Души у них замораживали, а у многих и навсегда убивали специально обученные этому командиры.

Немало повидал он на своём веку таких парней. Ему было их по-человечески жалко, и он знал, что многие из них отбывали там свой срок без вины. Иногда даже по капризу какого-нибудь самодура-командира. Но подполковник знал и другое: по его вине ни один солдат не был безвинно наказан. Его совесть была чиста. Армия - дело серьёзное и порой очень суровое, так что удержать в ней

дисциплину пряниками невозможно. И приходилось иногда издавать строгие приказы. Но ни одна живая душа на свете не может упрекнуть его в том, что он перегнул палку, наказал строже, чем этого заслужил провинившийся солдат... У солдата хлеб стоял поперёк горла. Куда и голод подевался. Кое-как пообедав, он пошёл в штаб. Дежурный по штабу сразу же проводил его к командиру части.

Подполковник, глядя на солдата, сказал:

"Я ни с кем ещё не разговаривал о случившемся. Расскажи мне, только честно, как всё произошло. Не ври мне. Всё как на духу выкладывай".

– Товарищ полковник (так частенько называли его солдаты), вы же сами знаете, что меня, как грушу, уже третий год на всех тренировках лупит наш лучший боксёр в среднем весе. Но я время тоже даром не теряю, и многому от него научился.

Я клянусь вам, что младший лейтенант ударил меня по лицу, вернее, он не успел донести руку до моей щеки, как я автоматически провёл крюк левой, а сам головой ушёл в сторону. И только потом, когда он стал хвататься за пистолет, я понял, что произошло, и тут уж всерьёз сгрёб его в кучу. Но я не бил его и не хотел бить, поверьте мне, я только в полсилы дал сдачу. Как на тренировках. Автоматически, даже не подумав...

Подполковник долго сидел молча, глядя на свои руки, лежащие на столе.

– Сынок, нельзя поднимать руку на офицера. Иди, я посмотрю, что смогу сделать для тебя.

Солдат, неуклюже повернувшись в своих огромных валенках, шагнул к двери и услышал за своей спиной тихий голос подполковника:

– А сдачу давать нужно. И не думать, а бить всерьёз. Чтобы неповадно было.

Солдат шёл, и слёзы застилали ему глаза. Он понял, каждой клеточкой своего мозга понял, что именно за таких офицеров как их "Батя" солдаты добровольно отдают свою жизнь. И случись сегодня, завтра или когда-нибудь, что нужно будет прикрыть его собой, он, не задумываясь, это сделал бы. И не только он один. Все солдаты этой заброшенной на кулички воинской части. Не зря они, все без исключения, называли его самым дорогим для мужчины именем: "Батя"!

Тарзан

Самая старая и большая берёза в лесу возле села всегда разговаривала. Даже в очень тихую погоду, когда солнце палило невыносимо и всё замирало от полуденного зноя, её листочки, подрагивая, перешёптывались о чём-то между собой. О чём вели свои беседы эти зелёные детские одиноко стоящей на опушке берёзы, конечно, никто не знал. Но все, от мала до велика, в небольшом близлежащем селе знали, что берёза эта добрая, несмотря на очень странное имя, данное ей людьми. Откуда оно пришло, толком никто не знал. Может, взяли из кино, а может, из книг кто-то вычитал и, по-своему истолковав, назвал берёзу «Тарзаном». Так Тарзаном и осталась она навсегда.

Была эта берёза самой большой не в высоту, а по ширине кроны и в объёме ствола. Ни один мужчина села не мог обхватить её ствол.

Большой лес, охватывающий всё село с ветреной стороны огромной полуподковой, в середине своей как бы раздваивался, обтекая светлую обширную поляну. И сторожем поляны была берёза Тарзан. Она, оставив своих зелёных подруг стоять стеной за своей спиной, одна выдвинулась вперёд и образовала небольшой мысок, с которого вся поляна была видна, как на ладони.

Пройти из села к берёзе можно было по многочисленным тропкам, протоптанным взрослыми и детьми. Здесь было излюбленное место сбора всей поселковой детворы, особенно мальчишек. Огромная раскидистая крона берёзы давала большую тень. Нижние ветви, провиснув местами до самой земли, создавали своеобразный шатёр, под которым всегда было прохладно. Озорные мальчишки забирались на ветви и, как на качелях, раскачивались на них. И берёза терпела любые их проказы. Она ни разу не наказала ни одного из озорников. Даже когда кто-либо из них срывался с верхних ветвей, берёза мягко принимала его своими многочисленными нижними ветвями и, словно по желобу, отправляла на землю, поддав иногда под тощий задик. Потирая бок или копчик, такой горе-верхолаз с испугом поглядывал потом наверх, удивляясь своему удачному полёту, и в следующий раз был уже осторожнее.

Но что самое странное, берёза за многие годы своих страданий ни одного из своих маленьких мучителей не наказала, не искалечила. Она ни разу никого из них не сбросила с себя грубо, в отличие от многих других деревьев, а особенно осинки и тополей. Сучья у тех обламывались со стеклянной хрупкостью, и

немало ребят получило при этом ушибы, а иногда и кое-что серьёзное. Поэтому дети и не любили лазать по тополям, густо заполонившим село.

Любимое место встречи и более старших поколений тоже было у Тарзана. Влюблённые пары, не желая афишировать свои отношения, где-нибудь в селе при встрече коротко спрашивали: «Где? У Тарзана? Всё ясно».

И действительно, всё было ясно. Лучшего места для тайных встреч нельзя было найти. Детвора вечером разбегалась по домам, а пройти в лес к Тарзану можно было через огороды, совсем незаметно для деревенских сплетниц, которые, как коменданты, следили за всеми в селе. От их острых глаз и длинных языков спрятаться в селе было практически негде, они доставали везде, несмотря на все ухищрения влюблённых.

Оставался один выход – пробраться вечером к Тарзану. Берёза спасала всех. И никого никогда не выдавала.

Однажды осенью, когда листва уже затянула все тропинки толстым золотым ковром, вдруг, как гром среди ясного неба, ударил сельский набат. Кто-то энергично бил по подвешенному на перекладине отрезку рельса. Люди, выбегая на улицу, удивлённо оглядывались. Огня или дыма нигде не было видно, а в набат били только во время пожаров.

Торопливо спрашивая один другого, что же случилось, все неслись к тому месту, откуда на всё село гремел тревожный призыв.

«Чужие люди в лесу! Наш лес чужие рубят!» – этот крик разъяснил всё.

Лес был общим достоянием, и защищали его не в шутку, а всерьёз. Он прикрывал село. Зимой, как хороший надёжный щит, заслонял он от жгучих снежных струй, а летом от жары и засухи защищал. Обильно снабжал он всех грибами и разной ягодой. Да и топлива тоже немало поставлял он всем жителям села. Его хворостом и сушняком топились почти все печи.

Вооружённые кто метлой, а кто граблями или вилами, все бросились спасать свой лес.

Всё население этой маленькой деревушки, способное двигаться и драться, несло в лес. Причём это не была разрозненная деревенская толпа, как кто-то может подумать. Нет! Это был единый ударный кулак, несмотря на то, что здесь рядом с мужчинами бежали и пожилые, и молодые женщины, и даже дети. И против такого натиска редко кто смог бы устоять. Браконьерам попало серьёзно. Им бы никто не позавидовал. Калечить их не покалечили, но плясать они отныне и надолго уже не смогли бы...

Свалить общую любимицу-берёзу чужаки не успели, но несколько рваных ран всё же ей нанесли. Она стояла, слегка подрагивая тоненькими веточками, и словно говорила:

«Что же вы, люди? Как могли допустить такое?..»

Всю долгую зиму в селе только и было разговоров, что о Тарзане:

«Выживёт ли? Затянутся ли раны? Хватит ли сил, немало ведь годочков ей уже?»

Ранней весной пройти по лесу невозможно из-за талой воды и только позднее, когда все деревья уже стали зелёные и тропинки подсохли, люди смогли добраться до Тарзана.

Новость молнией облетела все дворы. Ура! Тарзан будет жить!

В ту весну листочки у берёзы выдались мельче, чем у всех остальных её подруг, и были они реже, но равномерно по всей кроне и на каждой веточке. Видно, немало сил пришлось отдать берёзе на лечение своих ран, но она выдержала. Она живёт. Она не оставила людей одних.

А дети, взрослея, обретая крылья, как молодые птенцы, разлетались из этого маленького немецкого сибирского села в большой мир и все они очень часто с теплотой вспоминали о Тарзане, о тех беззаботных и счастливых годах детства.

Учитель

В классе шла война. За плотно закрытой дверью шум стоял нешуточный. Спорили все. До хрипоты. А виновник всего этого уже два часа стоял в учительской комнате, в углу. Его специально удалили из класса, чтобы учитель мог свободнее разговаривать с взбунтовавшимся классом. Тянулась вся эта неразбериха уже целую неделю.

В прошедшее воскресенье кто-то неизвестный, а вернее сказать, неизвестные, взломав несколько замков, проникли в школьную химическую лабораторию и украли какие-то химикаты. Попутно также была взломана кладовка, в которой находился спортивный инвентарь. Физрук, бывший сотрудник НКВД, заявил, что не хватает нескольких пар лыж. Он, как всегда, очень оперативно провёл так называемое следствие.

Кого можно обвинить и без вины наказать?

Ясно, чужака, новенького или того, у которого родители запуганы ещё с войны. Такие даже своей собственной тени бояться, а уж бывшего милиционера, который для острастки всё ещё носит милицейскую форму, уж и подавно.

И козёл отпущения нашёлся быстро. Он подходил по всем статьям, а виноват или не виноват – большой роли не играло.

Хулиган, непослушный, учится неважно. Да и на воровстве уже попадался. Украд в соседней деревне в магазине книгу, которую продавщица ему не продала, заявив, что он ещё не дорос до таких книг.

Дело, сшитое на скорую руку, каменной глыбой легло на безвинного мальчишку. Но его одноклассники поверили именно ему, а не физруку школы. Они буянили и протестовали против учительского произвола.

И теперь, вот уже целых два часа, один из самых авторитетных среди учеников учитель беседовал с классом, проводил воспитательно-политические занятия, а сам виновник беспорядка отсутствовал.

Стоя в учительской в углу, он был убеждён, что в классе, наконец, расскажут правду и что будут всё-таки объявлены истинные воры.

Бедный, как глубоко он заблуждался. Да и откуда мог знать этот, не имеющий ещё никакого жизненного опыта, мальчишка о бурных подводных течениях в учительских кругах и о том, что с этим грязным делом связаны почти все деревенские „шишки“.

Войдя в учительскую, учитель тяжело посмотрел на мальчишку и сказал, что он может идти в свой класс и присутствовать на уроках.

О чём вёлся разговор в классе мальчишка так никогда и не узнал. Он словно на крыльях летел по длинному школьному коридору, радуясь предстоящей встрече со своими одноклассниками, но, открыв дверь, наткнулся на невидимую стену. Невидимую и непробиваемую стену холодных взглядов.

У мальчишки было два любимых предмета – география и история. Литературу он тоже любил, но не любил заучивать наизусть, и поэтому с литературой у него было туго, а уж о математике он даже думать не мог без испуга.

На уроках географии и истории он иногда уносился так далеко в своих мечтах, что, когда его неожиданно вызывали к доске, он недоуменно хлопал глазами, не соображая, где он находится, что с ним происходит, и что вообще от него хотят.

Мальчишка любил учителя этих предметов, а тот был действительно хорош в своём деле. Уроки он вёл живо, весело, с шуточками и прибаутками, которые он мастерски вставлял в свои рассказы.

Иногда он даже рассказывал смешные истории про того или иного героя, и учебный материал был уже не мёртвой материей, а живой настоящей жизнью. Города и дальние страны от его рассказов становились почти осязаемыми. На уроках его любимого учителя скука не присутствовала никогда, ей здесь просто не хватало места.

Мальчишка стоял, как вкопанный, на пороге. Он словно прирос ногами к полу и не мог их оторвать, сделать хотя бы ещё один шаг.

Его учитель, его кумир сумел за прошедшие два часа протянуть между ним и всеми остальными незримую полосу отчуждения. С этого мгновения и навсегда он уже не принадлежал классу. Он никогда больше не стал одним из них. Мальчишка остался один. Со всеми вместе, но один.

Через несколько месяцев он, недоучившись, навсегда покинул стены школы. И больше никогда ни с одним из своих бывших одноклассников он на эту больную для него тему не разговаривал.

Через много лет, будучи уже взрослым человеком, он мысленно простил своему бывшему учителю его предательство. Ему стало от этого гораздо легче, свободнее на душе. И только горький, противный осадок он так и не смог вымыть из своей памяти.

Он так никогда и не узнал, из каких побуждений предал его учитель, сумели ли его убедить в виновности ученика или же он сам был замешан в этом грязном деле.

Погони

Сайгаки уходили от погони. Преследователи были настолько глупы и бестолковы, что этому можно было только удивляться.

При приблизившемся рёве автомобилей Бурый повёл своё стадо круто против ветра. Встречный свежий ветер всегда помогает сайгакам лучше прокачивать воздух, такой необходимый при длительном и быстром беге.

Волки, природные враги сайгаков, если бы им это удалось, развернули стадо по ветру и при погоне слабые и больные животные легко стали бы их лёгкой добычей. Волки испокон веков преследовали сайгаков, но они никогда не были в состоянии уничтожить стадо. Взять взрослого здорового сайгака волку практически невозможно. Сайгаки ни в скорости, ни в выносливости не уступают волкам, и они легко, играючи, уходят от волчьей погони. А нездоровые животные являются только обузой для стада, делают его медленнее, и, можно сказать, что волки даже оказывают сайгакам профилактическую помощь и своими погонями только оздоравливают всё стадо, не принося ему большого вреда. Наоборот, делают стадо выносливее и крепче.

Сегодняшняя погоня была смехом, развлечением для Бурого и всего стада. Сделав небольшую петлю, он повёл своё стадо, а вместе с ним и стадо ревущих грузовиков, через кочкарник. Немного сбавив бег, сайгаки оббежали кочки, но зато грузовики запрыгали по ним почище горных козлов. Сайгаки прошли кочкарник, словно вода сквозь сито, но грузовики, как громко ревущие шмели, застряли в нём. Иные из них стали пятиться задом, выбираясь на ровное место, но многие из них застряли надолго. Видимо, опыта в этом деле у водителей не было совсем.

Да! Эту погоню нельзя сравнивать с тем побоищем, которому подверглось стадо несколько недель назад, и от которого сайгаки всё ещё не могли прийти в себя, оправиться.

Случилось это глубокой ночью. Какие-то огромные гремящие чудовища, с глазами, бросающими длинные световые бичи, налетели на сайгачье стадо со всех сторон, и сайгаки заметались, как в мышеловке. А сверху, словно с самого неба, на них крупным градом летела картечь. Стадо за одну ночь поредело больше чем на треть, да и в последующие дни не один подраненный сайгак остался лежать на земле.

И если бы глянуть на степь с большой высоты, то по трупам сайгаков можно было бы совершенно точно проследить их дальнейший путь после ночного побоища. Человек побил сайгаков серьёзно. Он их словно напалмом выжёл. Так даже со своим злейшим врагом не обходятся.

А польза от такого варварства была только стервятникам. Им надолго были обеспечены богатые пиры, и иные из них до того злоупотребляли этим, что даже ленились далеко отлетать от пиршества, и отдыхали здесь же, рядом, тяжело развесив свои крылья. Но их-то обвинять как раз и несправедливо. Они, как природные санитары, убрали то зло, что натворил человек. Степные стервятники заматали следы преступления человека. Ведь только человек, царь природы, может позволить себе так бездумно уничтожать всё подряд. Ему можно всё. Ему подвластно всё на земле. Всё живое и не живое...

Бурый довольно поздно понял надвигающуюся опасность. Он не видел, да и не мог увидеть, что один из грузовиков, не доезжая до кочкарника, взял круто влево, оставляя его далеко в стороне. И запылил по степи, отклоняясь от курса, который выбрал Бурый.

А Бурый повёл своё стадо, а точнее сказать то что осталось от бывшего стада, в обход одиноко разлётшегося в степи высокого, с длинными покатыми склонами, холма. Дальше на юго-запад, где полупустыня и где нет людей. Стадо, вытянувшись в длинную, гибкую ленту, огибало холм с западной стороны.

Бурый приостановился, прислушиваясь и принюхиваясь. Откуда-то сверху донеслось какое-то жужжание, громыхание, но ничего не было видно. И вдруг на вершине холма показался грузовик. Он напрямую, быстро набирая скорость, понёсся в сторону сайгачьего стада, которое бросилось врассыпную во все стороны. Но водитель грузовика выбрал себе только одну жертву, и это был Бурый.

Бурый, опустив голову, почти до самой земли, устремился в открытую степь. На стороне водителя были все преимущества: мощный мотор, пологий, длинный скат холма, ровная, покрытая мелкой редкой травой земля.

Но Бурый знал то, чего не знал водитель грузовика. Он знал о русле высохшей реки. Река эта, весной, в половодье, бывала очень бурной. Она доставляла кочующим сайгакам немало трудностей.

Грузовик уже было почти настиг Бурого, когда сайгак словно сквозь землю провалился. Водитель, заподозрив что-то неладное, затормозил. И вовремя. Перед ним, в десятке метров от носа грузовика, он увидел высохшее русло небольшой степной речушки.

Водитель выбрался из кабины грузовика и прошёл вперёд. Только теперь ему открылась ловушка, подстроенная ему ушлым сайгаком. Правый берег реки, совсем незаметный издалика, был обрывист, и крут. Бурый спустился вниз по маленькому боковому овражку, но грузовик – не сайгак, и лететь бы ему кувырком с берега, не остановись он вовремя.

Водитель усмехнулся про себя:

„Молодец! Настоящий боец! Побил меня одной левой, несмотря на то, что я со своей техникой во много раз сильнее тебя“.

А Бурый, усталой трусцой направился по покатою левому берегу к своему стаду, которое к этому времени тоже перебралось через реку. Это высохшее русло и рекой-то назвать было нельзя, но во многих местах образовались крохотные озерца, из которых сайгаки могли утолить свою жажду.

Стадо, разбредясь, стало мирно пастись, благо, именно здесь, на левом пойменном берегу, ещё сохранилась сочная трава.

А Бурый, подняв голову, пристально смотрел на одиноко стоящего на правом высоком берегу человека. Это был его враг. Самый страшный и безжалостный враг. И деваться от него на этой земле было некуда. Он доставал сайгаков везде. И бил. Бил так, будто хотел вывести совсем. Уничтожить. Стереть с лица земли. Просто так. Ради забавы...

Полёты (улыбка памяти)

Он мог летать. И не просто трепыхаться в воздухе, словно в мутной, грязной воде, а летать свободно, как ласточка, зигзагами бросаясь вверх и вниз. Или словно огромный, сильный орёл часами парить без усталости, замирая при этом от жутости высоты и одновременно нескончаемо радуясь своему невесомому полёту; и тело его при этом было лёгким, эластичным и очень послушным. Он знал, что у него нет крыльев, но это не мешало ему. Наоборот, придавало больше маневренности и уверенности в себе и своих силах. Стремительно набирая скорость, он бросался с большой высоты, головой вперёд к земле и при этом ему казалось, что его сердце бьётся не в груди, а в горле и прямо сейчас, сразу, выскочит от страха, что оно откажется служить ему. Он, во время своих головокружительных трюков, как бы разговаривал со своим собственным сердцем, успокаивал его, мол, ты, глупенькое, не бойся, с нами ничего не может случиться. Мы с тобой ещё очень далеко от предела наших возможностей. Мы с тобой и не то ещё можем. Нужно только пересилить себя, перебороть страх и тогда к нам придёт настоящее чувство наслаждения полётом. Придёт чувство свободного парения. Пространство вокруг нас раздвинется, станет нескончаемым. Ему не будет границ. Оно покорится нам и одновременно станет нашим лучшим другом и защитником.

Во время полётов (к сожалению, они приходили всё реже и реже) он ещё ни разу не встречал других живых существ, но от этого ему не было хуже, наоборот, он наслаждался своим одиночеством. Он радовался тому, что может без помех и свидетелей дурачиться, совершать глупые поступки. Кувыряться в воздухе, как в стоге свежего сена, не боясь при этом пораниться или повредить себе что-нибудь. Особенное удовольствие он получал при полётах через какие-либо препятствия. Пролетая между тесно стоящими высокими деревьями или всевозможными мачтами, будь то мачты парусников или высоковольтных линий электропередач, он ни разу не задел, ни одно из препятствий. Какая-то невидимая, непонятная ему, но могущественная сила в последний миг всегда выручала его, приподнимала или относила, словно пёрышко, в сторону. И даже почти невидимые в воздухе провода электрических, телефонных и радиолоний он ни капельки не боялся. Как соломинка, проносился он между ними, изгибаясь всем своим гуттаперчевым,

гибким телом. Полёты были его постоянными, надёжными и самыми лучшими друзьями.

Во время полётов его ни разу никто не обидел. Ни разу ему не доставили какую-либо неприятность и не сделали больно. В полёте он был безмерно счастлив от безграничного чувства свободы, независимости и одновременно душевного покоя.

Но это чудесное время полётов всё реже посещало его. Оно становилось всё короче и неустойчивее, а иногда даже каким-то неясным, расплывчатым. Он чувствовал: полёты вскоре покинут его навсегда и от этого мучился, но знал, что ему придётся смириться с этой, очень тяжёлой для него, потерей. Против законов природы ничего нельзя предпринимать, если не хочешь навредить самому себе. Время неумолимо и требует своих жертв.

Мальчик рос. Становился взрослым. И всё реже, и реже мог свободно летать-парить в своих снах.

Как, жаль, что взрослые люди обделены чудесным чувством свободного полёта.

Крысолов (сказка на новый лад)

Землю наводнили крысы. Такой беды бедная многострадальная земля ещё не знала...

Крысы пожирали всё, что попадалось им в зубы. Шли стаями, поодиночке и целыми огромными армиями. Если кто-нибудь из их же братии был не очень расторопен, то и от него оставались лишь когти да грязные клочья шерсти, которые носил потом по земле шальной ветер в назидание остальным. Для всего мира нашествие крыс было настолько неожиданным и страшным, что парализовало всякое возможное сопротивление. Разум мира замер, занемел от беспредельной жестокости крыс, для которых не существовало ни общепринятых правил, ни законов. На бедной многострадальной земле стал властвовать только один закон – беззаконие.

Крысы не были однородной массой, как могло показаться на первый взгляд. Их можно было поделить по размерам на подвиды, но наиболее чётко они различались по цвету шерсти, и по повадкам.

Крысы „чёрные“.

Это были самые крупные, свирепые и жестокие крысы. Во всей огромной массе крыс их насчитывались единицы, но беда была тому, кто становился им поперёк дороги. Жить после такой встречи живым существам оставалось недолго. Зачастую жертвы даже не успевали понять, что с ними произошло. А конец был всегда один и очень быстрый - они оставались без шкуры.

Крысы „синие“ или „голубые“.

Это были интеллигенты, но с особенным оскалом и строением зубов. Зубы их были уникальны. Это был какой-то гибрид из крокодильих, бульдожьих и акульих зубов вместе взятых. Правда, свои зубы „синие“ никогда особо не выставляли напоказ, а об их наличии и способностях можно было судить лишь по железной хватке. Они не умерщвляли мгновенно, но захват их был подобен смерти. Дело своё такие крысы знали в совершенстве и делали его с чувством, толком и расстановкой, без ошибок, лишней беготни и суетливости, не размениваясь на мелочи. Брала по-крупному и всерьёз. А мелочёвку они позволяли делать другим крысам, которые были калибром поменьше, то есть огромному, неисчислимому скопищу „серых“.

Крысы „серые“.

Это было уже стадо, но со своим, только ему свойственным внутренним порядком. Кормиться „серым“ было позволено только на чётко определённом участке, правда, без всяких ограждений, ограничений, правил, порядков и законов. Они имели право на любой произвол по отношению ко всему остальному миру и всему в нём живому, и только вышестоящие крысы являлись для них табу. Малейшая ошибка, совершенная „серыми“ по отношению к „синим“, была их первой и последней ошибкой. А на „чёрных“ „серые“ даже глаз поднять не смели. Искупить вину или как-либо поправить совершенную ошибку никогда ни одна из „серых“ не могла. Шанс на исправление получали только „синие“ или „голубые“ крысы. „Серые“ таких привилегий были лишены. Они исчезали быстро и навсегда. Благо, подрастающих крыс хватало с избытком, и недостатка в них крысиная армия никогда не знала.

Весь остальной живой мир был для крыс бесцветным, потому что доминирующими, господствующими цветами были в первую очередь „чёрный“, а потом уж „синий“ и „голубой“. „Серый“ же являлся как бы им рабски подчиненный и только частично свободный в своих действиях и поступках.

Всё остальное, не принадлежащее к крысиному роду, воспринималось крысами как потенциальное сырьё для их жизнеобеспечения. Не было разницы, каких размеров или какими по вкусу были эти безвинные, а порой и очень наивные существа, всё ещё верящие в справедливость закона природы.

Крысы жили и действовали вне всякого разумного порядка. Они уничтожали даже то, что могло бы в будущем служить им кормом или, на худой конец, кормовой базой. Здесь и речи не могло быть о природном балансе или саморегулировании природы. Крысы похуже любого лесного пала опустошали бедную землю. Они как напалм проходили по земле, уничтожая, в отличие от лесного пала, не только стебли, но даже корни всего живого. Крысы выбривали землю начисто, не оставляя при этом никаких шансов для выживания чему-либо живому. Они были сродни чуме, холере, объединившимся вместе и умноженным многократно.

Такой беды бедная многострадальная земля ещё не знала... Стонет и молит всё живое: „О, приди и спаси нас, новый Крысолов!!!“

Летние картины

Раннее летнее утро. Солнце выдвигает из-за горизонта свою красную, похожую на дольку огромного арбуза, спину. Поля, ещё затянутые местами лёгкими, мелкими лужицами утреннего тумана, просыпаются. Чудным, сказочным покоем веет отовсюду. Травинки, прогнувшись, как балерины в реверансе, под тяжестью ядреной росы, радуются каждому новому лучу солнца, сумевшему к ним пробраться. А лучи, словно острые невидимые стрелы колют, жалят росяные капли, заставляя расцветать их самыми причудливыми радугами красок. И в каждой капельке, самой малюсенькой росинке, расцветает целый фантастический неповторимый мир. Но лучи солнца свою работу исполняют исправно, и роса медленно уходит, будто её никогда и не было.

Постепенно ночная тишина начинает нарушаться пением птиц. Вот словно полупрозрачная стрекоза высоко в небе замер жаворонок, а его собратья заливаются на все лады и голоса так, что даже звон стоит в ушах и самому хочется спеть что-нибудь весёлое, радостное. Перепёлки засвистели как дикие, разбуянившиеся, полупьяные разбойники. Орёл отправился в свой первый прогулочный полёт над подвластным ему царством.

До чего же прекрасно раннее летнее утро.

А запахи! Придавленные ночной прохладой к земле запахи, подхваченные теперь слабым утренним ветерком, похожим скорее не на ветер, а на лёгкое дыхание просыпающейся природы, невидимыми чудесными волнами наполняют, как бурный прилив или яростное наводнение, всю землю без остатка. Если бы запахи вдруг стали непрозрачными, видимыми, то над всеми полями воцарилась бы полная темнота. Но природа мудрее человека, она всё делает в меру и дарит, дарит безвозмездно нам одно чудо за другим, и каждое ещё лучше, прекраснее другого.

В лес утро приходит позднее. Здесь прохлада держится дольше, а роса очень неохотно уступает слабым тонюсеньким лучам солнца. И запахи в лесу гуще. Как старое, хорошо выдержанное вино, они слегка дурманят своим разнообразием. Дыши взахлёб, но всё равно надыхаться лесным воздухом, наполненным такими чудесными, лечебными, чарующими запахами невозможно.

Лесной воздух моет, чистит, смывает и вымывает из нас всё нечистое, грязное, бездуховное. А запахи в лесу навевают лёгкие, неуправляемые мечты, для которых не существует никаких границ.

Все птицы в лесу тоже просыпаются позднее чем на полях, не считая совы. Сова есть сова. Всю ночь она не даёт спать разной лесной мелюзге. Своим старческим уханьем-покашливанием и криком, словно ночной сторож, она довольно часто напоминает о себе. Мол, бойтесь меня, я ещё здесь, и я являюсь полноправной ночной хозяйкой леса, так что держите ушки на макушке, а не то живо попадёте в мои когти.

Озеро же летом живёт совсем другой жизнью, чем поле или лес. Оно в эту пору никогда не спит. Даже в самую безветренную ночь оно шепчет-бормочет, будто пытается о чём-то поведать тебе. Рассказать что-то сокровенное. Только с тобой поделиться своими тайнами, мол, послушайте, наконец, и меня. Я очень многое могу рассказать. Я знаю такие истории, что вам и во сне никогда не приснятся. Побудьте подольше со мной, наберитесь терпения, выучите язык, на котором я разговариваю, и я открою вам совсем новый мир. Мир покоя и радости одновременно. Мир, которого вы ещё не знаете и никогда не узнаете без моей помощи. Таинственный мир живой природы.

У костра

У костра сидело пятеро. А шестому, немощному старику с седой длинной бородой, места у костра, видно, не хватило, и он примостился поодаль.

Старик полусидел, полулежал, прислонившись спиной к каменному уступу. Сколько ему лет сказать было трудно, может шестьдесят, а может и все сто с хорошим гаком. Лица его не было видно.

Группа у костра представляла очень живописную картину. Четверо из них были довольно крепкие мужчины, а пятая - женщина. Одета она была, как и все мужчины, в тёплую куртку, и только высокая грудь, натянувшая кофту так, что казалось, будто она только что отглажена горячим утюгом, выдавала в ней женщину. Она сидела, низко опустив голову, и непонятно было, дремлет она или же просто непомерная усталость придавила ей голову и плечи вниз.

А причина была в другом. Она ни разу не взглянула на старика потому, что знала - нельзя. Тяжёлое чувство вины перед ним угнетало её. Ей было стыдно. Стыдно до невозможности. Как ещё никогда в жизни. Она не помогла старику, несмотря на то, что он нуждался в помощи. Именно в её помощи, женщины.

Один из мужчин, сидевший лицом к костру, спросил у сидевшего рядом с ним крепыша: „Ты почему притащил сюда эту развалину? Я тебе что сказал? Здесь нам никто не нужен. Ни помощники, ни тем более дармоеды, а уж такой древний старик нам будет только помехой“.

Спросивший, очевидно старший группы, выглядел как-то иначе, чем остальные. Чем он отличался от всех остальных, трудно было сказать, но что он из другого сословия, можно было определить с первого взгляда. Старший, да и женщина тоже, несмотря на то, что они были одеты как все, чем-то неуловимо выделялись из группы.

Крепыш, глядя в огонь, ответил: „А что мне оставалось делать? Я встретил его рядом с нашим лагерем, не убивать же мне его как ядовитую змею“.

Старший громко перебил его: „Ну, не знаю, придумай сам что-нибудь, а в лагере его не должно быть и много болтать он тоже не должен. Выметай, выкатывай, вывози или выноси его куда хочешь. Понятно?“

В ответ крепыш, всё так же глядя в огонь, тихо произнёс: „Делай со мной что хочешь, а я этому старику ничего плохого никогда не сделаю. Да и уверен, что я не смогу ему причинить зла. У меня такое чувство, будто он стократ сильнее, а вместе с тем умнее и добрее всех нас вместе взятых. Ты только в глаза ему погляди и сразу сам всё поймёшь“.

Остальные мужчины молча переглянулись. Крепыш высказал вслух то, о чём они уже давно думали. Он словно прочитал их мысли.

„Да вы что, и впрямь все бабами стали?“, – громко произнёс старший, вставая. „Мне, может, ещё нашу женщину попросить сделать за вас вашу работу? Ну, уж нет, я лучше сам разберусь со стариком.“ И он, тяжело шагая, направился в сторону каменного уступа, где всё так же полусидя, полулёжа находился старик.

Руководителя группы, словно кипятком ошпарило. Его остановил пронзительный взгляд старика. Не злой и не враждебный, а какой-то смиренно-предупредительный.

Старшему вдруг показалось, что его сердце бьётся уже не в его собственной груди, а в ладонях этого старика, кажущегося до сих пор таким слабым и

бестелесным, но владеющего такой необъяснимой силой. Не знающий прежде ни испуга, ни страха, мужчина даже почувствовал легкое, нежное прикосновение пальцев старика к своему сердцу.

Они не сделали ему больно. Нет, наоборот, как-то успокоили, но и предупредили его.

– Стоп. Оставайся человеком. Не переступай черту. Потом будет уже поздно и для тебя самого, и для пальцев. Нам придётся защищаться, и мы вынуждены будем сделать тебе больно против нашего желания. Не принуждай нас к этому. Всё в твоей воле. Мы даём тебе ещё время. Подумай хорошенько, прежде чем ты предпримешь что-либо плохое, сделаешь другому человеку больно.

Всё тело старшего сделалось каменным. Он не мог двинуть ни ногой, ни рукой, и только мысли бились в мозгу, как шальные, не находя обычного логического объяснения происходящему.

А старик, всё так же глядя мужчине в глаза, медленно, осторожно приподнялся и, словно бесшумная тень, скрылся за уступом. Будто его здесь никогда и не было.

Через некоторое время старший, придя в себя, недоумённо осмотрелся. Он не верил ни себе, ни происшедшему. Посмотрев на землю, он ещё шире раскрыл глаза. На песке, возле каменного уступа, где только что находился старик, этот повидавший уже немало на своём веку мужчина не увидел никаких следов.

У костра, после случившегося, ещё очень долго царил мёртвая тишина. Слов не было ни у кого. Каждый задумался о чём-то своём.

„Деревня“

Парень, не торопясь, шёл по тёмному городу. Вечер был испорчен окончательно. Он был не только испорчен, он был полной катастрофой. Назначенное свидание было прервано и, естественно, как всегда, по его вине. Не умел он в разговоре с девушками говаривать на их языке. Зачастую одно сказанное им невпопад слово приводило к недоразумениям. И начиналось выяснение истины, а это претило его существу. Не любил он копаться в словах, спотыкаться на всяких заумных оборотах речи, которые имели, как правило, не одно, а множество значений. И, как всегда, очень просто, слово за слово, их разговор во время свидания привёл к новой, довольно серьёзной размолвке. Его городская подружка, сославшись на головную боль, убежала со слезами на глазах, а он как неприкаянный брёл тихим ночным городом и не знал, куда себя деть. Автобус в его родную деревню уже давно ушёл, а переночевать где-нибудь в гостинице шансов не было никаких. В летний сезон всё было забито так, что ушлые администраторы ставили кровати даже в коридорах. Пешком мотать столько километров настроения тоже не было, и парень решил передремать в парке на скамеечке. Да и погода позволяла. Было тепло, даже душновато, как перед дождём.

Но не только размолвка с девушкой вывела парня из равновесия. Только что его окликнула совершенно незнакомая ему женщина.

Ну и попробуй, пойми такое: культурно одетая женщина, правда, на его взгляд, почти раздетая (но так ходят сегодня в городе почти все, у его подружки юбка тоже не намного длиннее), останавливает тебя в тёмной алее и говорит: „Мужик, дай курнуть“. Всё же понятно, как дважды два. Просит сигарету. Оказывается, что нет. Прикурив протянутую им сигарету, она кричит: „Ты что, козёл, мне подсунул? У тебя что, ничего балдёжного нет? Так чего цепляешься? Ты чего вообще пристал ко мне?!“ Крик на всю улицу.

И пришлось ему, парню, который и от мужиков не бегаёт, убежать от этой бешеной бабы, как последнему подлому трусу.

Да у него и в мыслях не было приставать к этой кикиморе. Страшная, как велосипед, и прёт от неё, как от старой пивной бочки. А что сигарета? Нормальная хорошая сигарета. Только сегодня купил пачку. Специально для поездки в город на свидание. Импортные, с очень красивой картинкой.

Разве можно после этого понять городской мир, а тем более, уважать его. Нет. В деревне проще. Там такие выдры не водятся. И зачем я вообще сигареты купил? Пофорсить решил? Не курю же. Не покупал бы, на одну проблему меньше имел бы.

Занятый своими мыслями, парень не обратил внимания на стоящий на противоположной стороне улицы около обочины автомобиль. И уже поравнявшись с ним, услышал, что изнутри раздаётся какой-то странный шум. Присмотревшись внимательнее, благо единственный на этой улице фонарь освещал именно то пятно дороги, на котором находился автомобиль, он не поверил своим глазам. Голая пятка, не ладошка или кулак, а именно человеческая пятка энергично била изнутри в боковое стекло водителя. И при этом раздавались какие-то странные не то всхлипы, не то стоны. „Может, умирает кто или припадок схватил“, – подумал он и постучал пальцем по крыше автомобиля. Нога в окне задёргалась ещё сильнее и казалось, что она сейчас высадит стекло вместе с дверцей. Через некоторое время открылась передняя правая дверца автомобиля. Парень, обойдя автомобиль сзади, в упор встретился с довольно крепким на вид, но каким-то уж очень растрёпанным верзилой. Тот с ходу, подтягивая штаны, прорычал: „Вали отсюда деревня!“ „И откуда они все так сразу узнают, что я из деревни?

Не могут же все знать мою кликуху? Штаны купил в городе, рубаху тоже, даже штиблеты, и те, по случаю, купил на базаре“, – размышлял парень, приближаясь к верзиле, и нарвался на его кулак.

„Да у нас в деревне комары и то крепче кусают“, – усмехнулся парень, замахиваясь в ответ.

И верзила как-то странно, не то всхлипнув, не то охнув, и, протерев своей спиной и задом крышку багажника автомобиля, приземлился с его обратной стороны. Парень, с любопытством и вместе с тем, с сожалением, посмотрел тому вслед, „Ну никак не научусь вполсилы бить, не зря меня кузнец ругает“, – подумал он, потирая свой ушибленный кулак.

И в это время стала медленно открываться задняя правая дверца и из неё показалась рука, сжимающая пистолет. „Да вы что, совсем посбесились здесь в городе?“, – подумал парень, захватывая в свою руку пальцы вместе с пистолетом и пригибая их вниз. Выстрел громом ударил в ночной тишине и пуля, срикошетив об асфальт, с визгом ушла в сторону. Пальцы парня, с отполированными до блеска от каждодневной работы с кувалдой мозолями, всерьёз сжали руку, всё ещё держащую пистолет... „Эта рука уже больше никогда не ухватит пистолет“, – подумал он, чувствуя хруст ломающихся костей под своими пальцами, а следом его оглушил душераздирающий вопль хозяина вооружённой руки, вытаскиваемого им из автомобиля. Мужичок, закатив глаза под лоб, выл, словно пожарная сирена, а вернее сказать, не одна, а целая куча пожарных сирен. Вторая рука парня, играющая в свободное от работы время двухпудовыми гирями, как пряниками, ухватила мужичка за шиворот и приподняла вверх. Не переставая верещать, вперемешку с воем, тот умолял: „Только не убивайте... Только не убивайте“. А затем вдруг обмяк, повис, как пустой мешок, на руках парня. На улице стало удивительно тихо. „У нас сейчас вся деревня сбежалась бы, а здесь, словно на войне, хлопают выстрелы - и хоть бы хны, всем до лампочки. Убивай, режь, стреляй, никому ни до кого дела нет“, – с горечью подумал парень, вынимая из руки мужичка пистолет и забрасывая его безвольное тело, как рюкзак, на заднее сиденье автомобиля. Держа пистолет в руке, парень присмотрелся к нему внимательнее. Ага „Макаров“.

С этими штуками он был знаком. Во время службы в армии ему приходилось обращаться не только с этими пугалками, а кое с чем и посерьёзнее. Поставив пистолет на предохранитель, и засовывая его себе в карман, парень услышал какой-то шум внутри автомобиля. Заглянув внутрь, парень увидел, что обе передние спинки откинута назад, а на сиденье лежат, точнее сказать, из-под переднего правого сиденья торчат две длинные голые ноги и чей-то зад, туго обтянутый светлыми трусиками. Одна из ног, нелепо зажатая под рулевое колесо, была как бы заклинена, а вторая всё ещё била по стеклу. Включив верхний свет, парень, наконец, разобрался что к чему. Головой вперёд, там, где обычно находятся ноги пассажиров, с заклеенным липкой лентой ртом и завязанными глазами, а вдобавок и связанными руками, лежала девушка. Короткая юбочка, похожая больше на шарфик, чем на юбку, была задрана выше пупа, а кофточка с короткими рукавчиками, надетая на голое тело, держалась на девушке только потому, что руки, скрещенные впереди, не давали ей сползти с плеч. Подхватив её за талию, парень осторожно, с выворотом, потянул её вверх, назад и на себя, боясь при этом повредить ей что-нибудь или, ещё хуже, сломать защемлённую ногу. Но всё прошло удачно и он, прислонив девушку снаружи к автомобилю и придерживая её одной рукой, второй сорвал повязку с глаз. На него в упор, с немим ужасом, смотрели огромные глаза.

Парень, ухватив пальцами свободной руки кончик отклеившейся липкой ленты на рту, одним рывком отодрал её от лица. Ни звука, но лицо девушки показалось вдруг знакомым, даже родным каким-то.

Девушка зевала, словно только что вытасченная из воды рыба, но произнести не могла ни звука. Из её глаз вдруг градом полились слёзы. Ещё пару раз хлопнув длинными ресницами, они медленно закрылись. Губы девушки шевелились, она всё ещё пыталась что-то сказать, но не могла произнести ни звука. Парень почувствовал, что она стала тяжелеть в его руках. Подхватив девушку двумя руками, он двинулся прочь от автомобиля.

„Ну и кино, – думал он, шагая, – если меня сейчас засечёт милиция, пришьют тысячи грехов за один раз и ни в жизнь не отмоешься от такой гадости. Двое лежат. Один возле машины, другой внутри. Конечно, покалечены. Не дай бог, ещё один из них окоцурится. Третья у меня на руках, да ещё со связанными руками. В кармане, как у настоящего гангстера, заряженный боевой пистолет из которого к тому же только что стреляли. Такое не в каждом кино увидишь“.

„Надо бы руки ей развязать, а то совсем замлеют“, – подумал парень. Он свернул с улицы в какой-то глухой переулок, стал одной коленкой на землю, а на вторую облокотил девушку. Узлы на верёвке были настолько крепко затянуты, что он побоялся обломать свои ногти, да и стоять долго здесь, посреди города, ему не очень-то хотелось. Вытащив свободной рукой из кармана перочинный ножик, второй рукой придерживал девушку, бывшую всё ещё в бессознательном состоянии, парень быстро расправился с хитрыми узлами. Приподняв девушку на руки, он почувствовал, что одна её рука пытается освободиться из его объятий, и он ещё крепче прижал её к себе, боясь, что она начнёт царапаться или просто махать рукой, как попало. Но рука всё же, словно змейка, вырвалась и, совсем неожиданно для парня, крепко обняла его за шею.

„Куда мне с ней деваться, – размышлял парень, – не бросишь же её посреди улицы. Надо найти где-нибудь укромный уголок да попробовать привести её в сознание, может и скажет, куда её доставить“. Прикинув примерно вес девушки, парень определил: „Ого, тяжелее будет, чем полная солдатская

выкладка. Ну, ничего, справлюсь. Вперёд, на „Пачихезу“, как говаривали у нас во взводе“. И он ещё темноватыми проулками двинулся к окраине города. Парень, конечно, не мог знать, что на девушку всё ещё действует подмешанное в напиток снотворное.

„Если бы меня сейчас увидел мой кузнец дядя Ваня, он бы обязательно сказал свою любимую поговорку: ‘Ты, Витёк, обязательно куда-нибудь да вступишь, не в партию, так в говно’. И, наверное, он прав. Почему именно со мной одним, из всей тихой деревни, всегда случаются какие-нибудь приключения? Ведь не ишу же я их специально!“

Впереди раздался шум текущей воды, и дома, расступившись, приоткрыли небольшую речушку, поросшую по берегу мелкими деревьями и кустарником. Теперь парень, наконец, сообразил, где он находится. Это место он узнал сразу. Сюда ещё мальчишкой он часто приезжал на велосипеде со своими друзьями купаться. Здесь они играли в пиратов-разбойников. Очень часто именно здесь дрались они с городскими мальчишками, но не всерьёз, а для бравады. Без синяков, конечно, не обходилось, но все мальчишки носили их с гордостью, как медали за отвагу. А самым неприятным в этих дальних походах на реку было, когда на обратном пути ломался велосипед. Тогда приходилось много километров тащить его на себе. Стоил велосипед целое состояние, и бросить его просто так, в кусты, было равносильно его потере. Такой риск не позволил бы себе никто. И мальчишки в таких случаях попеременно, словно мулы, волокли велосипеды на себе.

Пройдя немного по берегу, он нашёл знакомую бухточку. „Ага, даже та же самая лодка всё ещё жива“, – подумал парень.

Перехватив одной рукой девушку под коленки, он осторожно положил её на перевёрнутую вверх дном лодку-плоскодонку, привязанную длинной цепью к электрическому столбу с ярко святым фонарём.

Снял с себя рубашку и, скрутив валиком, подложил под голову девушки, а голые ноги накрыл своим пиджаком, как одеялом. Девушка ровно и глубоко дышала. Только теперь парень внимательно присмотрелся к лицу девушки. „Где-то я уже видел этот курносенький нос“, – подумал он. Взгляд парня остановился на груди девушки. Кофточка, с оборванными пуговицами, висела по бокам лодки, как крылья большой подбитой птицы. Парень одёрнул задранную юбочку, а вернее то, что называется юбкой. Подтянул повыше пиджак и, захватив двумя руками нижние углы кофточки, попытался завязать их узлом на голом животе девушки, но разбитые о голову мужчины пальцы не хотели выполнять такую тонкую работу. А два крупных, выпевших, налитых яблока, нахально, торчком, дразняще смотрели ему прямо в лицо. Девушка пошевелила рукой, и парень, быстро взглянув на её лицо, встретился с зелёным обжигающим пламенем глаз.

– И не стыдно? – тихим, еле слышным голосом спросила она. – Эх, ты, „Деревня“.

Жар бросился ему в лицо.

...Река была как бы естественной границей между владениями городских и деревенских мальчишек. Велось это уже не одно поколение, и отменять этот обычай никто никогда не собирался. Разные бывали времена. Иногда объявлялись войны. Иногда бывали перемирия, но на чужой территории никто не чувствовал себя как дома. А река была нейтральной зоной. Ею имели право пользоваться все без исключения, а на чужом берегу каждый был гостем или противником. Раз на раз не приходилось.

Как-то раз парень, будучи тогда ещё угловатым подростком, купаясь рядом с чужим берегом, почувствовал нужду в одном деле. Не долго думая, он опрометью помчался в ближайшие кусты. Вломившись в них, как разыгравшийся годовалый медведь-пестун, он чуть не сбил с ног девочку-подростка. Та стояла в чём мама родила и двумя руками, поднятыми на уровень груди, выжимала свой, мокрый после купания, купальничек. Широко распахнутыми зелёными глазищами девочка в упор смотрела на оторопевшего парня. Он от неловкости опустил глаза вниз, невольно проведя взглядом по голому телу девочки.

„Куда смотришь, бессовестный“, – тоненьким дрожащим голосом, скороговоркой, проговорила она. И вдруг, совсем неожиданно для парня, что-то мокрое и жёсткое, мазнув по уху и щеке, больно ударило его по глазу. Это девочка, своим ещё не полностью отжатым купальником, словно мокрой тряпкой, огрела парня по лицу. Готовый провалиться со стыда, он, забыв о нужде, рванул обратно к реке. И услышал вслед себе быстрый говорок: „Ну, „Деревня“, несчастный!“

Он бежал к реке. Глаз, заливаясь слезой, болел так, что он смотрел вперёд только одним. Парню было очень обидно и горько. Именно эту пигалицу он меньше всего хотел бы обидеть. Она уже давно нравилась ему до дрожи в руках. Девочка эта уже не первый год приходила вместе с городскими мальчишками купаться на реку. Маленькая, худенькая, словно воблочка, она и плавала, как настоящая рыба. Ни один из мальчишек в воде не мог за ней угнаться. Но нырять она, очевидно, не любила. Парень ни разу не видел, чтобы она с размаху прыгнула в воду. Она всегда входила в реку осторожно, трогая воду руками, будто боялась её, и, немного поплескавшись у берега, пускалась в плавать.

Смотреть, как она плывёт, было одно удовольствие. Тело её было эластичным, как у молодого дельфина, и словно создано для воды.

Парень несколько раз пытался с ней позаигрывать, плескал ей, будто нечаянно, в лицо водой. Она мгновенно, гордо подняв над водой голову, сворачивала в сторону. Откуда мог знать парень, что именно так прячут свои чувства, от себя и от всех окружающих, девочки-подростки. Да и сам он был таким же.

Что все зовут его „Деревней“, парень, конечно, знал и не обижался на это. Кличка не хуже, чем все остальные. Даже намного лучше, чем например: „Балбес“, „Крот“, „Суслик“ или „Мыня“. Обидно было от того, как девочка его выговорила. Это слово она не сказала, а выплюнула, как ядовитую слюну. И это было оскорблением. Удар по глазу в порядке вещей, девочка защищалась, но так плевать словами, выговаривая их с понтом, через нос... Такое парень стерпеть не мог. Может, если бы девочка не нравилась ему так сильно, он даже не обратил бы внимания на всё это, а так он настолько болезненно среагировал на сказанные девочкой слова, что на реку с мальчишками купаться он больше никогда не ездил. Его летние детские и юношеские походы на реку на этом закончились навсегда.

– Только не убегай, пожалуйста, от меня ещё раз. Не бросай меня одну. Пожалуйста, – тихо проговорила девушка, взяв обеими руками парня за руку.

– Пожалуйста, только не бросай меня. Господи! Хорошо то как! – и она снова закрыла глаза, но руку парня не отпустила. Девушка зажала её своими маленькими ручонками, словно тисками. Устроившись бочком на лодке и крепко прижав к груди свои, а вместе с ними и руку парня, она заснула, как у себя дома. Она даже стала посапывать и только время от времени постанывала

во сне и пыталась что-то сказать. Но голос был настолько невнятным, что слов разобрать парень не мог.

Вырваться, честно говоря, большого желания у парня и не было. Поправив свободной рукой под головой девушки свою рубашку, он присел на песок возле лодки, привалившись к ней боком, и задумался. Он совершенно ничего не понимал.

Он тоже узнал девушку. Это была та городская девочка с реки. Его первая, полудетская, полуюношеская любовь. Парень был готов вот так, скрючившись в вопросительный знак, сидеть возле этой девушки целую вечность. Он даже пофантазировал немного. Представил себе, что, взяв её под локоть, с гордостью идёт по своей деревне, а все его односельчане с хорошей завистью смотрят на него и спрашивают: „Ты, что, Витёк, женился, наконец? Цветёшь, как майский луг. Ну, поздравляем! Поздравляем! Поздравляем!“

Наступало раннее летнее утро. Солнце ещё не взошло, но хорошо видимая, светлая, широкая полоса на востоке быстро увеличивалась, росла, словно на дрожжах, вширь и ввысь.

Лёгкое прикосновение руки девушки к лицу парня прервало его мечты. Она гладила его по лицу, а он боялся пошевелиться, спугнуть неосторожным движением так неожиданно нагрянувшее счастье.

„Как зовут-то тебя, мой деревенский рыцарь-спаситель?“

И он автоматически ответил на её вопрос: „Витя, а тебя?“

„Виктор! Победитель значит. Что ты сделал с теми...? Ты что, кого-нибудь из них застрелил? Где пистолет?“ – с тревогой спросила девушка, опуская ноги с лодки, но всё ещё не отпуская руки парня.

Парень коротко рассказал о происшедшем и в ответ, неожиданно для себя самого, стал хамить: „Ты что, в милиции работаешь, допрашиваешь меня, словно следователь? Ты лучше сама расскажи, как попала в машину. Как это тебя мужики взнуздали, словно уросливую кобылку? Только седла и не хватало тебе до полной комедии, уздечку-то славную они тебе припасли. А тебя-то саму как зовут, я твоего имени тоже не знаю. Не воблой же мне тебя звать!“

Она заулыбалась в ответ: „Аней меня зовут. Фонвизина Анна. Ты, «Деревня», извини, Витя, всё такой же. Да. Я работаю в органах, и пистолет в твоём кармане – моё табельное оружие. Эти глупцы его из моей сумочки вынули. И слава богу, что ты из него никого не пристрелил, а следовало бы. Но, пожалуй, так лучше. А как ты со здоровьем-то справился? Ведь он мастер спорта и довольно крепкий орешек“, – спросила девушка парня, отпустив, наконец, его руку, и заправляя свою разодранную кофточку в юбку.

„А мне всё равно, мастер не мастер. Задел меня – получи ответ, – проворчал парень, потирая всё же ушибленный нос. Мы в деревне и не таких бычков успокаиваем. К порядку приводим по-своему, а если нужно, то долго не цацкаемся...“

Девушка вдруг бросилась парню на шею: „Ты держи меня крепче, Витя. Я так долго тебя искала. Ждала тебя. Ты никогда не отпускай меня больше, ладно? Ведь люблю я тебя, дурачка. Люблю, сколько себя помню. С первого раза, как увидела тебя. С тех пор, когда ты ещё в трусах до коленок бултыхался у самого берега“.

„А я? Я ещё намного раньше! На... На... Намного... раньше...“

Парень даже заикаться стал от вновь нахлынувших на него чувств. Он подхватил девушку на руки. Так хватили на своё седло женщин раньше, половцы, скифы да все воины всех времён и народов, во время своих лихих

набегов на чужие страны. Вырваться из таких рук женщинам было невозможно, и им оставалось только отдаться на милость победителя.

Что девушка и сделала бы, не раздайся за их спиной каркающий голос:

„Вам что, ночи не хватает, бесстыжие? Шляются тут всякие, а потом вёслы пропадают.“

Парень с девушкой, медленно приходя в себя от угара, оглянулись и чуть отодвинулись друг от друга. Рядом с лодкой стояла, похожая на ведьму из сказок, старуха с маленькой кошёлкой в руках.

„Ну что, намиловались? Голодны, небось, как волки? Я уже давно за вами наблюдаю. Всё решить не могла, разбойники вы или добрые люди. Решила всё же, что добрые люди и принесла вам кое-что перекусить. Поедите, так кошёлку потом под лодку суньте. Ну ладно, не буду вам мешать. Воркуйте дальше. Только не забудьте, что щас детвора нахлынет и при ней то непотребностей не творите.“ И старушка, поставив кошёлку на песок возле лодки, сильно припадая на одну ногу, направилась к небольшому домику, стоящему поодаль на бугорке.

„Бабушка, подождите, – девушка, вырвавшись из рук парня, бросилась вслед бабуле, – ой, спасибо вам большое. Откуда вы знали, что мы есть хотим? Сколько мы вам должны?“ – и девушка чмокнула старушку в щёку.

„Я что, молодая не была? Никогда не любила, что ли? Не знаю, как это бывает? Да ничего вы не должны. Я не за деньги это делаю, а вас, дурашек, жалеючи. Забыли, наверно, за любовь, что иногда и покушать-то не вред. Кошёлку-то не забудьте всё же сунуть опосля завтрака под лодку“, – ворчливо проговорила бабка и пошла дальше.

„Если бы она узнала, что мы с тобой ещё ни разу в жизни не целовались, то у неё, наверное, глаза бы от смеха выпали, – проговорила девушка, беря в руку кошёлку и ставя её на краешек лодки. Да и вообще я ещё никому не позволяла себя целовать. Я знала, я была уверена, что встречу своего глупыша „Деревню“. Не знала только, когда и где. Но я верю в судьбу и знала, что она обязательно сведёт нас вместе. Не может не свести. Иначе никакой справедливости на земле бы не было, а так быть не может. А ты, Витя, в судьбу веришь?“ – девушка, краснея, застенчиво посмотрела на парня. Она только сейчас сообразила, что уже несколько раз объяснилась в любви. Притом сделала это совершенно неосознанно и первой.

Ого, ещё и как верил парень в судьбу. И особенно после такой неожиданной встречи со своей потерянной юношеской любовью.

По деревне, после многочисленных бесполезных атак на него девушек, кое-кто из злых людей стал распространять про парня не совсем хорошие слухи. Иногда, правда, только за его спиной, кое-кто стал звать его „Евнухом“.

Парень знал, что получил второе прозвище. Он даже громогласно объявил, что тот, от которого он его услышит, белому свету больше рад не будет. Одно время он даже подумывал с мужской грубостью над тем, не заделать ли одной из самых нахальных девушек ребёнка, чтобы все остальные отвязались.

Но природная застенчивость и любовь к другой девушке, всё же взяли своё. Парень был рад своей второй кличке. По крайней мере, все деревенские девчата от него отступились. Вражды у него с ними не было. А после того, как они поняли, что бегать за ним бесполезно, между парнем и девчатами наладились простые дружеские отношения. Со всеми одинаковые, без исключения.

И если к какой-либо из девчонок, без её согласия или против воли, цеплялись ребята, то ей стоило лишь сказать: „Деревне пожалуюсь“. И этим моментально наводился порядок. С „Деревней“ конфликта никто не желал.

„Моя мечта, моя жар-птица в моих руках. И не хвост или только пёрышко. Нет, вся без остатка. На другое я не согласен. Сама сказала, что любит, а остальное всё мелочь. А с этими городскими шибсдиками я уж как-нибудь разберусь. Не похоже, чтобы Аня была против. Прямо сейчас пойду и доломаю им рога“. Парень даже тяжело задышал от таких думок.

„Ты о чём задумался, Витя, – спросила девушка, раскладывая нехитрую снедь на полотенце, расстеленное ею на дне лодки, – пойдём перекусим, чем бог послал“.

Они присели на дно лодки, по обе стороны разложенной еды и принялись за пирожки, сготовленные добрыми руками бабули.

– Я запомнила тебя с твоего первого купания у нас на реке. Ты проплыл мимо меня, как колёсный пароход, болтая ногами, как лопастями. Я чуть не утонула тогда. Ведь только-только научилась плавать по-собачьи и, нахлебавшись воды, еле добралась до берега. И дала себе слово: я буду лучше его в воде, буду лучше всех в воде. Он увидит. Он ещё узнает меня. И каждое лето, после того случая, я всё своё время проводила на реке. А зимой ходила в плавательный бассейн. Отец был против этого, но я сумела уговорить своего папулечку. Своим именем я тоже обязана ему. Он у меня романтик и, что странно для мужчины, очень любит стихи, а особенно Анну Ахматову. В её честь я и названа.

Я не была все эти годы монашкой-отшельницей, как ты можешь подумать. Нет. Я много ездила. Бывала с папой на охоте, в горах. Папа даже организовал мне тренера. Это именно тот человек, которого ты отправил в нокаут через машину. Он мастер спорта. Был когда-то неплохим человеком, но время и успехи развратили его окончательно. Он считает меня своей собственностью. Ты прав, Витя... Меня взнуздали, но только не физически, а морально. Но он переступил человеческую черту. Я думаю, что он решил взять меня силой и изнасилованием подчинить меня. Как видишь, ему это, благодаря тебе, не удалось, а если бы случилось, то я собственноручно застрелила бы его. А ещё я думаю, что никто из них не сделает на тебя заявления. Они, наверняка, от твоих нравочений поостыли, отрезвели.

Мой бывший тренер, которому я обязана всеми возможными спортивными титулами, был настолько уверен, что я никогда не пикну против него, что стал считать меня своей вещью. Я во всем подчинялась ему беспрекословно. Только его женщиной я бы никогда не стала, а это он принять не мог.

После того, как я поняла, что он хочет большего, чем быть просто тренером, я оставила его и перешла в другое общество.

Одного только не могу понять, как он мог пойти на такую подлость, неужели в нём вообще ничего человеческого не осталось? Ведь знала же я его раньше совсем другим человеком, а теперь, словно волк стал. Ходили про него по городу слухи, что он с молодыми пловчихами балуется, но я не верила этому. Думала, от зависти к его тренерским успехам несут всякую чепуху и вот, пожалуйста, сама чуть не сторела. Всё-таки решился на эту подлость.

Он позвонил мне и сказал, что ему очень срочно нужно со мной переговорить. Просил, умолял о встрече. Сказал, что это жизненно важно для нас обоих. Я согласилась встретиться с ним совсем ненадолго, в ресторане. Народу там всегда много, и я была уверена, что хамить он мне на людях не станет. Прямо со службы я на своей машине и подъехала туда. Он ждал меня. Был вежлив,

как никогда. Трезв. Спросил, что буду пить. Я попросила воды. Его приятель официант мигом принёс минералки. Я ещё удивилась какому-то странному привкусу, но было уже поздно. Почувствовала только, как отнимаются у меня руки и ноги.

Язык онемел, и я не могла им пошевелить, а он сидел напротив меня и ухмылялся. Я была в сознании, но безвольна, словно кукла.

Дальше помню всё урывками. Знаю только, что вели они меня вдвоём со своим приятелем, а я ещё думала: скажут, напилась так, что сама идти не может. Сумочку с пистолетом взял в руки его приятель. Они усадили меня в мою же машину. Его приятель сел за руль и тронулся к окраине города. Я, собрав всю волю в кулак, попробовала сопротивляться. Его приятель остановил автомобиль. Они вдвоём связали мне сначала руки, потом заклеили рот. Они, наверное, хотели увезти меня куда-нибудь на дачу, а чтобы я не знала, где нахожусь, завязали мне глаза. Я пиналась и сопротивлялась, как могла, но снотворное брало своё, да и они вдвоём были сильнее меня. А когда увидела твоё лицо, поняла: всё, теперь я спасена. Всё будет хорошо.

...Ну, гадина! Значит, знал он меня недостаточно хорошо. Если бы он добился своего силой, то это было бы его последнее земное удовольствие.

И после всей этой длинной исповеди, девушка вдруг разрыдалась навзрыд. Громко. Взахлёб. Слезы ручьём текли по лицу, и она, размазывая их по ребячьим кулакам по лицу, запричитала: „Гад он... Гад он... Гад он...“

Девушка только теперь окончательно пришла в себя. Одурачивающее наркотическое действие сильного снотворного средства, наконец, потеряло свою силу. Боль и обида за перенесённые страдания и оскорбления заполнили душу до самых краёв. Она, не переставая, истерически повторяла одни и те же слова: «Гадкий он... Гадкий... Гадкий...»

Парень встал. Она, всё ещё всхлипывая, уткнулась ему мокрым носом в плечо, и он почувствовал, как горячие слёзы девушки потекли по его груди, обжигая, словно неразведённая кислота.

– Не бойся! Тебя больше никто никогда не тронет!

И столько уверенности было в его голосе, что она поняла: под такой защитой ей нечего бояться. Лучшей защиты, чем руки её „Деревни“ в мире нет и быть не может.

„Рандеву“

«Корабль пустыни», трясая нижней отвисшей губой и брызгая слюной, гнался за мотоциклом. А двое мужчин, пригнувшись на сиденьях, неслись от него, как трусливые тушканчики. Самодельный боковой прицеп мотоцикла был серьёзной помехой для маневра, да и тяжеловат для жиденького мотора. Мотоцикл весь трясся от натуги, плевался синим выхлопным газом, ревел, словно стреляющий пулемёт, но большой скорости развить не хватало силёнок. Дорога тоже была не образцовой. Разбитая тяжёлыми траками гусеничных тракторов, она была вся в рытвинах и колдобинах, что являлось дополнительной помехой. Со стороны вся эта картина выглядела довольно смешно, но мотоциклистам было не до смеха. Им всё время казалось, что разъяренный верблюд их догонит и растопчет.

А началось всё вроде бы шутя. Мужчины, возвращавшиеся с сенокоса, увидели издали двух огромных верблюдов, выясняющих между собой отношения. Драка, может быть, шла из-за верблюдицы. Та, недовольная, а, возможно, наоборот, довольная тем, что из-за неё идёт такая война, стояла, гордо подняв голову, в отдалении, в открытой степи. Была она намного светлее самцов и пониже ростом. Верблюды же, словно две чёрные горы, разошедшись не на шутку, плевались, трубили своими голосами, как сырыми испорченными трубами и бились головами, словно палицами. Силы их были, очевидно, равны, потому что заплёваны были оба уже до самых горбов, но ни один из них не хотел уступить первенства. Покрытые потом туловища говорили о том, что драка длилась уже немало времени.

Мужчины, поставив мотоцикл в кусты, пешком отправились понаблюдать за таким редким для них и весьма интересным зрелищем. Устроившись в кустах, они довольно долго были бесплатными зрителями очень интересного спектакля природы. Такое увидишь не каждый день. Но одному из мужчин этого показалось мало. И он, раздвинув кусты, решил поближе подобраться к бойцам. Это было ошибкой, которая чуть не закончилась трагедией. Верблюды, мгновенно забыв о своей распре, настороженно повернули головы в сторону нового неприятеля. А затем, медленно раскачиваясь, но удивительно быстро набирая скорость, вскачь направились в сторону мужчин.

„Рви когти!“ – заорал второй из кустов, что было мочи. Но того уже не надо было предупреждать. Он, словно заяц, припустил к кустам. На счастье, он не успел далеко отойти от кустов и деревьев. Шмыгнув с разгона в кусты, он, петляя меж них, пустился вдогонку за своим приятелем, которого уже и след простыл. А сзади раздавался трубный, разъяренный рёв злых верблюдов, что придавало мужчине невиданную прыть и скорость. Голос откуда-то сверху предостерегающе проорал ему: „На дерево лезь! Баран! Затопчут тебя! Затопчут! Лезь на берёзу!“ И он, слушаясь совета своего напарника, мигом, как обезьяна, вскарабкался на первую попавшую берёзу. Всё лицо, оцарапанное во время бега через кустарник, было посечено, как лезвиями бритв. Оно невыносимо болело и кровоточило, но он был рад, что спасся от жёстких подошв рассерженных верблюдов.

Огромные верблюды, возвышаясь над невысокими кустиками, зло поглядывали на спрятавшихся в самых верхних ветвях берёз мужчин и продолжали время от времени сердито реветь.

Андрей, так звали мужчину, который первым успел забраться на дерево, стал сердито выговаривать второму: „Тебя чего понесло на открытое место? Что, жить надоело? Не знаешь, что ли, что верблюды шуток в таких вещах не понимают, когда дерутся? Им такие свидетели, как ты, охламон, совсем не нравятся!“

Второй удручённо отмалчивался. Болело лицо. Комары жалили до одурения. Хотелось пить. Мухи, чувствуя кровь на его лице, как сумасшедшие, донимали его. И он, бедный, не успевал отмахиваться от всей этой дикой орды.

Того и гляди, свалишься с дерева. Ну и денёк. Сначала бесплатное кино. Потом бег по пересечённой местности с препятствиями. А теперь на дереве, словно в камере пыток. И этот ноет ещё там, как больной зуб. Сколько же это всё будет продолжаться? Видимо, до темноты придётся загорать здесь на берёзах, как кукушкам.

А верблюды, поняв, что люди для них недосыгаемы и ведут себя очень смирно, медленно, словно раздумывая, и настороженно поглядывая время от времени на деревья, удалились.

Немало прошло времени, прежде чем Андрей предложил спускаться с деревьев. Верблюды, пасясь, удалились на порядочное расстояние. Охота на драку у них, наверное, прошла.

А тут мотор, как назло, раскапризничался, и не хотел запускаться. Подрыгав немалое количество раз педалью, второй мужчина предложил попробовать запустить мотор толкачом. Осторожно вытолкав мотоцикл за кусты, и выведя его на дорогу, друзья вновь услышали за своей спиной грузный топот, тяжёлое дыхание и хруст ломаемого кустарника. Они глянули назад. Один верблюд, раздвигая кусты, словно пароход воду, высоко задрал голову, быстро приближался к ним. Путь к спасительным берёзам был отрезан. Дело принимало весьма серьёзный оборот.

„Миленький, только не подведи“, – разом взмолились друзья и, вцепившись в мотоцикл обоими руками, бросились заводить его с толкача.

Мотор, пару раз громко стрельнув из глушителя, хватанул и понёс так, что мужики еле успели запрыгнуть на ходу в седла.

Верблюд всё ещё бежал за ними в нескольких десятках метров от мотоцикла. Но дорога, постепенно выравниваясь и сделав плавную дугу, пошла под горку и мотор затрещал веселее, набирая обороты. Верблюд стал отставать. Андрей, удивлённо поглядывая назад, проговорил: „Слушай, а почему этот драчун один?“

После небольшой паузы второй, поняв, что опасность миновала, широко улыбаясь сказал:

„А второй гораздо хитрее этого тупого дуrolома. Выбрал самый подходящий момент для „рандеву“ с дамой. Пока этот дурашка здесь бегаёт за нами, тряся гривой, он все свои дела уладит и драться не надо. Понял?“

Оба рассмеялись шутке. Она была неплохой разрядкой после всего случившегося.

Бунт

Мальчик был отдан в чужую семью. Не навсегда, а только на время обучения. Переносил он это очень болезненно, мучительно. Оторванный от своего родного дома и родных и брошенный, как в холодную воду, в чужую среду, он стал замкнутым и диковатым. Его новую семью нельзя было назвать плохой. Спокойные люди, зажиточная крепкая семья с устоявшимся семейным укладом. Управляла всем в доме, семье и во дворе хозяйка. Высокая, по-крестьянски крепкая и смекалистая, она двух мнений не признавала. Каждое слово, сказанное поперёк любым членом семьи, будь-то ребёнок или взрослый, принималось ею как восстание против семейных порядков. Контрмеры принимались сразу и довольно крутые. Двоевластия в доме она не терпела. Хозяин дома, по сути, очень неплохой, но слабохарактерный мужчина, уже давно привык к деспотизму своей жены. И это его устраивало по всем статьям. Ничего не надо решать самому. Всё решит и обдумает жена, а у него - гора с плеч. Ответственности ведь, в конечном итоге, тоже никакой нести не нужно. Исполняй исправно то, что тебе скажут, и посапывай в трубочку. Да и дома бывал он не очень-то часто. Почти всё время проводил в разъездах по работе. В доме господствовали хозяйка и безукоризненный порядок, установленный ею навечно.

А мальчику так не хватало домашнего материнского тепла. Он чувствовал это всем своим маленьким детским умом: этому дому и его новой семье не хватает простого душевного человеческого тепла.

Всё есть. Сладкая, не сравнить с прежней, еда. Чистая одежда и постельное бельё. Но никогда, ни разу, вихры на его голове не погладила добрая рука. Не обняли руки, пахнущие свежим молоком. Не получил незлого подзатыльника за шалость или за подхваченный на бегу ломоть хлеба со стола.

На столе, за которым он сейчас сидел, вымыв до скрипа руки и дожидаясь разрешения, стояли иногда такие сладости, которые раньше ему и не снились. Но кусок не лез в горло под строгим взглядом хозяйки. Может быть, хозяйка была даже по-своему добра и ничего злого мальчишке не желала, но говорили они на разных языках и жизнь понимали по-разному. Она, положив ему на тарелку, кусок сладкого пирога, обязательно приговаривала: „Ты дома у себя таких пирогов, наверное, никогда и не пробовал, так кушай у нас, не стесняйся“.

Слова хозяйки жёсткой, непробиваемой пробкой застревали в горле мальчишки, и проглотить кусок, сдобренный такими словами, не было никакой возможности. И он, глотая слёзы обиды, под насмешливыми взглядами хозяйкиных детей, и мучительно пересиливая себя, отказывался от желаемого и дразнящегося пирога.

Хозяйка же, не поняв мальчика, сердилась: „Смотрите, какой капризный. Угождаешь ему, как господину, а он ещё нос воротит. Не хочешь и не надо. Не просить же мне тебя!“

Но самые большие мучения для мальчишки начинались вечером. Постель была холодна, словно могила, и забираться в неё было равносильно купанию в ледяной воде. В комнате кроме него никто не спал и неприятное чувство одиночества ещё острее чувствовалось именно в вечернее и ночное время. Правда, иногда его выручала кошка. Если она вовремя успевала спрятаться от

хозяйки, то мальчишка пускал её к себе под одеяло, и тогда жить было уже немного веселей. Как-никак всё-таки рядом живое существо.

Хозяйка, готовясь к семейным или божественным праздникам, выпекала целые вороха различных пирогов, тортов, пряников и печений. Семья-то не маленькая в этом большом доме.

Кроме хозяина с хозяйкой, мальчишки-чужака, да пятерых хозяйских подростков, в доме жил ещё старший сын хозяина со своей молодой женой и двумя крошками-близнецами.

В кладовке было сыровато, да и мыши иногда пошаливали, несмотря на все хлопоты домашней кошки. И хозяйка составляла всю эту кучу сладкой снеди в прохладной, если не сказать холодной, комнате мальчишки.

Большого наказания, чем это, для мальчишки, наверное, трудно было бы найти. Он каждый вечер долго не мог заснуть. Перед глазами дразняще стояли сахарные горки сладостей. Однако ещё больше, чем реальности, он боялся своих снов. Каждую ночь ему снилось, что он своими пальцами забирается в середину торта и кощунственно вырывает самую сладкую часть, украшенную всевозможными карамельками, а кошка вместе с мышами дружно помогает ему при этом. Просыпаясь, мальчик с ужасом осматривал все сладости, убеждаясь в том, что всё цело и ему не придётся оправдываться перед хозяйкой дома.

Этот ад длился для мальчика целую вечность. Он боялся, что когда-нибудь ночью, спросонья, и в самом деле доберётся до сладостей. И не есть он их будет, а со зла потопчет, не соображая притом, что делает. Не давая, как лунатик, отчёта своим действиям.

Однажды, занимаясь в своей комнате, мальчик услышал, что дверь в его комнату резко открылась. На пороге с огромным кухонным ножом в руке появилась жена старшего сына. „Так, мой маленький, я своей властью объявляю сегодня праздник. День семейной революции. Да здравствует наша революция! Да здравствует праздник живота!“

Мальчик оторопело смотрел на маленькую худенькую женщину и не верил своим глазам. Ему даже показалось, что он за много месяцев проживания в этом доме впервые услышал её голос, так громко и уверенно она говорила.

„Марш на кухню. Тарелки и вилки нам сюда, – скомандовала женщина мальчику, – и не бойся, я весь огонь беру на себя“, – добавила она, по-молодецки подмигивая ему.

„Это настоящий бунт“, – подумал мальчишка, опрометью бросаясь исполнять поданную ему команду.

Вернувшись с вилками и тарелками в свою комнату, мальчик увидел, что женщина, как дровосек, расправляется с тортом-башней, выстроенной на фаянсовом блюде. Раскромсав его на четыре огромных куска, женщина, взяв у мальчика из рук тарелки, задвинула ножом на каждую из них по куску торта и поставила на стол. Затем пошла и плотно закрыла дверь на крючок. Вернувшись к столу и присев на табуретку, она подвинула одну тарелку себе, а вторую - мальчишке.

„Если ты сейчас, мой сладенький, не будешь кушать вместе со мной, я твой кусок надену тебе на твою упрямую голову. Хорошая шапка из него тебе выйдёт и, поверь мне, я не шучу“, – проговорила женщина, взяв в руку вилку.

Мальчишка, подойдя к сидящей женщине сзади, крепко обнял её за плечи, как свою родную маму. Он не видел лица женщины и того, что светлые слёзы из её глаз мелкой частой дробью, словно алмазы, сыплются прямо в тарелку. Затем он, сев к столу, принялся уплетать за обе щёки свой кусок. Он понял, что эта

маленькая женщина, такая же чужая в этом доме, как и он, пошла на бунт только ради него. И подвести, оставить её одну он не имеет никакого права. Это будет уже предательство.

«Пеструха»

Корову продавали. Базарный день подходил к концу, а покупатель так и не нашёлся. Пеструха (так звали корову) стояла, низко опустив голову. Не нравилось ей всё это. Утром вместо пастбища её прогнали вслед за конской повозкой много километров. Затем целый день дёргали то за хвост, то за рога. Самые любопытные даже заглядывали в пасть, делая вид, будто видят там что-то интересное.

Корове от всех этих мытарств было не по себе. Хотелось пить и есть, но сухая солома с повозки после сладкой и сочной травы на пастбище не лезла в горло. Полуприкрыв глаза и упёршись в землю ногами, словно инвалид на костыли, она представляла весьма неприглядную картину. Глядя на корову со стороны, можно было подумать, что она очень больна. Очевидно, именно поэтому покупатели, которым действительно нужна была корова, обходили Пеструху стороной.

Вдруг Пеструха встрепенулась. Её губы тронули чьи-то ласковые руки. Провели по ним, погладили их и, как по волшебству, в руках оказался пахучий кусочек хлеба.

Корова подхватила его языком и зачмокала от блаженства. Повернув голову набок и широко раскрыв свои тёмные глаза, она внимательно посмотрела на владелицу рук. Перед ней стояла невысокая сухонькая старушонка с такими же, как и у Пеструхи, тёмными глазами.

Ни слова не было сказано, но и так было ясно: они понравились друг другу с первого взгляда.

Пеструху стало не узнать. В её глазах появилась жизнь. Она вся как бы подтянулась, округлилась. Не стало видно торчащих прежде мослов. Даже шкура заблестела совсем иначе. Каждая ворсинка заговорила, зазвенела, запела на ней.

Базар к этому времени уже совсем опустел. Иначе от покупателей сейчас отбою бы не было. Владелец коровы не узнавал свою, вечно непослушную, Пеструху, а она, поглядывая на него, очевидно, усмехалась про себя и думала: „Эх вы, людишки. Не вы нас продаёте. Мы сами выбираем себе нового хозяина“.

О чём говорила старушка с хозяином, Пеструха, конечно, не знала, но была уверена, что перейдёт в другие руки. Так и случилось. Бабка повела корову на окраину города, а бывший хозяин направился следом. Поднявшись на небольшой взгорок к деревянному рубленному из цельных брёвен домику с узорно вырезанными и разукрашенными наличниками, бабуля привязала Пеструху прямо на улице к столбу. Корова с интересом оглядывалась кругом. Из дома вышла молодая женщина с маленьким ребёнком на руках. Она так же, как и старушка, подошла к Пеструхе спереди и погладила её морду. Корова поняла: отныне и навечно её будущий дом здесь. Женщина, отдав старушке ребёнка и взяв скамеечку и подойник, присела под корову. Тугие струи молока с мягким мелодичным звоном ударили в стенки ведра.

Бывший хозяин Пеструхи, чуть не вывернув себе шею, заглядывал под живот коровы на пальцы женщины. А те работали с удивительной ловкостью и скоростью. Мужик не верил своим собственным глазам. Он корову продал именно потому, что выдоить её было сплошное наказание. Да что там

наказание. Каждый раз это было целое бесплатное театральное представление, смотреть которое собирались все соседи. А здесь совершенно чужая женщина села и доит корову так, будто делала это уже сотни раз. И корова не бьёт ногами, хвостом и рогами. Весь её богатый арсенал стоит и висит неподвижно. Пеструха же иногда только тяжело вздыхала, вздымая при этом бока, и поглядывала своими умными глазами на женщину. Она ни одним движением не выдала, что ей больно. Она как бы без слов разговаривала с доившей её женщиной:

„Не бойся. Спокойно делай своё дело. Я всё вытерплю. На добро отвечают добром. Я никогда никого без причины не обижаю, а уж тебя-то, моя новая хозяйшкa, и другим обижать не дам. Не то отведают моих рогов“.

И доившая женщина слышала голос Пеструхи. Они обе разговаривали без слов, но на одном, только им понятном языке.

Разговор

Огромный лайнер-автобус рвал своими мощными фарами-прожекторами ночную темноту в клочья. При этом он разбрасывал бегущие по сторонам дороги, как привидения, призрачные тени. Большинство пассажиров дремало, развалившись в креслах.

Иван не спал. Он сидел, словно натянутая струна, боясь пошевелить пальцем, и только мысли взбесившимся роем метались в голове. На его плече удобно устроилась женская головка. Женщина не была женой, подругой или знакомой Ивана. Но она стала ему настолько близка за несколько последних часов, что он даже не смог бы объяснить своих чувств. Эта совершенно незнакомая Ивану женщина стала ему дороже всех на свете. Казавшаяся ещё с десяток часов тому назад высокомерной и заносчивой, она положила свою обнажённую, чувствительную душу, Ивану на ладони. При этом сделала это добровольно, без какого-либо принуждения с его стороны.

Отправление автобуса задержали по неизвестной для пассажиров причине. Посадочная возня уже давно закончилась, и все с нетерпением поглядывали на водителей. А те заметно нервничали. Один из них, очевидно старший, время от времени о чём-то коротко говорил по телефону. Наконец, прямо на стоянку автобуса, подъехал автомобиль. Из него вышла женщина, запахивая на ходу лёгкое пальто. Выглядела она настолько элегантно, что сразу можно было понять: такие персоны не очень-то часто ездят на рейсовых автобусах.

Водитель автомобиля, вынув из багажника два небольших кожаных чемодана, бегом примчался к автобусу следом за опоздавшей пассажиркой к автобусу. Салон автобуса был полон, и только одно место рядом с Иваном оказалось свободным. Один из водителей вежливо проводил женщину до специально зарезервированного для неё места. Она, поблагодарив водителя, внимательно посмотрела на сидящего у окна Ивана. И Ивану стало не по себе, неудобно как-то, неуютно. Он словно со стороны взглянул на себя:

„Да, видок у меня ещё тот... на джентльмена явно не тяну. Даже на колхозника и то не похож“.

Освобождённый из мест не столь отдалённых, Иван был одет, естественно, совсем не так, как эта женщина. Бедно был одет Иван, если не сказать хуже. Простой, грубой вязки свитер и хлопчатобумажные брюки, заправленные во всемирно известные кирзовые сапоги, начищенные, правда, до зеркального блеска. Фуфайка, не менее известная, чем „кирзачи“, прикрывала сверху выдавший виды заплечный мешок под сиденьем. Вот и вся экипировка. Всё движимое и недвижимое имущество Ивана.

„Вот и верь после такого всем известным философам, которые утверждают, будто не одежда красит человека. Сидишь тут на виду у всех, как голый король, и стесняешься сам себя. А уж такая дама, как эта, сидеть рядом со мной явно не захочет. Побежит сейчас, наверное, к водителям требовать для себя более удобного места“, – подумал Иван.

Но он ошибся. Опоздавшая пассажирка, поставив под ноги лёгкую походную сумку, спокойно сняла с себя пальто, выглядевшее иноземным в этом автобусе, и небрежно бросив его через спинку, присела на краешек сиденья. Затем, глянув ещё раз краем глаза на Ивана, уселась удобнее, поправив при этом

автоматически, как и все женщины мира, подол платья. Прикрыв глаза длинными ресницами, она словно говорила:

«Оставьте меня в покое».

Иван был рад: не надо делать хорошую мину, угождая соседке. Отвечать на глупые, ни о чём не спрашивающие, вопросы. Болтать просто так, от безделья, для проведения времени. Да и отвык он от нормального женского общества.

Автобус, вырвавшись из города на автомагистраль, пошёл ровнее, спокойнее. Не стало крутых резких поворотов. Дорога, прямая как стрела, просматривалась на многие километры.

Соседка по креслу, внимательно посмотрев Ивану в лицо, совсем неожиданно для него ясным чистым голосом проговорила:

“Посмотрите, какая прелесть, красота вокруг!”

Иван, коротко глянув в боковое окно, от неожиданности немного грубовато-небрежно бросил в ответ:

“Поля как поля, сорняков, правда, многовато”.

Женщина, тронув Ивана рукой за колено, тихо сказала:

„Не хамите, пожалуйста. Вы ведь совсем не такой. Не идёт вам хамство. Совсем не идёт. Откройте шире глаза и душу. Не сорняки это. Маки. Маки цветут“.

Ивану стало жарко. Жарко невмоготу. Свитер, словно железный обруч, сдавил горло. И он, хватая ворот рукой, с силой потянул его от себя. Ему не стало хватать воздуха...

„Да, она права. Очерствел я за эти годы. Стыдно. Ужасно стыдно“.

А соседка, взяв Ивана, как маленького ребёнка, за руку, сказала:

„Простите меня, пожалуйста, я не хотела, поверьте мне. Ну, пожалуйста, не держите на меня, глупую, зла“.

Иван, несколько раз покачав головой, отвернулся к окну. Женщина поняла его без слов. Немало времени прошло, прежде чем Иван опять мог посмотреть на свою соседку. Она тихо спросила его:

„Полегчало?! Ну и слава богу! У меня тоже с души камень упал. А ведь немало лет он у меня там разлёживался“, – произнесла она после короткой паузы совсем непонятные Ивану слова.

„А давайте будем пить чай. У меня полный термос моего любимого, цейлонского. Кстати, зовут-то вас как? Не соседом же называть. Меня Денверой* зовут“.

Женщина говорила, а руки её уже проворно исполняли свою работу. Сумка оказалась между сиденьями. На обеих спинках передних сидений были выдвинуты полочки, которые, как по волшебству, мгновенно были заполнены пакетиками. Не спрашивая согласия Ивана, она, сняв с термоса два стаканчика, налила в один из них ароматный чай и молча подала ему. Соседка не дала Ивану никакой возможности отказаться, и делала она это так естественно и непринуждённо, что даже и не обидно было принять такое богатое угощение.

Иван тоже коротко представился. Чай был действительно чудесный. А пирожки и другие сласти просто таяли во рту. Совсем незаметно они перешли на ты. Он чувствовал себя свободно, так, будто знал эту женщину уже много лет. Лёгкими, безобидными вопросами, она смогла его так разговорить, что он, обычно молчаливый, откровенно рассказывал ей такие вещи, о которых и не со всяким хорошим знакомым поделился бы.

В зону попал по причине так называемых, массовых мероприятий. Шла очередная кампания борьбы с опиумом народа. Занятый любимой музыкой, он потерял нить реальной жизни, что обернулось для него несладкими

последствиями. Занимаясь с соседскими детишками разучиванием песен и нот, он наступил кому-то на мозоль. Было подано анонимное заявление, что якобы он организовал на дому воскресную церковную школу. А дальше отлаженный механизм остановить было уже невозможно. Три года заключения непонятно за что. Начальник исправительно-трудовой колонии при первой же встрече сказал ему, что ждут его в колонии уже целых полтора месяца. На дудочке и гармошке играть некому. У прежнего музыканта срок вышел, а очередного „замполит“ забыл вовремя заказать.

Такое придумать нарочно невозможно. После суда всего две недели прошло. Значит, ещё задолго до судебного заседания, всё было решено. Срок заключения. Место заключения. Как по разнарядке. И только он, Иван, ничего не подозревал.

Разговор прервался из-за шума в автобусе. Все пассажиры, повернув голову в одну сторону, о чём-то оживлённо переговаривались.

Иван тоже посмотрел в окно. Поля ушли назад, и по степи, широко и длинно разбросав гривы и хвосты, галопом нёсся большой табун лошадей. Зрелище было незабываемое. Табунщик, низко пригнувшись в седле, скакал далеко позади. Он, видно, упустил момент, когда чем-то встревоженный табун рванул в открытую степь, и теперь никак не мог его нагнать. Лошади неслись в полный мах. На фоне заходящего солнца их силуэты проступали какими-то фантастическими фигурами. Тени, отбрасываемые лошадьми, с высокой насыпи шоссе казались огромными чудовищами.

„Как я им завидую“, – услышал вдруг Иван голос соседки. Он внимательно посмотрел на неё. „Да. Я им очень завидую. Они на свободе, – повторила она, – Иван, если ты ничего не имеешь против, я тоже исповедуюсь. Согласен?“

Таковую просьбу отклонить невозможно, или же нужно быть человеком совсем уж без души, точнее сказать, роботом.

А Иван таким не был. Затянула его, правда, в последнее время какая-то невидимая плёночка чёрствости, но разговор с женщиной размыл её без следа. Не находя нужных слов, Иван энергично закивал головой.

...Тихий провинциальный, совсем небольшой городок. Их семье детский сад был не нужен, потому что у них была всеми любимая бабушка. Она и вынянчила всех на своих руках.

Бабушка была душою и двигательным механизмом всей семьи. Генератором веселья и шуток. Родители вечно на работе. Но дети не были обделены теплом и счастьем. Бабушка им заменяла всех. Энергии, тепла и любви этой женщине было не занимать. Для всех и, главное, вовремя она находила ласку. Своим именем она тоже обязана бабушке. Бабушка любила приговаривать: – Что в жизни главное? Деньги? Нет! Вера! Вера в человека. Именно это приносит истинную радость, – комментировала она для непосвящённых свой лозунг. Так родилось это необычное имя: *Денвера*.

Потом школа с золотой медалью. Однобокая, покалеченная любовь. Именно здесь она переступила порог. Дальше ею уже руководили не чувства, а только разум. Институт в чужом далёком от родного дома городе. Спокойное, сытое, удачное замужество. Семья мужа известна не только в стране, но и далеко за рубежом. Живут богато, достойно и очень благопристойно. В свой родной городок попадала всё реже и реже. Детей завести всегда не хватало времени, откладывали на будущее. Должности, как по маслу, сами напрашивались одна за другой. И одна лучше другой. Только успевай приспосабливаться. По имени уже давно никто не зовёт, только по имени-отчеству. Служебный автомобиль день и ночь к услугам. Что ещё надо?

И постепенно, совсем незаметно, тонюсенькие слои, словно туманец, ложились на душу. А с годами и вовсе образовалась надёжная защитная броня. Причём броня непробиваемая. И непробиваемая не только снаружи, но, что самое мучительное, как только теперь она поняла, и изнутри пробить эти стены душевной коросты стало невозможно. Постепенно от неё отделились все родные. Она сама стала очень редко посещать бабушку и родителей. Сестёр забыла совсем. Растеряла друзей и подруг детства. В гости уже давным-давно никто из них не приезжает. От прошлого осталась только девичья фамилия, которую оставила себе вопреки просьбе мужа.

И вдруг, как гром с ясного неба или призыв из другого мира, срочная телеграмма.

„Если можешь, приезжай. Умерла бабушка. Очень ждала тебя“. И подпись: мама.

Подсчитала время. Самолётом успеает. Муж отговаривал: „Столько дел. Диссертация на носу. Всё отлажено-выглажено. Остались формальности – и степень в кармане. Отправь срочным переводом деньги и дело с концом. Бабушки в живых нет. Ей уже ничем не сможешь, а нам всем наделаешь кучу проблем этой незапланированной поездкой. Родители тоже настоятельно советуют не ехать“.

Но по душевной броне кто-то ударил кувалдой. Панцирь дал трещину. Больно вдруг стало, очень больно. И впервые за всё время замужества она оказала сопротивление, твёрдо заявив: „Нет, на этот раз будет так, как я решила. Я еду. Еду непременно“.

Родные встретили настороженно, словно чужую. Приветливо и внимательно до приторности. С глаз и души, словно пелена спала: я сама удалилась от них. От сестёр, от мамы и папы, от любимой бабушки своей. Ведь сколько раз именно бабушка, вытирая мои слёзы, приговаривала: „Ничего, до свадьбы всё заживёт“. А зажило, заросло-то, всё как раз после свадьбы. Словно тиной, болотом затянуло. Потихонечку ласковыми словцами и заграничными нарядами, позднее престижными должностями её превратили в бесчувственную, но очень удобную куклу, рода и родства не помнящую. Родители мужа были опытными психологами, этого у них было не отнять. Сын их боготворил, постепенно и она уже не могла без них обходиться. По малейшему вопросу обращалась к ним за советом. А со временем и совсем разучилась принимать самостоятельные решения. Она стала марионеткой. И только там, на похоронах бабушки, словно опомнилась. Бабушка даже своей смертью ещё раз помогла своей любимой внучке. Одним рывком выдернула из одуряющего наркоза мещанства. Вернула назад в живой мир.

В её родном доме всё было иначе. Каждый мог иметь своё мнение, и отстаивать его не было необходимости. Все члены семьи, будь то бабушка или меньшая сестричка, любили друг друга. Именно любили и почитали. И этой-то простой человеческой любви к ближнему в её новой семье никогда и не было. Всегда был только сухой бухгалтерский расчёт. Скрупулёзный, выверенный и отшлифованный с годами до филигранной, ювелирной точности. Семья жила, как хорошо отлаженный и обильно смазанный часовой механизм, но души в ней не было. Никогда не было.

„Извините, я не могу больше“, – совсем тихо проговорила женщина, пошмыгивая носом.

Иван молчал. Да и чем он мог бы ей помочь. Совсем неожиданно для себя, он крепко обнял её одной рукой, и она доверчиво прижалась к его плечу. Давно наступила ночь. В автобусе было темно. Все спали. Женщина, постепенно

успокаиваясь, тоже сладенько засопела на плече у Ивана. А у него сна ни в одном глазу. Какие-то шальные, сумбурные мысли носились в голове. Давили и мучили беспрерывно. Потом они ясно и чётко выстроились в ровные строчки.

*Денвера! Имя как крик звучит.
Колоколом бьёт, гремит в ночи.
Жар и холод с собою несёт,
Боль сердца и смятенье души.
Зачем тревожит оно меня,
Когда отцвели сады-мечты,
Когда уж нет бывшего огня,
Дерзости, задора, красоты.
Но тревожит меня, тревожит
Имя чудесное - Денвера.
Чувства будоражит и множит
Это имя чужого мира.*

*Денвера – женское имя, собранное из первых букв трёх слов – Деньги, нет, Вера.

Подранок

Грузовик, хлопая разбитыми деревянными бортами кузова, преодолевал одно дорожное препятствие за другим. Просёлочная степная дорога, немного подсохшая после обильных дождей, выглядела как танкодром после манёвров. Канavam и рытвинам не было видно конца. Иногда грузовику приходилось со смертельным риском для многострадальных рессор перебираться через колеи, прокопанные шофёрскими лопатами. Колеи эти местами были похожи на полупрофильные окопы. Случись здесь учения пехоты, солдатам и закапываться не надо было бы. Окоп готов. Ложись в колею, и ты скрыт от неприятельского глаза.

Двое мужчин в кабине грузовика даже не замечали, что дорога так плоха. Для них это была обычная поездка, а водитель знал здесь каждую кочку наизусть. Пассажир, видимо весёлый по характеру мужчина и очень умелый рассказчик, травил анекдоты. Водитель иногда даже забывал вовремя среагировать на очередное препятствие, и они оба, в один полёт, дружно доставали головами до крыши кабины. Рассказывать анекдоты дано далеко не каждому, но наш рассказчик обладал настоящим природным талантом. Он голосом, мимикой, руками и всем своим телом так точно копировал каждый раз героя очередного анекдота, что бедного водителя всего корчило от смеха. Постанывая, он время от времени просил пассажира: „Ох! Подожди немного, у меня уже живот болит. Не могу я больше!“

Вдруг пассажир, глянув в боковое окошко, суматошно замахал руками и закричал: „Останови! Останови машину!“

Затем, подхватив зажатое между сидений ружьё, он, став одной ногой на подножку, прицелился во что-то невидимое водителю, но очевидно летящее, потому, что ствол ружья смотрел в небо. Выстрел рубящим звуком ударил по ушам. Теперь и водитель, наконец, увидел, в кого стрелял пассажир.

С широко раскинутыми крыльями, в сторону от грузовика, планировал огромный степной орёл. Непонятно было подранен он, убит или просто снижается за добычей. Траектория его снижения была плавной, и только при приземлении можно было понять, что у орла не всё в порядке. Он не поставил, как обычно при приземлении, крылья поперёк встречному потоку воздуха и поэтому тяжело ударился о землю, самортизировав удар только своими мощными лапами.

Похлопав дверками, мужчины бегом бросились к находившемуся примерно в ста метрах от дороги, небольшому бугру, на котором неподвижной пирамидкой сидел орёл.

При приближении мужчин, орёл, сидевший до этого на брюхе, приподнялся на ноги и, медленно разворачиваясь, стал к ним грудью. Полураспущенные крылья, царапая сухую землю, прочертили хорошо видимые полосы. Орёл как бы дополнительно опирался на крылья, используя их, как костыли. Он встретил своих врагов стоя. Орёл снизу вверх смотрел на мужчин. Раненный, но не сломленный, он гордо держал свою голову и его ненавидящий взгляд говорил о многом: „Унизили вы меня. Сняли с неба. Подбили, словно шальную сороку. Но не сломали. Вам меня никогда не покорить. Убить вы меня можете, но и только“.

И не орёл это был ещё, а только орлёнок. Жёлтые разводы у основания клюва отчётливо говорили об этом. Орлёнок, тяжело переступая, сделал несколько шагов вперёд.

Пассажир схватился за ружьё. Водитель подхватил ствол ружья сбоку и рванул его вверх. Заряд из второго ствола пошёл мимо цели в воздух. Орлёнок смотрел теперь только на водителя. Тот не выдержал сжигающего взгляда, медленно и неохотно отвёл он глаза в сторону.

Всё ещё держа ствол ружья в руке, он, круто развернувшись и вырвав этим самым ружьё из рук пассажира, направился в сторону грузовика. Пассажир, о чём-то канюча и опасно поглядывая на орлёнка, бегом направился следом.

При попытке пассажира рассказать очередной анекдот, водитель угрюмо прервал его: „Пошёл ты, знаешь куда, со своими анекдотами? Туда, откуда пришёл!..“

Больше, до самого конца поездки, они не обмолвились ни одним словом.

Любка

Говорят, что козлы самые упрямые животные на земле. Может быть, так и есть, но коза Любка была упрямее всех козлов вместе взятых. Любка была всеобщим горем. Страдали от её проказ не только хозяева, но и все соседи, и жители близлежащих улиц. Хозяин Любки после очередной проделки козы и жалобы на неё клятвенно грозился отправить её на мясокомбинат, но нужда в молоке каждый раз заставляла отодвигать выполнение этих угроз.

Маленькие дети нуждаются в молоке. Корову в новом рабочем посёлке, построенном в современном стиле, где скоту места не было запланировано, держать было негде. И приспособляли находчивые люди небольшие кладовки под сарайчики для коз. Ставили по краям приусадебных огородов клетушечки, похожие на скворечники, и селили в них своих неприхотливых поставщиков молока. Корма для коз требовалось немного, и в пищу им шли любые объедки и отходы. Хорошая коза обеспечивала всю семью молоком и пухом, из которого хозяйки вязали прекрасные тёплые шали, шарфы и другие нужные вещи.

Любку спасало от живодерни то, что она давала самое лучшее молоко во всем поселке. Всех проказ, творимых резвой козой, не перечесать, но несколько самых смешных всё же следует рассказать.

Удержать Любку в ограде было невозможно. Вопреки всем законам физики она преодолевала любые преграды, а заборы из штакетника были для шаловливой козы обыкновенным местом тренировки. От Кукуя, который находился на отшибе рабочего посёлка и где жили несчастные хозяева дикой козы, к ближайшему смешанному магазину и центру посёлка вела по задворкам узенькая тропочка.

Чтобы пройти из Кукуя в центр по тропинке, обязательно нужно было перебраться через ручей по узкому деревянному мостику без перил. Это и было излюбленным местом самых жестоких проказ Любки. С невинным видом паслась она обычно по берегу узкого захламлённого ручейка, который в дождливое время превращался в достаточно бурную речушку. Все местные жители знали о бодливой козе и, не доходя до мостика, вооружались палкой. Но и коза тоже была не глупой. При виде человека с палкой, она продолжала мирно, как ни в чём ни бывало, пастись дальше. Но стоило на мостике появиться чужому, как коза, словно хорошая охотничья собака, принимала стойку спринтера.

Местные мальчишки пряталась тогда в ближайших кустах в предвкушении бесплатного представления. Спереди коза не нападала никогда, и если чужак шёл из посёлка, то беспрепятственный проход по мосту был ему обеспечен. Любка, терпеливо и невинно поглядывая по сторонам, продолжала пастись дальше. Но при возвращении чужака всё как раз и происходило. Дождавшись, пока пришелец поднимется на мостик, Любка в несколько стремительных прыжков настигала его и била рогами под зад. А дальше всё происходило в зависимости от того, кто был очередной жертвой. Если это была женщина, то визгливый крик будил даже младенцев в близлежащих домах. Если же жертвой Любки оказывался мужчина, то его матерные крики веселили всех жителей Кукуя без исключения.

Шёл как-то местный учитель на работу в школу. Перебираясь через лужу, залившую всю улицу, запачкал он свои новые туфли. Выбрав место посуше,

стал смывать приставшую к туфлям глину. Согнуться, конечно, пожилому человеку пришлось в глубоком поклоне. И коза не преминула воспользоваться таким удобным случаем.

Никто не видел происшедшего своими глазами, но разговоры про полет старого уважаемого учителя через лужу на носу и животе не прекращались целый год.

В тот несчастный для учителя день детвора радовалась свободному дню в школе и со смехом произносила в адрес Любки самые лестные и ласковые слова.

Приходил учитель жаловаться на козу хозяевам. Почитал старый человек бедным владельцам козы мораль, но поглядев на целую кучу детских голов за столом, пообещал, что дальше жаловаться не станет. Попросил всё же хозяев лучше поглядывать за козой или, в крайнем случае, привязывать шалуню к колышку.

Ага! Попробуй, удержи Любку целый день на верёвке. Всё это пустые хлопоты. Уже не раз пробовали хозяева привязывать козу на самые различные верёвки, вплоть до кожаных и прорезиненных ремней. Но Любкины зубы, словно мясорубка, перемалывали их, только ошмётки оставались от самых крепких верёвок. Пообещали хозяева учителю, что они, зная время, когда он идёт на работу, сами будут присматривать за козой.

Не всегда, конечно, везло Любке, но, как правило, в поединке с одиночками побеждала всё же она. Договорились как-то местные подростки тоже пошутить над козой. Поодиночке Любка уже не раз отправляла их в полёт с мостика, и они решили сообща отомстить козе. Как говорится – зуб за зуб. Подстроили ей злую ловушку. Договорившись заранее с мальчишкой из центра посёлка, сами спрятались в ближайших кустах. Всё прошло как по маслу. Неуловимую козу, кинувшуюся на чужака, поймали прямо возле мостика. Крепкой проволокой замотали ей всю морду, чтобы не кричала, и отпустили на волю. Несладко пришлось в тот день козе. Хозяева, не слыша криков и жалоб, радовались редкому спокойному дню, а коза ни пастись, ни пожаловаться не могла. Лишь когда пришло время дойки, хозяйка увидела, что Любка, недовольно дёргая сжатыми проволокой губами и бородёнкой, бродит вокруг дома.

Но больше всего конфликтов было у Любки со старой бабушкой. Упрямства обоим было не занимать, и ни одна из них не хотела уступить другой ни в чём. Война эта длилась уже не один год, а победителя в борьбе двух твёрдых характеров пока не было. Бабушка из дома никогда не выходила невооружённой. Аккуратно выструганная старушкой дубиночка не раз уже прощлась по Любкиным бокам и рогам, и, не очень уважая саму бабушку, Любка всё же перед дубиной склоняла свою голову и вежливо отступала в сторону. Как-то после особо твёрдых и болезненных ударов по рогам Любка добралась до окна комнаты, где жила бабушка. Увидев через стекло своего непримиримого врага и, поняв, что бабуля не может достать Любку своей дубинкой из комнаты, разнесла коза со зла своими рогами и копытами наружные рамы вдребезги. И пока престарелая бабуля выбралась из дома, чтобы наказать противную козу, той уже и след простыл.

Переступила дозволенную черту непокорная коза, и пришлось ей в первый же базарный день, на коротком поводке, в сопровождении хозяйки и хозяина, отправиться из дома навсегда.

Охота

Нива, громко рыча мотором, лезла, как хороший скалолаз, вверх по узенькому каньону. Прямая, как стрела, и хорошо асфальтированная дорога осталась далеко позади. Даже «гравийка*», разбитая гусеницами тракторов и колёсами многоосных вездеходов, отбежала на много километров назад. Четверо друзей уже не первый год вместе выезжали на осеннее открытие сезона охоты на уток. Компания это была чисто мужская. Дорогу все знали наизусть, и проехать могли до своего любимого места охоты чуть ли не с завязанными глазами. Но в этот раз им не повезло.

Прошедшее лето было очень жарким, и ледники заплакали горючими слезами, которые, сливаясь вначале в маленькие ручейки, а дальше уже в бурные потоки, натворили много безобразия.

Сель – это уже не шутка, а рождается он именно с талых вод огромных глетчеров-ледников. И чем больше селевому потоку создаётся препятствий, тем больше аккумулирует он энергии и тем бешенее делается. Несёт иногда такой поток на своей вздыбленной спине огромные деревья, и даже камни величиной с хороший дом, и остановить его невозможно. Человеку приходится лишь покориться этой стихийной силе и бежать от грязе-водяного потока без оглядки из ущелья в горы.

Именно такой селевой поток поиграл в свои весёлые игры прошлым летом в этих безлюдных горных местах, где кроме пастухов и сумасшедших охотников никто не бывает. Вырвавшись из тесного бокового горного прохода, селевой поток и на ровном месте не сразу успокоился. Он, как ножом, перерезал несколько полей и дорог, а потом разбежался по высокогорной долине, рассевая по всей округе вырванные с корнем кусты, деревья и камни. Местность после нашествия селя напоминала кратер ядерного взрыва и для любого транспорта была практически непригодна.

Узенькая, но хорошо накатанная, грунтовая дорога неожиданно оборвалась перед самым носом Нивы многометровым обрывом, и пришлось ребятам возвращаться далеко назад и окольными путями добираться до знакомого места охоты.

Тяжело гружённая четырьмя пассажирами и различным охотничьим скарбом Нива, прыгая, как козлик, всеми колёсами по камням, всё же медленно, но уверенно продвигалась всё выше и выше по берегу стремительной горной реки. Невидимая и нигде не отмеченная граница между Кыргызстаном и Казахстаном осталась позади. Но не везло на этот раз охотникам во всём. Река, делая крутой поворот, левой своей стороной вплотную прижалась к огромной скале и дорога, вернее сказать, тропинка, протоптанная скотом, неожиданно оборвалась.

Ребята вышли из автомобиля. Походили вокруг. Посоветались. Один из них, одев высокие резиновые сапоги, спустился к воде и прошёл поворот. Вода была чуть выше колена. Дальше тропинка была опять в порядке, и по ней можно было проехать к их любимому безлюдному месту. Ещё двое охотников надели резиновые сапоги и прошли по воде за поворот. Водитель, осторожно вырубивая против течения, стал огибать этот коварный речной изгиб, вплотную прижимаясь боком к скале, и это было ошибкой. Именно возле самой каменной стенки стремительно несущаяся вода вымыла глубокую

промоину. Нива, неожиданно нырнув правым передним колесом, глубоко осела на бок. Мотор, хватанув вентилятором воды, обиженно заглох. Трое ребят на берегу, увидев, что Нива просела в воду до самого бампера и больше не двигается, бегом бросились на помощь. Но не тут было. Силы трёх здоровых парней не хватило для того, чтобы выдрать колесо из подводной ловушки. Четвёртый выбрался из машины. Открыл капот и стал сухой тряпкой быстро сушить провода.

А коварная горная река не хотела так просто отпускать свою жертву.

Вода, стремительно обегая колёса, вымывала из-под них всё больше песка и мелкого гравия. И автомобиль прямо на глазах всё глубже погружался в воду. Дело приняло весьма серьёзный оборот. О запуске мотора уже не было и речи. Все четверо пробовали теперь, что было сил, вытолкать автомобиль из западни, но силёнок было явно маловато. Нива засела намертво. Вода стала уже заливать салон.

Помощь пришла неожиданно и с той стороны, откуда её и не ждали. Местный пастух, услышав громкие крики на реке, подъехал верхом узнать, в чём дело. Не долго думая, он сказал, что сейчас вернётся с упряжью и второй лошадей. Охотники не стали даром терять время и перетаскали весь свой груз из автомобиля на берег. В первую очередь спасали ружья и боеприпасы. Не прошло и четверти часа, как пастух намётом прискакал обратно и привёл с собой сына, который гордо восседал верхом на пёстром, как ковёр, коне. Пастух разулся, сбросил с себя штаны и завёл упирающихся лошадей в воду. Затем закрепил упряжь толстым волосяным арканом к заднему бамперу Нивы. Мальчишка остался на коне и управлял теперь двойной конской упряжкой. Пятеро мужчин и двойная конская тяга всё же сдвинули Ниву и она, разбрызгивая во все стороны воду, стала медленно пятиться задом на берег.

Все вымокли до ниточки и стучали от холода зубами, но были рады, что всё же сумели спасти свой единственный транспорт. Первым делом переоделись, а потом (для согрева конечно, а не ради пьянки) была быстро откупорена «беленькая». Первый стакан, как полагается, был подан спасителю. Одной, конечно, не обошлись, но много пить всё же не стали. Расспросили пастуха. Оказалось, что по боковому распадку очень даже просто добраться до их обычного места охоты, которое находилось на слиянии двух горных рек. Охотники, немного успокоившись и щедро одарив спасителя различными домашними соленьями и бутылкой водки, отправились дальше, благо, высохший двигатель завёлся с полуоборота.

Теперь уже без особых приключений добрались, наконец, охотники до места, где их уже давно ждал местный егерь. Раскинули палатки, и плотно поужинав, улеглись пораньше спать, чтобы не пропустить утреннюю зорьку.

Один из охотников не очень подходил к остальному обществу. Был он как-то не совсем от мира сего. Его товарищи частенько подшучивали над ним за нерасторопность во время охоты. Утки садились иногда ему чуть ли не на голову, а он не реагировал. Только когда один из соседей начинал кричать и материться, он испуганно бил дробью куда попало, чем ещё сильнее сердил своих приятелей. Утром, чтобы не нервировать понапрасну своих друзей, ушёл охотник-отшельник далеко вверх по реке и устроился в мелких кустах, в месте наиболее широкого разлива реки.

Место было удивительное. За спиной два крутых холма, между которыми, бурля водой, пробивался к реке небольшой ручей. Впереди широкий, хорошо просматриваемый плёс реки. Удивительное спокойствие природы и чуть слышный плеск воды унесли горе-охотника совсем в другое место. Он смотрел

вправо на реку широко раскрытыми глазами и не видел, что прямо в его направлении через мелкий плёс несётся стая волков.

Глубоко задумался охотник и не видел ни реки, ни волков. Мыслями он был ещё там, где им пришлось вынужденно искупаться. Перед глазами, как живой, стоял мальчик-пастух, который, как влитой, сидел на лошади, но, очевидно, ещё ни разу в своей жизни не проехал в поезде.

Вспомнился охотнику весь разговор одного из парней с мальчишкой, как тот, беззлобно пошучивая над пастушонком, объяснял ему, что чем желтее огурцы, тем они спелее.

Видел охотник потом, во время короткого обеда, устроенного прямо на траве, что бедный мальчишка, видно действительно ещё ни разу в своей жизни не видевший свежих огурцов, старательно выбирал самые жёлтые огуречные дольки.

Попробовал охотник объяснить мальчугану, что над ним просто пошутили и что самые зелёные огурцы всё же намного вкуснее, но не поверил ему пастушок. Очень недоверчиво смотрел он на охотника, а его подвыпивший отец даже не обратил внимания, на то, что его сына так провели. Мальчик-киргиз, выросший на отрогах высоких гор и не бывавший в своей жизни ещё нигде, не мог себе представить, что недоспевшие овощи могут быть вкуснее, чем переспелые.

Ведь всё, что поспевает в природе, делается желтее или краснее, но ни в коем случае не зеленее, и пошутить над ним хочет именно этот чудак, а не тот дядя, который хотел ему добра.

Все эти думы охотника и были причиной того, что он мысленно находился не на месте охоты, а вниз по реке, у места их вынужденного привала.

Охотник смотрел вверх по течению реки широко раскрытыми глазами и не видел, что волки стремительно приближаются к нему. Первой, в полный мах, расшвыривая во все стороны тучи брызг, которые сверкали всеми цветами радуги в лучах восходящего солнца, неслась матёрая волчица. За нею следом мчались два волка поменьше, очевидно, прошлогоднего вывода.

В нескольких шагах от кустов волчица стала круто тормозить, расшвыривая всеми четырьмя лапами речной гравий во все стороны.

Глаза в глаза встретились взглядами охотник и волчица. На миг оба оцепенели, затем волчица, приняв влево, в несколько прыжков преодолела расстояние до кустов и исчезла, будто её никогда и не было. Чуть отставшие волки, ещё в воде изменив направление движения, вслед за волчицей исчезли в кустах. Они даже не поняли, почему волчица не побежала по тропинке, которую они же и протоптали во время своих набегов на долину, а понеслась в обход.

Охотнику было не по себе. Врасплох застала его волчица.

«Пусть мне теперь кто-нибудь расскажет, что волки не умеют усмехаться! Волчица не просто усмехнулась, она посмеялась надо мной. Ещё и подумала, наверное, про себя: «Эх ты, трус. Слабак. Один мой прыжок, и ты распрощался бы с жизнью...»

И права была волчица во всём. Ведь страх, когда я встретился с ней взглядом, полностью парализовал меня. Я даже успел подумать, что ружьё не заряжено, а передо мной матёрая волчица. И вообще, тысячу разных мыслей успело пронестись за один миг, и она поняла это и пожалела меня.

А я? Я, мыслящий человек? Как поступил бы я на месте волчицы? Удержался бы я при виде беззащитного волка? Сумел бы я не нажать на спусковой крючок, зная, что в стволах моего ружья мощный заряд волчьей картечи и

рядом находятся ещё несколько надёжных охотников, которые подстраховывают меня?

На эти мысли-вопросы охотник так и не нашёл ответа, хотя они ещё много лет, после случившегося, не давали ему покоя.

Гравийка* - шоссейная дорога с гравийным покрытием

Чёрная лошадь

Мужчина, не торопясь, шёл по опушке леса в направлении своей деревни. Коса, чуть позванивая от толчков плеча, мерно покачивалась за спиной. Раннее утро широким разливом залило всю округу теплом и неумолкаемым птичьим говором. Летняя жара ещё не успела набросить своё душное одеяло на землю, и воздух был свеж, чист и приятен.

Несколько запоздавших зайцев торопливо прошмыгнули из пшеничного поля в лес перед самым носом мужчины. Он, громко присвистнув, поддал им такой прыти, что у них задние ноги, от старания, стали обгонять передние. Усмехаясь им вслед, мужчина подумал о том, что в этот урожайный год зайцев разведётся немало, а значит, долгой зимой будет за кем побегать с ружьём в руках.

Вдруг из-за поворота раздался громкий и частый стук копыт.

«Намётом кто-то скачет», – определил мужчина.

Прямо на него, в полный галоп, с широко раздутыми ноздрями мчалась чёрно-вороная лошадь. Длинная грива, словно пиратский флаг, развевалась во время прыжков за головой лошади.

Не долго думая и быстро забросив косу в кусты, мужчина встал на тропинке, широко раскинув руки. Лошадь, не сбавляя темпа, стремительно приближалась к нему. Обрывки поводьев уздечки болтались перед головой лошади и, наверное, именно поэтому она держала голову немного набок. Очевидно, уже не один раз наступила она своими копытами на крепкие кожаные ремни, и рывки уздечки принудили её бежать чуть боком.

Мужчина знал, что ни одна собака, кроме бешеных, конечно, его взгляда выдержать не может. Они, трусливо поджав хвост и пряча свои глаза, обычно становились смиренными и послушными. Но он не был уверен, получится ли это у него с лошадью. Пересилив мгновенную слабость, он ещё выше приподнял свои длинные мускулистые руки и стал искать глазами взгляд лошади.

Перед ним лошадь стала подниматься на дыбы. Тёплым конским паром и брызгами пота обдало его, но он не упустил единственно удобного мгновения. Ухватив одной рукой повод и сбалансировав другой, быстро шагнул в сторону лошади и вбок. Тяжёлые копыта передних ног лошади пронеслись совсем рядом и с глухим стуком ударили о землю.

Счастье не изменило мужчине и на этот раз. Ловко дёрнув повод вниз и в сторону, он сумел и второй рукой ухватиться за уздечку. Удила были вздеты, и это облегчило ему дело. Лошадь вынуждена была вывернуть голову в его сторону и покориться умению и силе. Тяжело дыша и кося на него чёрными злыми глазами, она сдалась и не стала дальше сопротивляться, но по всему её виду можно было понять, что покорилась она только силе, и при первой же возможности от неё можно ожидать самых непредвиденных сюрпризов.

Мужчина, крепко накрутив оба конца поводьев на свою руку, стал второй рукой осторожно и ласково поглаживать лошадь по шее и голове. А она, недовольно пофыркивая и всё ещё быстро перебирая ногами, никак не хотела успокоиться.

Немало прошло времени, пока между человеком и животным всё же наступило вынужденное перемирие.

Мужчина, оставив косу лежать в кустах, попытался отвести лошадь в свою деревню, но не тут-то было. Она стала биться и лягаться ногами вкруговую, и

ни в какую не хотела идти в ту сторону, откуда недавно прибежала. Она всё время рвалась в том направлении, куда так стремительно неслась в своём вольном беге.

При каждой возможности лошадь высоко поднимала голову и тревожно, а вместе с тем и призывно трубила во всю силу своих легких.

За этими хлопотами мужчина не заметил, как вдруг с ними рядом оказалась женщина и только когда лошадь тихо, взволнованно и радостно заржала и, несмотря на немалую силу, применяемую мужчиной, круто вывернула голову в сторону, он увидел незнакомку.

Женщина была одета во всё чёрное, за исключением платка, который выглядел так, будто был изготовлен из лебяжьего пуха. Платок покрывал всю голову и лицо, и только глаза женщины были видны из-под белоснежного головного покрывала.

Женщина молча, не говоря ни слова, протянула руку за поводьями и мужчина, как заколдованный, быстро подал ей обрывки ремней. Она одним быстрым круговым движением рук прихватила разорванные поводья в узел и забросила их через голову лошади на гриву.

Лошадь же, на удивление мужчины, было не узнать. Она приветливо обнюхивала женщину и сразу же можно было понять, что знакомы и дружны они уже давно.

Женщина, всё так же без слов, молча повернулась и, даже не взяв лошадь под уздцы, торопливо пошла по тропинке в ту сторону, куда так сильно рвалась лошадь. Та, как дрессированная собачонка, послушно пошла рядом, время от времени тыркаясь в плечо женщины головой, словно просила тем самым внимания и ласки.

Мужчина остолбенело стоял и смотрел им вслед. Уже на изгибе тропинки в том месте, где она круто уходила в поля, женщина оглянулась и сделала мужчине приветливо-прощальный жест. На фоне восходящего солнца выглядели они, женщина и лошадь, как две чёрные тени и лишь голова женщины чётко выделялась светлым пятном.

Впоследствии много времени и сил потратил мужчина, разыскивая незнакомку, но все его розыски не принесли ему успеха. Не было такой женщины и лошади ни в одной из близлежащих деревень. Словно из другого мира пришли они и так же исчезли, не оставив после себя абсолютно никаких следов, кроме воспоминаний.

Чёрная женщина и чёрная, словно вороново крыло, лошадь оставили в памяти мужчины светлый и радостный, но вместе с этим и очень грустный след...

Зов

Мужчина, как и каждый день уже много лет подряд, неподвижно стоял возле оживлённого перекрёстка и смотрел на него грустными, но ничего не видящими глазами.

Не мог он спать без этой каждодневной вахты. Если случайно выпадал такой день, что не было никакой возможности совершить этой, ставшей необходимой, словно воздух, прогулки, то всю последующую ночь он не мог сомкнуть усталых глаз. И если сон всё же принимал его в свои объятия, кошмары налетали на него такой гнетуще-давящей массой, что он за короткое время весь покрывался холодным потом. Неуправляемое и бешено бьющееся сердце было готово разорваться на части от перенапряжения его подсознания.

Спокойный и глубокий сон приходил к мужчине именно и только после посещения перекрёстка, который внёс в его жизнь страшные изменения.

Мужчина не был суеверным. Просто он был глубоко убеждён в том, что Бог есть на свете. Веру эту он принял от своих родителей, умерших уже много лет назад. Активную, подвижническую работу мужчина в церкви не выполнял, но в душе он был глубоко убеждённым христианином. Он никогда ни с кем не вступал в религиозные споры или полемику, не считая себя для этого достаточно подготовленным.

Но где на нашей родной планете можно найти ту меру, которая позволит определить глубины веры; или нормативы, по которым можно произвести градуировку и классификацию верующих? Иной, очень ретивый «богомолец», разбивает себе на людях лоб до крови в глубоких поклонах богу до пола при богослужении, а выйдя из церкви, забывает о его существовании. Другой же всю свою сознательную жизнь живёт совсем незаметно, по меркам и законам истинной веры и не машет ею перед носом у других, словно флагом. Не кичится и не хвалится, что он лучше всех и глубже всех верует. Кто из этих, таких разных людей, истинный христианин? На этот вопрос люди ответ дать не могут. Есть только один судья, который может судить и не во власти человека решать, кто прав, а кто не прав.

О чём только не передумал мужчина за многие часы, проведённые на этом перекрёстке. Какая-то неподвластная, непонятная ему энергия влекла его сюда снова и снова. Именно сюда, на этот перекрёсток, где потерял всю свою семью. Мужчина не смог бы объяснить словами, что заставляет его, требовательно вынуждает посещать это проклятое место, но только здесь он успокаивался душой. Побыв некоторое время на перекрёстке, он мог опять заниматься до следующего дня своими обычными делами. И только на другой день болезненный зов вновь давил душу, словно прессом, и не давал ни на минуту отдыха и спокойствия.

Раздумья мужчины прервал какой-то шум на противоположной стороне улицы. Он внимательнее пригляделся и увидел в густой толпе пешеходов стайку детворы с портфелями. Крича, словно стая галок, они о чём-то громко спорили. Вдруг, расталкивая девчонок и мальчишек, прямо на проезжую часть улицы, под колёса несущихся автомобилей, бросился мальчишка.

Мужчина, не задумываясь, кинулся ему навстречу. Мальчишка с ходу, со всего бега уткнулся в протянутые ему навстречу руки. Два человека, два совершенно чужих человека слились в единое целое.

Со всех сторон ревели клаксоны автомобилей, но мужчина ничего не слышал. Ему в ухо гремели набатом слова, произнесённые мальчишкой тихим шёпотом: «Скажи им! Скажи им, вредным, что у меня тоже есть папа!»

Все душевные муки мужчины прекратились в один раз. Исчез давящий зов. Ходил он и позднее на перекрёсток, но уже не один, а с вновь найденным сыном. Ходил реже. Клали они с сыном букет цветов в память о погибших, но и в знак благодарности перекрёстку за обоюдную находку.

Лишь много позднее мальчишка, уже сам ставший к тому времени взрослым мужчиной, рассказал своему приёмному, но по жизни настоящему отцу, что он точно знал, чувствовал, предвидел, что именно на этом перекрёстке он встретит своего папу, которого ждал уже много лет. Каждый раз, проходя из детского дома в школу, которая находилась не на территории приюта, он внимательно вглядывался во всех прохожих.

Своего папу он узнал с первого взгляда.

«Игры» (фантастика)

Шли обычные «игры». Очередная группа осуждённой по приказу старейшин молодёжи вошла, как обычно, в воду. Трое «избранных» шли проторенной дорогой обречённых на смерть. Толпа свободных «охотников», вооружённых крепкими, короткими дубинками, охватила группу «избранных» огромной полуподковой, которая своими концами уходила далеко в море. Чуть дальше в воде, там, где было глубже, плотными рядами стояли лодки с «охотниками», которые были вооружены уже не дубинками, а длинными шестами. «Охотники» в лодках были обязаны шестами наказывать «избранных» при их первой же попытке схватить глоток воздуха, а «охотники» с дубинками имели задание не допустить «избранных» до берега.

Зрителями этого жестокого и очень неприятного зрелища были все «земные». Присутствие всего народа было обязательным, что впоследствии и приведёт не к тем результатам, на которые рассчитывали его постоянные организаторы. Самыми активными в толпе были, конечно, любители острых ощущений.

Команда «избранных» состояла из двух парней и одной девушки. Одного парня из группы «избранных» звали Цорн, второго Мут а девушку Ооф.

Имя Цорн пришло откуда-то из далёкого прошлого, а получил его парень от своей очень строптивой бабушки, которая, по рассказам, была лучшей из лучших в боях на земле. Но упрямый, непокорный характер умной женщины привёл, в конце концов, и её в ряды «избранных».

Непобедимых в «играх» не бывает, и бабушка Цорна, как и многие другие, в один из «игровых» дней всплыла вверх животом на поверхность воды. Похоронили отважную участницу подводных «игр», а мальчишку так и продолжали все звать коротким, как лай собаки, прозвищем.

Имя Мут обозначало «мужественный», но не помогло мужество молодому парню, который не хотел жить по древним и уже давно отжившим обычаям.

Имя Ооф было новомодным и необычным. Произнесённое вполголоса, оно напоминало звук набегающей на прибрежный песок волны, и, может, именно поэтому так понравилось многим. Кто его придумал, было неизвестно, но немало девочек в племени "земных" стало носить это звучное и красивое имя.

Ооф тоже не случайно попала в группу. Слишком много и часто стояла она на берегу. И чересчур мечтательными делались её глаза. Не заметить такое было невозможно, и в один из «чёрных» дней пришлось и ей одеть на свою голову, которая была полна свободлюбивых мыслей, блестящий, словно солнце, металлический шлём обречённого «избранного».

Трое молодых людей, определённых в «избранные», не знали раньше друг друга, но короткого времени, проведённого вместе, хватило для того, чтобы принять единое и твёрдое решение.

Все они были выбраны в очередную группу обречённых из-за своего непокорного характера. Не умели они, а, может, и не хотели, идти в ногу со всеми, а особенно в ногу со старейшинами. Не согласны они были со многими устаревшими обычаями и порядками, которые, словно железные оковы, не давали самостоятельно жить, мечтать и думать.

Правила «игр» были жестоки, если не сказать, что бесчеловечно жестоки. И не игры это были, а узаконенное старейшинами ещё много лет назад убийство непокорных, но подавалось всё таким образом, будто «избранным»

оказывалась самая высокая честь, которой может быть достоин только лучший из «земных».

Официально (после убийства) «избранным» устраивали пышные похороны, как героям, погибшим в защиту своего народа и для запугивания врагов, а о том, что всё это замаскированное уничтожение непокорных и подозрительных, знали только несколько старейшин, посвящённых в высшие тайны.

На голову «избранных» одевался блестящий металлический шлём, который жёстко прижимал уши к голове. Шлём плотно и очень туго застёгивался на затылке на застёжку-замок. Ключ из замка вынимался одним из старейшин и снять шлём «избранному» самому с головы не представлялось никакой возможности. По правилам «игр», «избранные» могли вернуться через определённое время на берег, но только под водой.

Но кто же из «земных» имеет столько воздуха в лёгких, чтобы преодолеть очень большое расстояние и плюс к тому, ещё и бешенное сопротивление толпы «охотников», опоённых перед «играми» специальными напитками, которые превращали обыкновенных людей в настоящих чудовищ. Именно здесь скрывался весь коварный секрет «игр». Ведь не зря перед окончательным отбором все подозрительные проходили своего рода медицинский осмотр. Старейшины, имеющие большой опыт в этих делах, самым внимательным образом осматривали головы подозреваемых. Тот, у которого обнаруживались за ушами еле заметные полоски, похожие на зажившие ранки, был обречён на мучительную смерть «избранного».

Взявшись за руки, трое живых, но уже обречённых, медленно пошли в сторону открытого моря. Они знали, на что идут. Всё обдумали, и все трое приняли одно твёрдое решение: «На этот раз зрелища не будет. Проклятые жертвенные шлёмы исчезнут в море навсегда».

Старейшие «земных», скрыто от своего народа, изготавливали иногда в случае потери одного из старых новый шлём, но чтобы во время игр пропали сразу три шлёма из и так уже немногих оставшихся, – такого в истории «земных» ещё не случалось, и скрыть потерю от своего народа им на этот раз не удалось...

Ошиблись молодые люди в своих расчётах, но совместный подвиг всё же принёс позднее свои плоды: всё чаще после случившегося стали задумываться умные и думающие «земные» о своей жизни.

...А бесившаяся на берегу от предчувствия представления толпа с жадным любопытством наблюдала за ними. «Избранные» шли долго. До тех пор, пока вода не дошла до самых плеч. Потом разом, в один мах, ушли с головой под воду.

Все «охотники» на берегу и на лодках, вопя на все лады, будто подбадривая друг друга, а на самом деле убивая в себе криком остатки совести, во все глаза смотрели в воду. Звериные инстинкты у всех участников «игр» были разогреты опытными организаторами до предела. Многие из них кинулись к тому месту, где ушли под воду головы «избранных», но, подчиняясь команде старейшин, выстроились опять в плотную, тесно замкнутую цепочку.

Ни единого всплеска в середине замкнутого круга «охотников». Ни одного проблеска шлёма, по которому можно было и нужно было, по правилам «игр», безнаказанно бить и метать, всем чем угодно. (Именно этим шумом и действием, по объяснению старейшин, из прибрежных вод отпугивались все враги «земных».)

Погода стояла безветренная, и поверхность воды выглядела словно зеркало. Ни одна из голов «избранных» ни разу не показалась над водой. Бешенный рёв

толпы постепенно замолкал. Лишь время от времени кто-нибудь из самых ретивых «послушных» или наиболее опьянённых и одурманенных «охотников» издавал дикий крик. Но вся толпа с каждым мгновением делалась всё тише и тише.

И в этой тишине, тишине, которая была громче самой страшной грозы, старейшины услышали приближение бури и шторма. Приближение той бури, которая положит конец их господству над своим порабощённым народом.

Тихое непокорство трёх соплеменников, навсегда ушедших на морское дно (или же в открытое море?), заставило оставшихся задуматься о происходящем. Задуматься о зверских законах, выдуманных их господами.

«Земные» не знали наверняка, но догадывались о том, что живы остались молодые отважные «избранные», которые решили навсегда унести в море проклятые шлёмы. Какие-то смутные призывы, шедшие из глубины, не одного из «земных», а очень многих из них заставили позднее немало времени проводить на берегу, и с тоской прислушиваться к каким-то таинственным знакам-звукам, доносящимся издалека.

Тела трёх «избранных – непокорных», несмотря на самые строгие приказы старейшин, так никогда и не нашли. Это был первый случай, когда сразу все три шлёма были потеряны за один раз. И раньше бывали единичные случаи, когда терялся шлём, но одурманенные «земные» в суматохе даже не понимали этого.

Подвиг, совершённый одновременно тремя «избранными», зажгёт ещё одну искорку надежды на свободу, которая веками жила во всех сказках и преданиях. «Земные» передавали их тайком, а порою и вслух из поколения в поколение, но опытные старейшины, которые не хотели терять свою власть, убивали все крамольные мысли любыми доступными им способами.

Но мать-природа пожалела и вознаградила трёх отважных!

У всех троих, не за ушами, а в подмышках, после первого же полного погружения в воду вспухли толстые рубцы. Рубцы тотчас же вскрылись, и задышали через них «земные», словно «водные». И вода в одно мгновение стала им родной стихией.

Стихией, способной скрыть и защитить. Словно невидимые тени проскользнули «непокорные-избранные» над самым дном, глубоко под лодками с «охотниками», в открытое, ставшее им теперь вторым домом, море.

Объяснилась, наконец, и тайна металлических шлёмов, которые не зря были устроены так, что даже уши намертво прижимались ими к голове.

Много лет назад далёкие предки разучились, наверное, жить в воде, а чтобы потомки не смогли вернуться в некогда родную стихию, старейшины придумали жестокие «игры», которые в корне убивали всякое свободомыслие и тягу к воде.

«Игры» отбивали не только охоту на плавание в море, они постоянно подогревали страх «земных» перед водными глубинами.

Но свободу мечты и мысли нельзя убить навечно! Она рождается вновь и вновь, несмотря на самые жестокие и страшные законы. Так уж устроен человек: всегда, в любые времена, он ищет что-то новое, или же давно забытое старое, и остановить человечество в его поисках невозможно!

«Гости»

Продавцы и покупатели существуют вечно. Говорят, что торговля движет миром и, возможно, это именно так. Но есть среди честных продавцов, зарабатывающих торговлей себе на хлеб насущный, и откровенные грабители. Именно о них эта история.

Телефонный звонок прозвучал неожиданно и тревожно. Хозяйка, вернувшись в кухню после довольно долгого разговора, сказала, что звонила дальняя родственница и напросилась к ним в гости. Даже день и время назначила.

Двери дома этой семьи были всегда и для всех открыты настежь. Ехали к ним не только родственники, но и друзья, и знакомые со всех концов и краёв.

Хозяин дома, посмеиваясь, приговаривал:

«Пока к нам едут и идут, нам задумываться не о чём. Значит всё в порядке. Все считают нас за хороших людей и не только считают, но и уверены в этом, иначе обходили бы нас стороной. А задуматься нам нужно будет тогда, когда к нам перестанут приходить родственники и друзья. Тогда беда. Значит, мы делаем что-то не так или даже всё неправильно. Вот тут-то нам сразу же придётся поразмыслить о том – почему нас все избегают».

На первый взгляд эта жизненная философия выглядит необычно, но что-то всё же в ней есть. Ведь общение нужно человеку всегда. В радости и в горе. Именно во время беды нам особенно нужна поддержка. А кто же придёт к тебе, коли все дорожки к твоему дому давным-давно бурьяном заросли, и проломить новую тропинку через дебри непонимания уже никто не может, а может уже и не захочет.

Но не такого рода телефонный звонок прозвучал в столь неурочный час раннего завтрака. Хозяин гостеприимного дома не смог бы объяснить, почему ему не понравилось бречание телефона, но он чувствовал, что звонит не друг или родственник, а какой-то деловой человек. Иногда мужчине даже казалось, что он уже по тому, как звонит телефон, может определить, кто именно на том конце провода. Он ни с кем не делился своими мыслями, но в душе всё же был глубоко уверен в том, что ещё до начала разговора знает, с кем и о чём он будет говорить. Даже самому себе боялся он признаться в этом, а уж от других скрывал своё необъяснимое чувство самым тщательным образом.

Именно как деловой расценил хозяин только что прозвучавший звонок. И ещё до того, как жена рассказала, кто и зачем звонил, волна недовольства захлестнула душу и испортила ему завтрак окончательно. Он уже заранее знал, что его добрая, душевная и безотказная жена попадётся опять, как уже не первый раз, на хитроумный крючок нечистоплотных людей.

Недовольные друг другом без всякой причины, ушли, наскоро попрощавшись, два человека из такого приветливого дома, а виноват был в этой утренней размолвке человек, который даже не задумывался над такими мелочами жизни. «Делового» человека такие мелочи не трогали. «Дело есть дело» – был его лозунг. Это по его команде, жена обзванивала всех самых дальних родственников и знакомых каждый день с самого раннего утра. Напрашивалась она в не настоящие гости лишь затем, чтобы её муж мог обмануть ещё пару добрых и доверчивых людей. Всучить ещё нескольким жертвам нечистого «бизнеса» какие-нибудь тряпки или вещи, которые можно купить в несколько раз дешевле в любом огромном, складского типа магазине. Не рада была

женщина. Ей самой не нравилась вся эта крысиная возня. Против её природы было обманывать людей, а что это всё-таки самый откровенный обман, она, конечно догадывалась. Приходилось говорить с чужих слов: «Мол, никаких складов и магазинов. Всё идёт прямо от изготовителя к покупателю. Мы единственное промежуточное звено».

В такое могли поверить лишь очень наивные люди, и именно на таких делалась ставка всей этой хитро заплетённой цепочке обмана. Женщина всё яснее понимала, что именно они являются приманкой-наживкой, которую бросают наивным покупателям ширпотреба люди, стоящие повыше и делающие большие деньги за счёт их доброго имени.

Жена «делового» человека не была наивной и совесть она ещё не потеряла. Всё чаще стала она сопротивляться наставлениям своего мужа, пока однажды не разразилась в доме настоящая гроза.

В один из выходных дней в доме, где ждали гостей раздался звонок, но не телефонный, а в дверь. Хозяин открыл. На пороге стоял дальний родственник, типичный «обманщик-носильщик», один, без жены. Криво висящий галстук на шее. Папка с документами и сумка с образцами в руках.

Хозяин дома, вместо приветствия, чем страшно смутил свою жену, проговорил: «В гости к нам, пожалуйста. Добро пожаловать. А о твоём деле в моём доме ни слова».

Нужно было видеть гостя в это мгновение. Из него словно в один миг выпустили весь дух. Заикаясь от неожиданности, он попытался произнести что-то умное, значительное, но слов ему явно не хватало.

«Гость» не надолго задержался в гостеприимном доме. Он исчез через полчаса после появления, сославшись на какое-то неотложное дело.

После его ухода в гостеприимной семье произошёл серьёзный разговор, который, в конце концов, позволил расставить все точки и запятые.

Ничего не поменялось в этом доме, двери для всех так и остались открыты. Лишь хозяйка приобрела ещё одно чувство, а точнее болезнь – аллергию против «обманщиков-носильщиков», которые используют самые лучшие стороны человека в свою пользу.

Прозвучал в этот день телефонный звонок, но уже в другом доме.

А «делового» человека ожидал дома, после поездки, ещё один неприятный сюрприз: Все его папки и остальные вещи были запакованы в огромный чемодан, и ждали его прямо у входной двери. Наверху, словно корона, был прикреплён листок надписью:

«Или я и наша семья, или эти дела и вещи!!!»

По грибы

Грибник был вне себя от радости. После довольно длительного безрезультатного хождения по лесу ему, наконец, улыбнулось счастье. И не просто повезло грибнику, а привалило такой удачи, что у него даже дух от этого захватило.

Небольшая, но чистая и светлая поляночка была, как по заказу, уставлена маленькими крепкими грибочками, над которыми ещё не успели порезвиться всеядные черви.

Такую радость, настоящий праздник души, получает грибник далеко не каждый день.

Белый гриб – это что-то особенное среди всех грибов вместе взятых. Даже как-то по-особенному стоит он на своей толстой ножке, похожей на маленький раздутый бочонок. Гордо, как маленький лесной князь в праздничном убранстве и при полном параде.

Именно такие лесные князьки стояли, словно выстроенные в шеренги оловянные солдатики, на так неожиданно открывшейся лесной полянке.

Грибник любовался некоторое время этой чудной, непередаваемой картиной природы, а затем с удовольствием приступил к сбору лесного урожая. Острый, тонкий и узкий складной нож, который всегда лежал у грибника наготове в корзинке, исправно исполнял свою работу. Грибнику даже казалось, что грибки хрустывают под лезвием ножа, как молодая морковь. Он так увлёкся, что забыл обо всём на свете. Корзинка понемногу наполнялась, а поляна освобождалась от своего груза, давая тем самым возможность новому поколению грибов выйти на свет божий.

Наконец корзина наполнилась до краёв, но и на полянке не осталось ни одного лесного красавца. Грибник удивлённо огляделся, а потом посмотрел на часы и удивился ещё больше: было уже далеко за полдень, а дома он сказал, что собирается побродить по лесу всего с часок.

Грибник, подхватив корзинку с грибами, направился кратчайшим путём к оставленному в кустах на окраине леса мотоциклу.

Раздвинув рукой густые ветви, он с испугом отпрянул назад. Прямо из-под его ног, словно серо-коричневый снаряд, промелькнуло что-то живое и, как ему показалось, пушистое.

Сердце от испуга забилося, словно бешенное. Постояв некоторое время молча, он в то же время внимательно вслушивался в окружающую его лесную тишину. Ни звука, только где-то в отдалении еле слышно хрустнула сломанная под чьей-то быстрой ногой сухая веточка.

Грибник решился. Он сделал несколько осторожных шагов вперёд и остановился, как вкопанный. Прямо у его ног, свернувшись калачиками и положив свои маленькие точённые головки на бархатистые нежно-коричневые животики, лежали два младенца-косулёнка.

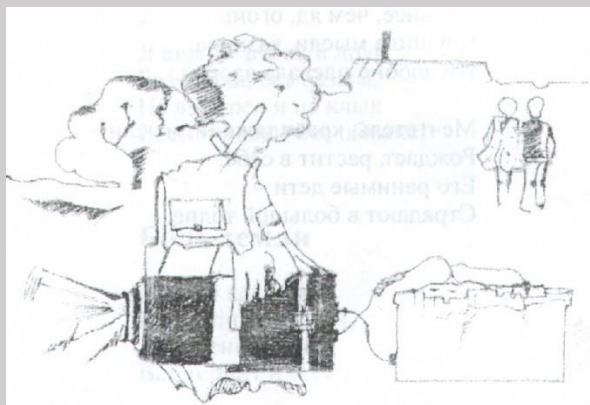
Мужчина долго стоял, не дыша, над этим сказочным видением матушки-природы. Щедрым подарком наградил грибника в этот чудесный летний день лес, и он был благодарен ему и безмерно счастлив, что смог вплотную прикоснуться к высшему лесному таинству.

Медленно и очень осторожно, пятясь задом, грибник сделал несколько маленьких шажков назад. Затем, развернувшись, и так же осторожно, внимательно глядя себе под ноги, он пошёл далеко в обход места приюта маленьких, только что родившихся косулят.

Немалый круг сделал грибник в этот день, далеко огибая владения косули и её малышей.

Грибник и потом приходил в этот самый лес. Очень хотелось ему ещё раз увидеть чудо природы – лесную косулю и её потомство. Но ни разу не удалось ему их ни встретить, ни хотя бы издалека увидеть.

Кто знает, может, увела мама-косуля своих малышей в другой лес, а может быть, она стала настолько осторожна, что старалась никогда больше не показываться на глаза человеку. Ведь не могут животные с первого взгляда определить, кто враг им, а кто друг.

„Воспитатель“ (современная сказка)

*„То ли сказка? То ли нет?
Не гадайте люди.
Может, через пару лет,
Всё же правдой будет“.*

Двое близняшек были настолько заняты своим новым делом, что даже пошалить по дому у них не оставалось времени. Придя со школы домой и на скорую руку перекусив, они сразу выполняли заданные им на дом уроки. Потом вместе отправлялись вниз в подвал, где находилась мастерская их отца, и приступали к своему делу, которому они в последнее время посвящали всё своё свободное время.

Отец близняшек был известен как конструктор и изобретатель не только в своей стране, но и за рубежом. Немало имел он патентов, по принципу которых работали многие современные машины и роботы. Дома отсутствовал он довольно часто и долго. А в последнее время на одной из больших северных рек по изобретённому им методу строился принципиально новый мост. Аналогов этому мосту ещё не было, и присутствие автора проекта было необходимо. Так само собою получилось, что мастерская отца оказалась в полном распоряжении ребятишек и не просто ребятишек, а гениальных детей-изобретателей.

Усердно мастерили юные вундеркинды. Немало дней уже провели они в своих необычных хлопотах в подвале-мастерской. Пилили, резали, строгали, паяли, лудили и клепали до полного изнеможения.

Мать детей была и рада, и не рада такой одержимости своих детей. С одной стороны, всё прекрасно: не нужно бегать по улицам в поисках непослушных и непоседливых ребятишек, а если взглянуть на это по-другому, то уж очень сговорчивыми стали они в последнее время, прямо-таки до подозрительности послушными и исполнительными, чего прежде за ними не замечалось. С самого рождения близнецы доставляли своим родителям немало хлопот именно тем, что были они не совсем такими, как все. Стоило одному из них чего-нибудь захотеть, как тут же, словно дублёр-двойник, голос подавал и другой. Порой доходило до смешного. Позднее мать рассказывала своим подругам эти случаи, как анекдоты. Если пелёнки были мокрыми у одного, то можно было, предварительно не проверяя, менять их и другому. И так во

многих мелочах. Учились не так уж и плохо, но догляд за ними нужен был постоянно, а удержать их в доме всегда было большой проблемой.

А здесь в один миг, словно по волшебству, всё изменилось. Из дома дети почти не выходили, лишь, если им нужна была какая-нибудь деталь. В этом случае, они в самой вежливой форме, спрашивали у мамы разрешения и, всё чаще, денег на покупку. И покупали не мороженное или сладости, чем удивляли её всё больше и больше, а всё время самые различные электронные детали, в которых она, будучи очень далека от техники, абсолютно ничего не понимала.

Даже постели стали без напоминания заправлять и посуду за собой убирать на кухне, словно образцово-показательные детишки, её двойняшки. Не чудо ли?

И ещё одно очень настораживало мать – это их почти постоянное пребывание в мастерской. Она неоднократно и совсем неожиданно для детей спускалась в подвал с проверкой, но ни в чём подозрительном уличить их не могла. Ребята увлечённо мастерили что-то своё. Маме объясняли, что строят принципиально новое фоторужьё. Только что, на самом деле, можно сотворить с так называемым «ружьём», они маме конечно не говорили, а она не была настолько технически грамотна, что смогла бы разобраться в том, что здесь фоторужьём и не пахнет. Что-то очень уж похожее на электронный лазер строили смышлёные дети.

Мать детей немного успокаивало то, что отец никогда не запрещал своим любимцам-близнецам заниматься самыми различными поделками. Наоборот, он всячески поддерживал их инициативу и помогал им, когда было время, строить какой-нибудь совершенно новый космический корабль или подводную лодку нового, невиданного до сих пор типа. Отец даже построил в своей мастерской каждому из детей маленький верстачок со всеми необходимыми к нему инструментами. Не в обиду маме будь сказано, но даже её дочь, которая родилась на несколько минут раньше своего младшего братика, не очень любила играть в куклы. Девочка гораздо охотнее брала в руки молоток, ножовку, или паяльник. Немало синяков, ожогов, царапин и ссадин носила она на своих руках, ногах и теле. Не по-девчоночьи боевая, именно она являлась исполнителем всех идей. Её более спокойный, медлительный брат был в этих делах более везучий и редко когда у него бывали синяки и ссадины.

Пошутила природа при распределении мужских и женских ролей у двойняшек. Девочка была заводилой, забиякой, драчуном и защитником, а мальчик чаще всего отмалчивался за спиной своей старшей сестрёнки, но генератором самых необыкновенных идей, был всё же мальчик.

Идея постройки электронной пушки-воспитателя принадлежала мальчику, но всем дальнейшим претворением идеи в действительность руководила уже девочка.

Как-то, в один из самых обыкновенных дней, детей, идущих из школы вдоль высокого забора, до смерти напугала злющая собака соседей. Перепуганные до ужаса дети, еле успели унести ноги от сорвавшегося с цепи кобеля. Калиткой хлопнули перед самым носом злого лохмача.

Поглядывая на собаку из окна своего дома, успокоившийся мальчик высказал вслух мысль, которую сразу же подхватила его шустрая сестрёнка.

Идея сама по себе была очень оригинальна и необычна: построить инструмент, позволяющий превращать или, проще сказать, перевоспитывать, очень вредных, бешенных и злых собак в добрых и хороших.

Девочка сразу же, на лету, подхватила идею и в голове проиграла её уже на свой лад: «И нехороших людей тоже». Правда, свою мысль она оставила при

себе, боясь, что более осторожный меньший брат откажется принимать участие в исполнении задуманного.

На вид у них получилась не лазерная пушка и не фоторужьё, а вполне внушительная, современная видеокамера с огромным объективом-раструбом, похожим на зев гранатомёта. Но если бы нехорошие люди, на которых позднее наводилось это странное оружие знали, что их ждёт после электронного отстрела, то наверняка боялись бы его не меньше гранатомёта.

При всей удаче изобретения и создания, не всё прошло у близняшек так, как они рассчитывали. Очень много энергии поглощал построенный детскими руками «Воспитатель». Пришлось состыковать целую аккумуляторную батарею, а её в карман не засунешь. Пригодился старый туристический заплечный мешок, с которым дети, словно взрослые туристы, ходили в походы вместе с родителями. Сухих батарей, которыми отец пользовался при своих экспериментах с новыми механизмами, тоже набралось в подвале предостаточно.

И вот наступил момент, когда «Воспитатель», был готов к испытанию. Первым «подопытным кроликом» они единогласно выбрали соседского кобеля. Улучшив момент, когда матери не было дома, да и соседский двор пуст, изобретатели провели первую пробу. Из дома выходить не стали, чтобы не привлекать особого внимания, да и в случае неудачи эксперимента, они были защищены стенами родного дома.

Девочка открыла окно в кухне, которое выходило на соседский двор. Затем взяв «Воспитателя» в руки, встала в проём так, чтобы соседский двор хорошо просматривался. Мальчик, связанный с девочкой теперь не только братскими узами (плотный кабель из его заплечного мешка тянулся к вновь построенному агрегату, который находился в руках сестры), стоял за её спиной. Бешено прыгающая на забор собака была прекрасной мишенью.

Результат эксперимента превзошёл все ожидания двойняшек. Они застыли с широко открытыми от удивления ртами.

Сразу же после того, как девочка нажала кнопку запуска «Воспитателя», собака прямо на глазах преобразилась. Кобель, который только что метался на цепи, словно дракон, и которому не нужно было особенного приглашения, чтобы он бросился на невинную жертву, в один миг превратился в добрейшую собачку. Поставив свои огромные лапы на верхнюю перекладину забора, он строил теперь детям такие умильные и дружелюбные гримасы, что девочка и мальчик не сразу поверили свершившемуся чуду. Если бы сосед увидел в этот момент своего грозного защитника дома, то его наверняка хватил бы удар. Ведь немало денег отвалил жадный до невозможности человек именно за этого пса, которого специалисты натаскивали, для устрашения всех окружающих.

Дети были вне себя от радости: их «Воспитатель» функционирует самым лучшим образом. Ведь с этого дня их злейший враг, соседский кобель, стал их лучшим другом. Они никому не открыли своего секрета, но девочка не расставалась с мыслью опробовать «Воспитателя» и на человеке.

Удобного случая долго ждать не пришлось. За углом их дома стоял большой овощной ларёк. Завозили туда самые различные овощи и даже фрукты, но купить, что-либо стоящее, было не так-то просто.

Двое мордастых мужиков и крикливая, скандальная женщина правили в этом царстве по-своему, то есть, не по-человечески. Маме, как всегда было некогда, и пришлось мальчику сходить за свежей картошкой, которую только что завезли. Принёс он сеточку домой, а смотреть-то было не на что. Половина картофеля была раздавленной, а остальной совсем мелким.

Мать, поворчав на сына, сама отправилась к магазину. Пришла вся расстроенная и в слезах. Рассказывать ничего детям не стала, но они и сами поняли, что за спектакль был устроен дружной троицей в магазине.

Вечером, когда все улеглись, девочка поделилась с братом своей тайной мыслью: попробовать силу «Воспитателя» на людях. Мальчик, вспомнив мамины слёзы, сразу же согласился.

Такого театра этот край не видел ещё никогда. По-быстрому «отстреляв» «Воспитателем» все три главные персоны овощного государства, дети мгновенно умчались домой, и забаррикадировались в мастерской, как в крепости. Но, на удивление, на улице не разразился скандал, наоборот, стало даже, как-то тише и спокойнее. Неслышно было ни злобной брани, ни грубых выкриков, ни шума, ни драки.

Вскоре пришла с работы мать. Дети, настороженно поглядывая на неё, ждали грозы, но ничего не случилось, и они даже разочаровались. Ждали ведь какого-нибудь видимого с первого взгляда результата, а здесь - ни грома, ни молнии.

Уже во время обеда мама рассказала, как бы между прочим, историю, похожую на сказку: она очень удивилась овощникам, которые торгуют за углом. Когда она проходила мимо магазинчика, (дорогу ведь не перенесёшь в сторону), её самым дружелюбным тоном окликнули продавцы. Извинились за вчерашнюю грубость, уверили в том, что такого впредь никогда не случится. Насыпали в сеточку, которую она всегда, на всякий случай, носит с собой, отборной, свежей картошечки и даже не обвесили при этом, что само по себе было уже больше чем чудо. На прощание вежливо пожелали всего хорошего и пригласили заходить в любое время к ним за покупками.

Заговорщики-близнецы многозначительно переглянулись: действует «Воспитатель» и на людей, правда, немного медленнее, чем на собак, но всё же с видимым результатом.

Через несколько недель слава о первоклассном и очень вежливом обслуживании в небольшом овощном магазине на окраине разбежалась по городу, словно круги от брошенного в воду камня. Не ленились теперь покупатели пройти или проехать несколько километров лишь затем, чтобы быть обслуженными по высшему разряду. Приходили даже понаблюдать за маленьким магазинчиком, которому отдавали предпочтение всё больше жителей города, директора и правители огромных магазинов, но ничего сверх естественного обнаружить не смогли. Единственное, что выделяло преуспевающий магазин из ряда всех остальных – было вежливое обращение продавцов к покупателям, и именно поэтому тянулись сюда, на человеческое тепло, люди.

Небольшой, провинциальный город, каких на нашей земле сотни и тысячи, стал преобразовываться на глазах. Понемногу уходила с улиц грубость и невежливость. Люди стали иными.

И никто из жителей города даже не подозревал о том, что это дети-изобретатели, которые всегда ходили вместе, словно связанные, выходили на свою почти каждодневную «охоту» на нехороших людей. Дети, а не взрослые люди занялись очисткой города от скверны. Совсем незаметно для окружающих проходил безболезненный «отстрел» очередной жертвы, но результат никогда не заставлял себя ждать.

Все приезжие замечали особенности этого городка с первого контакта с местным населением, а сами жители города, удивлённо пожав в разговоре с ними плечами, считали, что ничего не изменилось.

**А может, это только первые ласточки на земле?
Может, вскоре появятся такие детишки с «Воспитателями» повсюду?**

Цивилизация

(раздумья «клонированного Homo sapiens»)

Далеко шагнула наша наука. Хорошо стало жить цивилизованному человеку. Позавидовали бы нам наши бедные древние предки, если бы смогли, хоть одним глазом, взглянуть на нашу современную жизнь.

Не нужно нам, как это прежде делали несчастные люди, искать костюмчик под себя или шить его по специальному заказу, что тоже не намного лучше. Походи ты по выставкам самых знаменитых дизайнеров, а ещё лучше по древнейшим музеям. Покритикуй, с умным видом, конечно, всё что тебе не нравится. Похвали всё, что находишь интересным. Выбери то, что особенно нравится. Принеси домой вновь приобретённую вещь, а дальше всё дело передай в руки техники, во главе которой стоит современная, преумнейшая наука. Она будет подгонять уже не новый наряд под твоё тело, а наоборот, и этот процесс займёт намного меньше времени чем устаревший.

Тебе остаётся только запустить твой персональный инкубатор и задать нужные параметры, которые ты должен считать с вновь приобретённой вещи. Но и здесь думающие торговцы-бизнесмены ушли далеко вперёд от каменного века. Остаётся лишь провести сканером-считывателем по малюсенькой этикеточке. Попищит там немножко и это значит – всё в порядке. А дальше умные машины, прочитав по твоему пальчику генетический код, сделают сами всё, что нужно и как нужно.

Всё. Можно спокойно ложиться спать в удобную воздушную кровать. Хорошую штуку придумали ребята. Словно на мягчайших перинах спишь ты в искусственной невесомости. И даже любые сны можешь в этой кровати себе заказывать. Правда, цены на особенно интересные (читатель понимает о чём я говорю) ещё здорово кусаются, но так уж было всегда. Определённые удобства требуют, соответственно, и хорошей оплаты.

Встанешь утром и даже зубы не надо чистить, а также лицо и другие части оболочки мыть, как это делали наши далёкие нецивилизованные предки. Потянешься, конечно, несколько раз. Требуется ещё твоя душа таких разминок. Капризная, никак не хочет отвыкнуть от вредных допотопных привычек.

Мысль:

А может быть, душа свой сон разгоняет таким устаревшим, но всё ещё действенным образом?

Подойдёшь к своему персональному инкубатору и проверишь, всё ли в порядке. Если что-то не нравится, то ты, конечно, вынужден будешь всё же по-старомодному промыть глаза и совершить другие не очень приятные каждодневные процедуры, во время проведения которых даже мощнейшая вентиляция не всегда спасает от неприятных ощущений.

Если же всё в порядке, то надо опять же ещё раз подчиниться старомодному капризу повелительницы-души. Не соглашается она при свете менять оболочку и баста. Не желает душа показываться миру нагишом. Только при полнейшей темноте делает она быстрый прыжок в новую скорлупу.

И лишь после поданного душой сигнала ты сможешь двигать руками и ногами, что не очень-то удобно, но не сумели ещё наши учёные, как ни бились, обойти это препятствие.

Включишь, после официального разрешения своего неудобного попутчика, свет. Полюбишься на свои новые формы. Если что-то не нравится, что тоже нередко происходит, приходится всю процедуру проделывать заново. Если же всё в порядке, идёшь, наконец, примерять новый костюмчик. Ведь именно ради этих ответственных, волнующих и радостных минут стоит жить.

Ты доволен собой, ты доволен своим новым телом и особенно радуешься новому костюмчику, который так удачно сумел снять прямо с иглолки лучшего дизайнера. Теперь тебе не стыдно и на люди показаться. Пусть гадают, кто ты есть и что в тебе.

А твой старый хлам: тело, костюм и всякую другую дребедень отправят через Красный Крест, Красный или другой Полумесяц, или какое другое благотворительное общество куда-нибудь в неразвитые дальние страны.

Обрадуется где-нибудь в нецивилизованном углу земли безногий, безрукий или иначе больной бедняк телу, которое находится ещё в таком хорошем состоянии. И даже на то, что не почищены зубы и физиономия помята, он скорее всего не обратит внимания. Не до этого бедным, нецивилизованным людям, когда есть у них и другие проблемы. Например, их гораздо больше, чем нас, цивилизованных, беспокоят различные войны, революции, голод, болезни, культура и т.д. Мы же, цивилизованные, стоим выше этого. Отошли мы от таких мелочей. Мы больше заняты собой, а это говорит о том, что мы стали современными. Шибко умными стали мы, не чета нецивилизованному старому миру. Вот только одну-единственную часть мы ещё усмирять не научились – это свою собственную душу. Портит она иногда, негодница, наш внешний вид и даже настроение. Но наши учёные, которые научились делать чудеса, обещают в самом скором времени и здесь проломить этот невидимый барьер.

Интересная мысль:

Может быть, и души у бедных не такие капризные, как у нас, цивилизованных людей? Может быть, согласны они менять свою шкуру-оболочку прямо на виду у всех. Ведь где найти им, бедным, столько отдельных, да ещё и абсолютно тёмных помещений?

Очень интересная мысль!

Неприменно надо слетать на край света и поприсутствовать при делёжке старого хлама. Если идея эта подтвердится, то можно и своей душе упрёк кинуть. Наглядный пример всегда результативнее простых устных убеждений. Может придёт, наконец, и собственная капризная душа к благоразумию. Не будет прятаться по тёмным углам эта неудобная попутчица. Поубавится у неё спеси. Послушной станет, современной и „цивилизованной“.

«Аленький цветок» (новая сказка на старый лад)

Нелегко приходится людям, как на Северном, так и на Южном полюсе. Нет там условий для нормальной жизни человека. Всё экстремально: температура, ветер, льды и прочее.

Но не может почему-то человечество жить спокойно и размеренно в тех местах, где им привычно и уютно. Так уж устроены человеческие существа, что гонит их всё время куда-нибудь туда, где не всё ещё истоптано и изгажено. В основном, самые пытливые по своей натуре люди выбираются из обычной осёдлой жизни и убегают, в прямом смысле этого слова, на край земли.

Рудольф Ремраде, молодой, новоиспечённый биолог, на удивление своей родни, коллег и друзей, в один прекрасный день, быстро собрав вещи, укатил на Южный полюс рядовым рабочим. Никто не мог понять столь неразумный и непрактичный шаг. Ну ладно бы, уехал молодой учёный в Африку или, на худой конец, в Южную Америку, где есть места, в которых ещё можно заблудиться. Например, в тропический лес забрался бы или в болотистую пойму большой реки. Но нет. Понесло чудака в «Белое Безмолвие». Ну что делать человеку, который хочет посвятить свою жизнь всему живому на земле, среди вечных льдов, камней и ветров? На этот вопрос молодой человек и сам не знал ответа, но ныла всё время его душа. Требовала чего-то. Разное передумал он бессонными ночами и беспокойными днями, и лишь когда твёрдо решил уехать на одинокую полярную станцию, ему стало полегче.

Нелегка жизнь на самых крайних точках нашей голубой планеты. Солнце много месяцев прячется за горизонтом и тепло солнечных лучей лишь во сне ласкает своим теплом скитальцев полярников.

Не исследована ещё, на счастье, наша земля до конца. Не знаем мы, разумные существа, все тайны нашей родительницы, а она не перестаёт удивлять нас своим долготерпением. Являет нам наша голубая планета одно чудо за другим, вопреки всем козням и проделкам, которые мы, то ли по неразумению, то ли по незнанию, то ли в шутку, то ли всерьёз творим с ней.

Терпит матушка-земля наши издевательства над ней, но только где та граница, когда терпению приходит конец? Скорее всего, нет её, и не может быть. Ведь любая мать скорее пойдёт на смерть, чем сделает больно своему ребёнку. Каждая мать, глядя на сумасбродства своего дитяти, надеется на то, что из малого баловника скоро вырастёт нормальный, думающий, взрослый человек и глупые выходки прекратятся сами собой.

Когда же у нас, земных детей, проснётся взрослый разум, и мы прекратим загаживать родившую и выкормившую нас землю? Когда мы, наконец, остановим ядерное и различное другое безумие?..

Были в новом экипаже полярной станции, конечно, и пессимисты, и оптимисты. Ведь сколько человек, столько и индивидуумов, но жили дружно и больших сор и недоразумений не было. Каждый знал на что идёт и это, конечно, дисциплинирует.

Срок пребывания на полюсе был у всех оговорен в договоре и должен был длиться от одного до двух лет. Всё зависело от состояния здоровья и желания полярника. Воздушный коридор был налажен нормально, и два раза в месяц все имели возможность пообщаться, пусть и не напрямую, конечно, а посредством писем, со своими родными и близкими.

В общем команда подобралась дружная, и больших проблем ни у кого не возникало. Каждый занимался своим делом, а коли было время и желание, то помогал другим. Быт тоже был отлажен. Каждый имел возможность уединиться и побыть наедине с собой. Вечерами собирались у огонька, то есть в, так называемой, кают-компании и, по уже давно установившемуся обычаю, рассказывали по очереди различные истории, сказки, басни и анекдоты. Отлынивать не разрешалось никому, и поэтому каждый вечер был интересен по-своему.

Очередной рассказчик, мужчина уже в зрелых годах, когда наступила его очередь, сказал, что он не знает никакой завлекательной истории и поэтому расскажет детскую сказку про Аленький Цветок, которую ему когда-то в детстве прочитала мать.

Словно окаменев, просидел Рудольф всё время, пока мужчина говорил. Очень странно вели себя и другие коллеги. Ни вздоха, ни шутки. Даже кашля, который на первых порах донимал многих, не было слышно.

После окончания рассказа заговорили не сразу. Долго сидели молча, словно зачарованные.

Никто не обратил внимания на то, что именно во время повествования о Аленьком Цветке всех сковал, или, точнее сказать, парализовал, какой-то шок. Через некоторое время все опять пришли в нормальное состояние. И что самое странное, никто из присутствующих, кроме Рудольфа, не обратил внимания на то, что всего несколько мгновений назад у всех, на какое-то время, сознание было, как бы частично, отключено.

Ещё больше удивились бы все присутствующие, если бы узнали о том, что в каждой смене полярников, которых уже немало поменялось на этой полярной станции, кто-нибудь да рассказывал именно эту сказку.

На каждой полярной станции и всех рабочих постах ведутся, так называемые, рабочие журналы. Увозят их после замены экипажа на большую землю. Годами работают с этими документами различные специалисты – от психологов до сексопатологов включительно. Но кто же вносит в какой-нибудь служебный журнал все рассказанные анекдоты и сказки. Именно поэтому ещё ни разу, за много-много лет, в течении которых неоднократно была рассказана история о Аленьком Цветке, на это странное совпадение никто никогда не обратил внимания.

Что молодой учёный несколько неуравновешен и неспокоен, замечали многие, но мало ли что лежит на сердце у человека. Может быть, неудавшаяся карьера мучает, а может быть, раны разбитой любви ещё не затянулись у человека, и поэтому он немного странновато ведёт себя. Всё перемелется, как говорят в народе, и мука будет, рассуждали коллеги и на этом успокаивались.

Основную свою работу Рудольф выполнял исправно и с коллегами никогда не сорился, и это было главным для его непосредственного руководителя. А что молодой человек немного диковат и любит уединение, так с этим можно жить. Не он первый и не он последний человек на полярной станции, у которого есть свои причуды.

Рассказанную сказку о Аленьком Цветке каждый член экипажа воспринял по-своему, но лишь Рудольфа Ремраде задела она до глубины души. Он ещё не до конца понял, что с ним происходит, но в том, что он стоит перед открытием какой-то большой тайны или может быть даже чуда, мужчина был уверен. Он чувствовал это всем своим существом.

Много сотен и даже тысяч сказок и преданий передаётся из поколения в поколение человечеством. Но кто сегодня принимает их всерьёз? А зря. Мысли

и думы человеческие, очевидно, всё же не умирают бесследно лишь потому, что очень глубокий смысл, как правило, сокрыт в них. В каждой сказке или предании есть «двойное дно», но только мы, люди, сверхумные и сверхинтеллектуальные земные существа, уже давно разучились понимать, точнее, принимать их душой и сердцем. И хорошо, что всё же есть среди нас ещё такие индивидуумы, которые являются исключением из этого скверного правила. Именно таким оказался Рудольф Ремраде.

Увлекло мужчину его обострённое чувство, которым природа награждает далеко не каждого, именно туда, где уже очень давно ждал прихода живого человека Аленький Цветок.

Совершенно случайно, во время пешей прогулки, наткнулся молодой человек на тёмный разлом-дупло в сплошном ледяном покрове. Не раздумывая, шагнул он в узкий извилистый проход и прошагал немало метров по своеобразному ледяному лабиринту, пока не наткнулся на розовую, словно подсвеченную изнутри каким-то невидимым лучом ледяную стенку. Тронул Рудольф блестящую поверхность рукой и она, с серебристым звоном, опала к его ногам прозрачными, ледяными кристаллами-бриллиантами.

Во всей своей красе, предстало чудо – Аленький Цветок.

Не один и не два раза посетил то потайное место молодой человек. Много часов провёл он возле этого необъяснимого явления земли. Много передумал он за это время, и решение пришло самим собой: тайна Аленького Цветка должна и дальше остаться тайной. Не готовы люди принять такой дар. Не оценят и этим ещё один раз обидят землю, которая родила такое совершенство. Станут использовать, как и всё, что дарит им матушка-земля, не так, как нужно. Выгоду начнут искать. А какая может быть выгода или доход от совершенно беззащитного детёныша земли? Ведь ничего кроме красоты оно предложить не может, а кто в сегодняшней век ценит идеалы, а не материальные ценности?

Понял Рудольф и то, что не простым цветком является Аленький Цветок, а волшебным, но кого можно сегодня удивить чудом? Для того, чтобы чудо принимать, нужно в него верить, а это чувство у большинства Homo sapiens атрофировалось.

Перед самым отъездом ещё раз посетил он ледяной грот, в котором находился Аленький Цветок. Посидел на корточках рядом с ним. Приласкал пальцами нежные лепестки. Попросил мысленно прощения за то, что не смог пересилить себя и открыть миру тайну ледяного грота. Легче стало на сердце. Словно какая-то грязноватая пыльца слетела с души, и какое-то очищение снизошло к нему. И совершенно ясный голос произнёс: «Ты прав! Ещё рано!»

Не раз позднее задумывался Рудольф Ремраде над случаем, который произошёл с ним на Южном полюсе. Не был он уверен, воочию ли раздался человеческий голос в этой странной ледяной пещере или всё лишь пригрезилось ему. Но, несмотря на все сомнения, всю свою жизнь посвятил именно защите земли от произвола людей.

Учёным с мировым известным именем стал со временем молодой биолог. Многие его труды удивили мир своей оригинальностью и свежестью мышлений и везде, во всех своих работах, крупной, красной линией подчёркивал он именно заботу о сохранении здоровья нашей прекрасной планеты. К его слову стали со временем прислушиваться многие молодые люди, у которых мозги ещё не были законсервированы старыми догмами и понятиями, и, возможно, именно таким путём, чудо земли, Аленький Цветок, донёсло всё же до человечества своё послание.

Пусть больше будет таких чудес как: Аленький Цветок, Золотой Тюлень, Белое Облачко, Серебряный Лотос и многие другие. И пусть чаще показываются они людям, являюся к ним во сне, приходят наяву, в грёзах и мечтах для того, чтобы вновь разбудить в человечестве чувство любви к своей кормилице-земле.

Именно такой любви, которой она любит нас – своих неразумных детей.

Окно, открытое в ночь

Парень говорил уже целых полчаса, не замолкая ни на минуту. Со стороны могло показаться, что не живой человек произносит всё это, а звучит какая-то магнитная запись. Монотонно и ровно звучал хорошо поставленный голос. Девушка, сидящая в обнимку с парнем на лавочке, пыталась иногда вставить слово, но без особого успеха.

Она отодвинулась немного от парня. Пошарила в сумочке. Шумно высморкалась, всхлипывая и давясь слезами. Парень, прижав её рукой к себе, заговорил снова. Это был монолог настоящего профессионала. И не просто профессионала, а мастера своего дела. Это был обыкновенный разговор опытного „бормотолога“.

Лавочка, на которой сидели молодые люди, находилась прямо под окнами многоэтажного дома. Ночной двор был неуютен, тёмн и безлюден. Девушка и парень, сидящие спиной к дому, не могли видеть стоящую прямо над ними в оконном проёме женщину.

А женщине в окне было слышно каждое слово!

Она стояла, молча ухватившись одной рукой за подоконник, а другой зажимала рот, с трудом удерживая невольный крик-стон, рвущийся из груди: «Беги, девочка! Беги!»

Как знакомо всё это было. Будто сама сейчас сидела на лавочке.

Прекрасно знала женщина, чем обычно кончаются такие, выворачивающие душу наизнанку, «задушевные» разговоры на лавочке.

Из всех человеческих голосов женщина безошибочно могла выделить голос «бормотолога». Парень на лавочке был одним из них. Эти, так называемые люди, уже не имели за душой ничего святого. За одну только понюшку отравляющего зелья они были готовы родную мать предать, не говоря уже о других.

До тех пор, пока „бормотолог“ чувствует, что его кто-то любит и дорожит им, он сосёт из своего ближнего жизнь и энергию. И лишь когда вдруг замечает, что остаётся один на один со своей проблемой, он начинает просыпаться и задумываться.

Женщина, стоящая у открытого в ночь окна, знала эту истину наверняка. Она очень большой и страшной ценой заплатила за жестокий жизненный урок.

– Эх, жизнь! Её не вернёшь и не начнёшь сначала.

– Беги, девочка! Беги! Беги пока не поздно!

...Для неё он был не обыкновенным парнем, а светом в окне. В армию его не забрали из-за плоскостопия. Она была рада: не надо расставаться. Беспокоило одно – бесконечные гулянки. Недели не проходило, чтобы их не пригласили на какое-нибудь веселье. То проводы, то встреча, а затем именины или крестины, дни рождения и свадьбы. Празднества тянулись непрерывной чередой и на всех они были желанными гостями. Хороший музыкант, играющий на многих инструментах, чужим ни на одной гулянке не бывает, а играл и говорил он действительно прекрасно, чем и покорила её девичье сердце.

Она не была местной. Приехала в этот южный город поступать учиться. Учёба не удалась, но зато получила такой урок, который сломал всю жизнь.

Поверила девушка клятвам. Поверила обещаниям. Стелилась позднее мужу под ноги, умоляя бросить пить. Для видимости он согласился, но взамен нашёл другое зелье.

Поздно поняла она, что обратной дороги нет. Её личным врагом стали теперь не водка, вино или пиво, а нечто более страшное. В один день выяснилось для неё, что её муж настоящий преступник. Оказалось, что не просто он сам употребляет ядовитое зелье, но ещё и торгует им. Выяснилось и ещё одно. Её муж сбывал не только отравляющее, развращающее зелье, но попутно приторговывал и так называемым живым товаром.

Сколько неопытных девчушек ищет приключений и веселья? Что стоит музыканту, по хорошо оплаченному заказу, подлить или подсыпать на вечеринке какой-нибудь глупышке немного зелья, которое не только веселит, но и сводит с ума?

Кто открыл женщине глаза?

Не близкий друг и не враг, а господин, хозяин мужа разоткровенничался.

Денежный мешок, у которого вдруг проснулась совесть, а, может, забавляясь по обыкновению, рассказал женщине о неблагоприятных делишках мужа.

Объяснил хозяин мужа, после того, как получил своё удовольствие, глупой, несведущей женщине, что не физическое или моральное изнасилование, было всё только что происшедшее, а обыкновенная нормальная сделка с её благоверным. Продал свою жену на ночь и даже расписку соответствующую выдал своему кредитору муж-«бормотолог».

Надоели сластолюбцу сопливые девчушки, поставляемые ему его агентами. И ради простого любопытства решил он испытать своего раба-должника и попутно побаловаться с чужой зрелой женщиной. Подержал неисправимого потребителя зелья несколько недель в долг на жидком пайке, а затем потребовал в виде оплаты жену.

Так и оказалась она в чужой постели. Пресыщенный властью, деньгами и девочками, жирный боровок был знатоком своего дела.

Неистово беснующееся тело женщины горело от внутреннего жара. Оно, вопреки разуму, гнулось, выгибалось, словно туго натянутый лук, навстречу жадным, умелым рукам сластолюбца. Выламывалось, выворачивалось тело наизнанку, а внутренний огонь дурманил и выжигал страшным, неостановочным жаром остатки благоразумия.

Народ не зря говорит, что глаза являются зеркалом души. Глазами женщина убила бы мужчину, но непокорное тело было в его руках воском, глиной и инструментом удовольствия одновременно.

В какое из блюд или напитков подсыпали женщине ядовитое зелье, она, конечно, не знала, но его страшную силу испытала сполна. Раздвоилось её сознание. Жутко стало. Испугалась сама себя, но было уже поздно. Какие-то животные, звериные инстинкты поднялись из самой глубины, ставшего совершенно непослушным, тела и полностью блокировали разум.

Всё до мельчайших подробностей продумал и организовал муж-«бормотолог», и даже то взял в расчёт, что не сможет она никому пожаловаться. Кому можно объяснить собственное сумасшедшее поведение. Какой нормальный человек поверит в случившееся? Как можно доказать, что уже придумано такое зелье, которое убивает в человеке человека и превращает его в настоящую скотину?

Жить после этого не хотелось. Травилась. Не вышло. Осталась жива. Уехала в родной город к родителям.

Но что-то случилось с чувствами женщины после всего пережитого. Стала она с тех пор узнавать голоса «бормотологов» в любом месте. Разницы не было,

где она находилась в это время, дома, в автобусе, на улице или в магазине. Не глядя на человека, при первых звуках его голоса, она могла определить – это один из них.

Позавидовать такой жизни нельзя. Но не столько прошлое мучило теперь бедную женщину, как настоящее и будущее.

Голоса проклятых «бормотологов» не давали ей покоя ни днём, ни ночью. Рвали они женщине сердце и душу в клочья, и нигде ей было укрыться от этой непрерывной пытки. Вот и теперь, у раскрытого в ночь окна, её терзал этот ровный, словно тихий ручеек, человеческий голос.

Женщина, стоящая у окна, в ответ на монолог бормочущего парня, беззвучно взывала, кричала на весь мир:

*„Беги, человек, беги!
От гадости чёрной беги...
Ждёт пропасть тебя впереди...
Беги, человек, беги!
Беги, человек, беги!
Пощады от «друга» не жди...
Он ходит, как бы в забыты...
Беги, человек, беги!
Беги, человек, беги!
Подранок! Всё сердце в крови...
А беды ещё впереди...
Беги, человек, беги!
Беги, человек, беги!
От боли с ума не сойди...
Беги от чумы наркоты...“
Беги, человек, беги!!!»*

Омуты

*«Забыть, зачеркнуть нашу краткую встречу
Уже не сумеем, души не калеча.
А если взглядимся мы пристальней в Млечность –
На крошечный взрыв увеличилась вечность.»*
Светлана Сулова

Она жила до поры до времени так, как жили, живут, и, очевидно, будут жить тысячи женщин. Хлопоты и дела. Заботы и работа. Утро. Вечер. Ночь и опять утро. Целый день, словно в мельничной круговерти и опять вечер. Летели годы. Менялись друзья и подруги. Колесо жизни вертелось мягко, плавно, равномерно без особенных рывков, ускорений и торможений. Серьёзных сердечных приключений у неё тоже не было никогда, а если они и случались, то она принимала их без острых душевных страданий. Женщина рассматривала очередное увлечение, как каждодневное зло жизни, но не больше. Она жила по принципу: «Всё перемелется». Она жила легко и просто, но только до одного момента, который перевернул всю её жизнь.

Легкомысленной женщину назвать было нельзя, но она была по натуре своей глубоко консервативным оптимистом. И лишь забавы были у женщины несколько необычными. В народе про таких говорят, что «им всё до лампочки», что, конечно, не совсем верно. Знала она себе цену. Не один парень или мужчина получил от неё отпор именно в тот момент, когда считал, что уже достиг победы. И ей доставляло удовольствие не само общение с мужчинами, а тот кульминационный момент, когда поклонник, не всегда в прямом смысле, конечно, а в переносном, лежал раздавленный у её ног. Со временем у неё выработался определённый ритуал в поведении с мужчинами, и многие из них сгорали без огня и пламени, словно бабочки от пламени свечи, от безответных чувств, принимая игру женщины за действительность. Нравилось женщине шутить с мужчинами таким образом. И эта бесконечная игра приносила ей удовольствие. Но, как говорят, сколько верёвочке не виться, а конец всё равно будет.

Всё изменилось для женщины в один миг. С этого момента отлаженный, словно хорошо смазанный механизм, жизнь побежала через пень колоду. Кувырком пошли все дела и заботы, а причиной всему была обыкновенная картонная папка. Не упали эта проклятая папка с бумагами прямо на тротуар, и не было бы в жизни женщины последовавших за этим происшествием душевных и сердечных мук.

Четверо рук одновременно потянулись за папкой, которая плашмя улеглась на грязном асфальте. Мужские руки оказались чуточку расторопнее женских. Глаза в глаза встретились затем женщина с мужчиной, и этого оказалось достаточным. Светло-коричневые глаза мужчины и серо-зелёные глаза женщины, слово фотографические аппараты навек запечатлели друг друга.

Он потонул в её глазах. Потонул безнадежно, словно в глубоком омуте, и не было у него ни сил, ни желания освободиться от их чародейства. До этой встречи, он, также, как и она, был уверен в себе и умел управлять своими поступками и даже свои чувства держал в крепкой узде, не давая им блуждать по незнакомым тропам и тропинкам. А здесь, прямо среди снующей толпы

людей на шумной улице, словно прорвало плотину, которая сдерживала до поры до времени бурный поток чувств.

Он тоже уже немало поиграл чужими судьбами. Не одна девушка стонала не только внутренне, когда он, небрежно махнув ей рукой и премило улыбаясь, уходил от неё навсегда. Теперь настал его черёд. Омут женских глаз тянул, затягивал куда-то в неизвестную глубину, и радостно, и жутко было ему от этого одновременно.

Глаза-омуты женщины под пристальным взглядом мужчины стали стремительно менять свой цвет – из серых превратились в пламенно-зелёные. Оба не могли оторвать взгляд друг от друга. Целая вечность прошла для обоих, пока они снова смогли контролировать себя.

Неохотно отпустили пальцы мужчины край папки. Чуть севшим, охрипшим голосом женщина поблагодарила мужчину. Он вежливым полупоклоном ответил на благодарность, всё так же продолжая смотреть ей прямо в глаза. Прижав к груди злополучную папку, женщина развернулась и медленно, неохотно застучала каблучками по асфальту. Всё её существо требовательно умоляло об одном: «Остановись!»

Мужчина, словно робот, так же, как и женщина, повторив все её движения, молча зашагал в противоположную сторону.

Страдали, без огня горели две человеческие души. Корчились в муках. И если бы эта боль стала слышна, страшный вой мигом накрыл бы всю улицу. Сердца двух человек, шагающих в разные стороны, били молотами, прося, требуя пощады.

Бесполезно. Сумели опять оседлать, взять под контроль свои чувства люди, которые слишком много времени не жили, а лишь играли в жизнь.

Так и разошлись два человека, не дав другому понять ни одним жестом или словом о своих чувствах. Оба побоялись пренебрежения другого. Ни один из них не решился сделать первым шаг навстречу своей настоящей любви.

Лишь огонь глаз-омутов, случайно встреченных в суতোлке обыкновенного дня, запомнили она и он на всю оставшуюся жизнь.

Бич

На городской автостанции, где было шумно и людно с раннего утра до глубокой ночи, Бича знали все. Вся округа пользовалась его услугами, и никто не мог пожаловаться на качество его работы. Если Бич, после беглого осмотра сапога, ботинка или даже валенка, клал вещь на свой огромный чёрный ящик-мастерскую, а не протягивал его назад клиенту, то можно было считать, что дело уже сделано. Разницы не было, сколько требовалось мастеру времени на ремонт. Такса, за все вещи, требующие срочного ремонта, была одна – три рубля. Пробовали некоторые клиенты торговаться и даже спорить, но это ни к чему хорошему не приводило. Бич молча протягивал назад своему, теперь уже не состоявшемуся клиенту, его вещь и на этом весь деловой разговор заканчивался.

Никто, конечно, не знал, что вовсе не в цене лежала причина отказа, а в самих деньгах. Не мог Бич спокойно смотреть на двушки, троячки и пятаки, а точнее сказать, на все монеты без исключения. Он не был дальтоником, в прямом смысле этого слова, но ему казалось, что все монеты, будь то серебряный рубль или латунный пятак, одного, ржаво-красного цвета.

...Бич не всегда звался Бичом. Раньше, в совсем другой жизни, его звали Борис Иванович Чухнер. Не бездомным бродягой был он прежде и не бродячим сапожным мастером, а уважаемым гражданином. В конструкторском бюро, где Борис Иванович работал ведущим инженером, все коллеги считали его немного чудаковатым, но вместе с тем он был для них непререкаемым авторитетом в вопросах новых идей.

Он относился к своей работе увлечённо, даже одержимо, и именно его одержимость сыграла с ним злую, трагическую шутку. Вождение автомобиля требует внимания, а новая идея тоже. Но совершенно несовместимыми оказались эти две вещи. Как-то утром, задумавшись над сложнейшей технической задачей, Борис Иванович, ещё только начинающий водитель, совершенно забыл о том, что он находится за рулём движущегося автомобиля. Занимался прекрасный поздне-осенний день. Лёгкий снежок припорошил за ночь осеннюю серую убогость улиц. Деревья, местами ещё в листве, покрылись нарядными белыми шапками. И первые лучи солнца придавали свежему снегу чудную, чуть розоватую окраску. Всё выглядело так, будто

природа, словно по специальному заказу разукрасила всю улицу чудесными декорациями, а за рулём сидел человек, не замечающий ни красот, ни помех. Объезжая открытый, дышащий тяжёлым густым паром колодец теплотрассы, водитель резковато дёрнул рулём. Автомобиль, из послушного исполнителя человеческой воли, в один миг превратился в неуправляемый снаряд. Борис Иванович ударил по тормозам, но этим только ухудшил всё дело. Автомашину стало стремительно разворачивать передом вправо поперёк проезжей части улицы. Ничего уже не мог предпринять водитель, для того, чтобы предотвратить надвигающееся несчастье.

Для Бориса Ивановича время остановилось навсегда. Он ещё пытался водить рулём вправо и влево, но безрезультатно. Передние колёса автомобиля уже выбросило через бортовое ограждение на тротуар. Нос автомобиля, совсем несильно, как бы вскользь, задел клыком бампера стульчик, на котором сидела старушка-нищенка, с жестяной баночкой в руках. Нелепо взмахнула бабуля руками. Неуклюже, словно большая неживая кукла, опрокинулась она спиной на землю. Покатилась по дороге жестяная баночка, веером разбрызгивая монеты по снегу во все стороны. Подсвеченные восходящими лучами солнца, они казались на ослепительно белом накатанном снегу ржаво-красными и совершенно чуждыми. Изгадили монеты первозданную белизну до безобразия. Трясущимися руками подхватил Борис Иванович лёгкое тельце старой женщины. Осторожно приподнял ей голову. Испуганно заглянул в лицо. Непослушными, замёрзшими губами старушка тихо прошептала ему прямо в лицо: «За што... Синооок...»

Эти три, всего три, невнятно произнесённых слова надломили стержень в душе Бориса Ивановича. Какой-то озноб охватил его всего, и стало ему вдруг непередаваемо плохо. Потемнело в глазах, и он с трудом устоял на коленях перед лежащей ничком на асфальте женщиной. Народу, как всегда, набежало целая куча. На Бориса Ивановича страшно было смотреть. Оттеснили его от пострадавшей, и он одиноко стоял в сторонке, вращая совершенно одичавшими глазами из стороны в сторону и не находя себе места. Длинные волосы растрепались и стояли дыбом.

Руки тряслись крупной неостановочной дрожью и не дрожью даже, а двигались всё время так, будто владелец специально разминает их, как при обмороживании. Пальцы непрерывно и быстро проделывали хватательно-возвращательные движения.

Не знали, окружившие место происшествия зеваки, что водитель-аварийщик не просто так корчится и строит глупые гримасы, а выворачивает, выламывает его из собственного тела, от невыносимой боли. В его барабанные перепонки всё ещё били, словно близкие удары грома, слова старушки-нищенки.

В указчиках и советчиках, конечно, тоже недостатка не было, но нашлось всё же и пару расторопных людей. Старушку, лежащую снегу без сознания, положили на заднее сидение автомобиля. Кто-то вызвал из ближайшего телефонного автомата скорую помощь и милицию.

Нашлись и всезнайки. Одна из прибежавших к месту происшествия женщин, глядя на Бориса Ивановича и показывая на него рукой, скандальным голосом прокричала: «Вы только посмотрите на него. Самый настоящий бич и алкаш. И как таким милиция только права выдаёт?»

Подошедший автоинспектор потребовал документы и спросил фамилию. Борис Иванович, не произнесший с момента аварии ещё ни одного слова, попробовал назваться и не смог. Горло было перехвачено каким-то спазмом. Он смог

только, и то очень невнятно, произнести первые буквы имени, отчества и фамилии: «Б б б б... И и и и... Ч ч ч ч...».

Женщина-всезнайка, внимательно прислушивающаяся к так называемому разговору автоинспектора с водителем, с торжеством прокричала в толпу: «Ну, что я говорила. Самый настоящий бич и есть. Я таких паразитов за километр узнаю. Украл где-то машину и катается по городу. Живых людей давит, гад».

Старушка-нищенка умерла ещё в автомобиле скорой помощи. Никто в спешке не разглядел, что ударились она теменем о острый кусок арматуры. Не видно было его под снегом. Лишь позднее, во время следствия, нашёл дотошный следователь этот злополучный надломанный бортовой бетонный брус, отделяющий тротуар от проезжей части.

Автоинспектор, сдавая в милицию задержанного Бориса Ивановича, на вопрос дежурного по отделу, как зовут задержанного гражданина, сказал, что тот при себе документов не имеет, и назвал странное имя, не то Бич, не то Сыч.

Весь ночной милицейский улов пребывал за стальной решёткой напротив дежурной комнаты. Немало народу находилось в то роковое утро в милиции. Кто по пьянке попал, а кто за драку. Кто за скандал с соседом, а кто и за воровство. Все слышали, что сказал дежурному по районному отделу милиции автоинспектор.

С этого момента перестал существовать человек по имени Борис Иванович Чухнер, а родилось бесправное существо по прозвищу «Бич». Не только имя поменялось у человека, но и вся его сущность и жизнь. Не стало больше талантливого инженера. Умер он на месте трагедии.

Речь вернулась к нему, но руки так навечно и остались непослушными. В кабинете следователя хватался Бич двумя руками за стул, но это не очень помогало. Как только дело доходило до вопросов об аварии, даже плечи начинали ходить ходуном у несчастного. До белого каления доводили следователя конвульсивные движения подследственного. Много повидал на своём веку опытный сыщик. Насмотрелся всяких симулянтов, но Бича поставил в своей картотеке на самый верх, как наиболее способного.

Не мог и не хотел поверить следователь, который дотягивал последние месяцы до пенсии, что не симулирует подследственный, а по-настоящему болен. Такие артисты бывали у него в кабинете, что не чета этому чудаку, но не смог всё же расколоть, как выражался следователь, сей орешек. Дело сшил наскоро и очень профессионально, но защитник тоже оказался настырным человеком. Затребовал проведения медицинской экспертизы, только помог он своему подопечному или нет, так и осталось под вопросом.

Срок заключения Борису Ивановичу определили немалый и притом ещё с условием, что он будет находиться под постоянным врачебным присмотром до полного выздоровления. Что такое лечебница закрытого типа знают немногие. В простом народе такие учреждения называют «психушками», а умные чиновники во всём мире прячут их под самыми различными кодовыми названиями, но от этого суть их не меняется. Всевозможные трудовые исправительные колонии по сравнению с этими специальными лечебными заведениями можно назвать курортом.

Попасть в такой «санаторий» легко, но выйти оттуда, нормальным человеком, мало кому удаётся. Если и есть на земле место, где царит высший произвол, то это именно так называемые лечебные учреждения закрытого типа.

Выжить в этом аду Бичу помог его же недуг. Ничего не принимал его мозг лишнего. После аварии его сознание стало избирательным. У него в голове, как бы образовался многослойный фильтр, который отфильтровывал, отсеивал всё,

что считал ненужным. Бич выполнял всё, что приказывали, старательно и прилежно. Лишь безделья не мог он вынести спокойно. У него в минуты вынужденного отдыха сразу же начинался нервный тик и именно поэтому он постоянно искал себе занятие. Но в одном всё же арестанту повезло. На его счастье попал в это закрытое заведение врач, который оказал неуважение какому-то сидящему в высоком кресле медицинскому чиновнику.

Направили молодого непослушного врача на исправление в неофициальную ссылку, вверив ему для блезира в подчинение целое отделение с душевнобольными в клинике особого назначения. Ужаснулся человек, который до сих пор видел жизнь лишь с её лицевых сторон, ужасным порядком, царствующим в этом закрытом аду. Но наученный горький опытом, поумерил всё же свой пыл, и не стал дальше портить свою карьеру и ругаться с местным начальством.

Заперся у себя в кабинете и пустил все дела на самотёк, точнее, пустил их бежать так, как они уже много лет подряд застойно и затхло текли-ползли, в этом, отделённом от всего мира трёхметровым каменным забором, чёрном царстве. Пил тайком от всех своих новых коллег спирт, которого здесь хватало с избытком, и подписывал, не глядя, подряд все бумаги, которые ему подсовывали.

Ремонтировал как-то Бич вышедший из строя холодильник, который стоял в кабинете врача. Разговорились. С удивлением установил неглупый врач, что по эрудиции его пациент стоит минимум на целый порядок выше всех остальных исправляемых и исправляющих, которые по иронии судьбы находились в одной тюрьме, только на разных правах.

Откровенно спросил врач своего пациента, чем он может ему помочь. Бич попросил организовать ему рабочее место.

Шил и ремонтировал Бич обувь где и как придётся всем желающим подряд, но гнал его медицинско-надзирательский персонал отовсюду. Прятался, бедолага, по разным тёмным углам да коридорам, а ретивые служаки находили своего подопечного и там, считая его занятие чуть ли не нарушением правил и законов. А Бич сидеть без работы не мог. Новой обувкой больных, заключённых в этом заведении, не очень-то баловали, и все они были рады помощи человека, добровольно и бескорыстно жертвующего своё свободное время на ремонт стоптанных подмётки и каблучков. Времени на это занятие уходило много, а для больных нервов эта работа являлась хорошей разгрузкой, своего рода дополнительной трудовой терапией.

Идея врачу понравилась. Нашёл он свободное помещение. Намного лучше стало после этого Бичу. Ему, наконец, было разрешено работать сколько угодно. Лишь медицинский персонал был поначалу не очень доволен тем, что их пациент иногда до глубокой ночи копошится в своей камере и не даёт урвать часок на никем не санкционированный сон. Но и эта проблема решилась сама собой. Принёс как-то один медбрат под полой из дому пару поношенных туфель для ремонта, а затем даже очередь образовалась. Платить ничего не надо, а качество превосходное.

Поняв, что добровольная работа Бича приносит прямую выгоду, раскошенилось и местное начальство. Прикупило кое-какой инструмент и оборудование. Очень пригодился теперь конструкторский талант бывшему инженеру. Понаделал он таких устройств, которые далеко не каждая настоящая сапожная мастерская имела.

Любят хвастаться чиновники чужими идеями, выдавая их за свои. Заказы на ремонт, которые приходили извне, выполнял заключённый, а благодарность

получали, конечно, начальники. Но всё же кое-какие крохи перепали иногда и ему в форме банки тушёнки или чего-либо другого.

Пролетело пять назначенных лет. Успокоился немного Бич за это время. Лишь при разговорах с новыми людьми или начальством начинали нервно трястись его руки, хотя во время работы этот недуг совершенно покидал его. Врач, у которого тоже заканчивался срок неофициальной ссылки, многое сделал для того, чтобы его пациент вышел на свободу нормальным человеком. Не пичкал он его день и ночь всевозможными лекарствами, которые наносят психике человека гораздо больше вреда, чем пользы.

Все нужные документы тоже оформил таким образом, чтобы на врачебной комиссии всё прошло без сучка и задоринки. Научил своего пациента даже некоторым трюкам, как обойти словесные ловушки дотошных контролёров-докторов.

Если вообще возможна дружба между врачом и больным, то именно так можно было бы назвать отношения между Бичом и заведующим отделением. В один день покидали стены неласкового приюта два человека. Один стоял в официальных списках, приговорённых к заключению и принудительному лечению. Другой был отправлен в это заведение вроде бы и на повышение, но на самом деле в ссылку за непослушание. Однако не только пациент многому научился у врача, но и врач учился у своего пациента. Наблюдая за Бичом и другими пациентами, задумался врач и о своей жизни. Понял, что только на руку недругам его тихое пьянство. Они, скорее всего, именно на это и рассчитывали. Очевидно, не одного конкурента вышибли таким образом из седла. Оставил Николай Петрович Ретамов пьянство. А в каждый выпавший свободный день ездил теперь в ближайший город и часами рылся по библиотекам в книгах и журналах. Списался со многими своими бывшими однокурсниками. Снабжали они его новейшей медицинской литературой и не только официально распространяемой.

Опальный врач стал таким образом повышать свой профессиональный уровень заочно и притом довольно успешно. Много интересного материала набралось у ссылного за четыре года ссылки. Не каждый практикующий врач имеет такую прекрасную возможность работать годами с одними и теми же бесправными душевнобольными. Редкий, если не уникальный случай выпал ему, и он использовал его сполна.

Записывал свои и чужие мысли. Собирал на всякий случай самую различную информацию. Как говорят писатели, «работал в ящик стола». Знал неглупый человек, что никогда не позволят ему официально опубликовать собранный обличающий материал о лечебнице закрытого типа, но заниматься сбором всё же не прекращал. Очень пригодились ему впоследствии его записи и наблюдения.

И вот стояли вместе возле ворот два человека в ожидании междугороднего автобуса. Уговорил врач своего пациента, и ехали они теперь в один и тот же город. Глядя на них со стороны можно было бы сказать, что они родные братья. Одинакового роста. Тёмноволосые. У обоих выразительные, чуть грустноватые глаза и даже руки, если они ничем не были заняты, скрещивали мужчины за спиной одинаково, крепко сцепив при этом пальцы.

С интересом спросил Николай Петрович у Бича, что за странный чёрный ящик держит он в руке, мол, неужели не смог за пять лет смастерить себе нормальный чемодан. Впервые за все годы улыбнулся Борис Иванович. Похлопав по крышке ящика, он произнёс очень странную фразу: «Это не

просто ящик. Это моя настоящая, а твоя будущая жизнь. Этим ящиком я буду нам обоим на хлеб зарабатывать».

Ничего не понял Николай Петрович из сказанного, но, чтобы не показаться своему новому приятелю навязчивым, дополнительных вопросов задавать не стал. Рад был он тому, что смог уже, хотя бы частично, подровнять этому человеку надломанную судьбу.

А секрет чёрного ящика был несложен. Правда, трудов стоил огромных. Уникальнейшую вещь держал в руках новоиспечённый сапожный мастер. Не просто ящик это был, а универсальная сапожная мини-мастерская. Втайне от всех, по ночам, когда не было лишних глаз, мастерил Бич своё портативное чудо мастерства и техники и по его задумке должен был этот ящик стать в будущем кормильцем, другом и целителем одновременно.

Какого специалиста охотно берёт себе в подчинение не очень дальновидный начальник? Конечно, послушного, и не просто послушного, а послушного до раболепства подчинённого. Не нашлось Николаю Петровичу в родном городе работы по специальности. Побегал он по всем инстанциям. Обил все пороги. Бесплезно. Слишком грозным было то медицинское светило, которое организовало ссылку упряма-самодума. Такие дела являются секретом полишинеля, и ни один из начальничков от медицины мелкого ранга не осмелился предоставить бывшему ссыльному работу.

Прав был Бич, когда, то ли шутя, то ли всерьёз, предрёк, что чёрный ящик выручит их обоих. Так и случилось. Не только на хлеб, но даже на более сытую еду зарабатывал Бич своим сапожно-ремонтным делом. Уговорил бывший пациент своего бывшего врача забросить все унизительные хождения по кабинетам и заняться настоящим делом. Так и жили.

Бич, не уставая, работал физически, а Николай Петрович умственно. Не меньший срок, чем в тюрьме, провели вместе они и на воле. И не золотое яйцо выковали двое мужчин, а кое - что подороже.

Случайно свела судьба двух людей, Бориса Ивановича Чухнера и Николая Петровича Ретамова в невесёлом приюте, но, видно, не зря. Есть очень хорошая поговорка: «Ум хорошо, а два лучше». Подтвердилась эта поговорка ещё раз на примере союза двух мужчин, жизнь которых не всё время катилась по гладко накатанной колее.

Научный труд о закрытых лечебницах, который Николай Петрович написал в форме обыкновенного бульварного романа, потряс мир своей страшной правдивой обнаженностью.

Не умер этот труд, как многие другие в ящике стола, а вышел в мир, пугая, словно чудовище, слишком сентиментальных читателей своей страшной, голой, неприкрытой правдой!

Шурик

Дошатаый борт кузова непрерывно и довольно ощутимо бил Шурика в бок. Деревянный брус, приспособленный под своеобразное сидение, тоже неустанно поддавал снизу молодому трактористу под тощий зад. Сверху сыпал редкий мелкий дождик и спрятаться от него в открытом кузове грузовика не было никакой возможности. В общем, всё было, как всегда. Свежий осенний ветерок давно прогнал остатки сна и не просто крепко взбодрил парня, а уже успел пронять до самых костей. Коротенькая, тоненькая, ватная фуфайка - это не меховой тулуп, и тянуло колючим ознобом не только по коленям, по спине тоже непрерывно бежали ледяные мурашки. Все трактористы и их помощники нагибались и прятались, как могли, от встречного ветра, а он, озорник, доставал их всюду. Забирался холодок при помощи ветерка за пазухи и в подмышки через рукава и сверху, и даже снизу щекотал злыми колючками всех подряд, без разбора и пощады.

Наконец из-за бугра показался культстан. Никто не знал, почему стан второй тракторной бригады называли культстаном. Скорее всего, по задумке «умного» парторга это должно было обозначать не кульковый или культовый, а культурный стан. Народ же переименовал всё по-своему, выбросив все ненужные ему звуки и никто полевой стан иначе, как культстаном, не называл.

Дорога по гривке стала ровнее. Глубокие ямы и колеи остались позади в ложине. Грузовик, резво разбрасывая во все стороны комья глины, прилипшие к колёсам, покатился мягче и быстрее.

На бригадном стане было всё, как всегда во время пересмены – шум, гам и беготня. В сторонке, подальше от цистерн с топливом, горел большой костёр. Трактористы и плугаторы, которые уже справились со своей сменной работой, шумной кучкой толпились возле огня. Приехавшую смену встретили весёлыми шутками, мол, давайте поможем разогнуть колени. И, действительно, после многих километров тряски в открытом кузове грузовика, да ещё в такую погоду, у многих не только колени, но и спины довольно чувствительно похрустывали.

Шурик одним из первых сиганул через опостылевший высокий борт кузова, благо сидел над самым колесом, которое и послужило ему своего рода ступенькой, и ему не надо было дожидаться пока дойдёт его очередь ступить на лесенку, пристроенную сзади к кузову.

Сменщик всё ещё копался возле трактора. Что-то не ладилось у него с нагнетателем нигрола и он, ругаясь вполголоса, испачканными до самых локтей руками, разбирал насос, похожий на здоровенную колбасину. Вдвоём, по-быстрому, справились с неполадкой.

Водитель бригадного грузовика нетерпеливо просигналил. Вся отработавшая смена уже уместилась, как замёрзшие курицы, в кузове и, недовольно ворча, ждали отставших. Шурик поторопил своего сменщика, беги, мол, я сам доделаю мелочёвку. Тракторист, благодарно кивнув и подхватив свою дерматиновую торбочку, помчался к сигналиющему автомобилю.

С полевого бригадного стана, в разные стороны, словно большие рычащие чудовища, побежали трактора с плугами на прицепе. Обгоняя более тихходные ДТешки, вперёд вырвались так называемые «дизеля». Моторы у всех тракторов без исключения были дизельными, но почему-то именно

трактора, которые носили официальное название «Сталинец-80», кто-то назвал «дизелем». Так это название и прижилось. Намного мощнее ДТешек были дизеля и таскали за собой не по одному плугу, а по два. С одним плугом на прицепе мог справиться и сам тракторист, а вот у дизелей всегда на одном из плугов сидел плугатор. Металлическая круглая нашлапка на такой же металлический, но только пружинный стержень, вот и всё сидение. Во время пахоты плугатору было немного легче, чем во время перегона. Когда начальник плуга, как все в шутку называли его, чувствовал, что холод забрался не только под фуфайку и кожу, а добрался уже до самой селезёнки, то он мог спрыгнуть со своего металлического насеста и пробежать рядом с плугом с километр и таким образом согреться. Но попробуй во время холостого прогона угнаться за дизелем. И сидели помощники трактористов, как нахохлившиеся воробышки, по своим не очень комфортабельным сидениям, отвернувшись от ветра и грязи, летящей от траков гусениц. Шурик проводил глазами обогнавший его дизель. Мысленно пожалел человека на плуге. Немало часов отсидел и он на железном насесте, пока получил удостоверение тракториста, и знал, как достаётся человеку, который каждый день по двенадцать часов подряд, без перерыва, должен выполнять эту работу.

Кабина ДТешки тоже не оборудована кондиционером, но всё же есть защита от ветра, дождя и снега, да и от мотора достаётся немного тепла.

Шурик вслух ругнул тракториста дизеля за то, что тот не взял своего помощника, хотя бы до начала загонки, в свою кабину. Задумался молодой тракторист, почему так бывает. Вроде все люди одинаковы, но одновременно с этим и такие разные. Взять хотя бы этого тракториста, который, как заполошный, только что промчался мимо. Два брата. Старший из них спокойный и уравновешенный. Охотно идут к нему молодые ребята на плуг. Не обижает он никого понапрасну. Поругает иногда всерьёз и бывает даже кирзовым сапогом под зад поддаст нерасторопному помощнику, но никогда не забывает взять замёрзшего плугатора на время в свою кабину, в отличие от своего меньшего брата.

Шурик, занятый своими мыслями, даже не заметил, как добрался до поля, на котором проводилась вспашка зяби. Сходу, заехав в свою загонку и опустив плуг, выровнял трактор. Перебросил передачу. Мотор, выбросив из выхлопной трубы чёрное облако дыма, потянул мощно и чисто. Проехал несколько десятков метров, удерживая гусеницу точно по краю борозды, а затем, остановив трактор, вышел проверить глубину вспашки. Свежий ветерок разогнал тучи, и дождя больше не было. Прямо по курсу загонки из-за горизонта выдвинуло свой красный бок солнце и вокруг всё сразу же преобразилось. Ожил, заиграл всеми цветами смешанный берёзово-осиновый лес, расположившийся рядом с полем. Залюбовался Шурик красотой леса. Берёзы стояли, словно осыпанные золотым инеем, а на осины даже больно было смотреть – такой сочной краской цвели их резные листья, чуть ли не от земли до самой верхушки. Постоял немного, любуясь чудом природы. Затем, торопливо проверив глубину вспашки, тронул трактор, дав ему полный газ.

Правая гусеница железного коня ровно бежала по-над самым краем борозды, приминая, словно каток, пшеничную стерню и трактористу лишь изредка приходилось подравнивать ход трактора рычагами. Лучи солнца, заглядывая через запылённое лобовое стекло, слепили тракториста, но он радовался дополнительному теплу. Время побегало размеренно, и чтобы не задремать в тепле, он постоянно вертел головой во все стороны. Надолго выпускать плуг из поля зрения тоже не годилось. Он мог забиться соломой, которой хватало на

свежескошенном поле. Да и на концах загонки тоже нужно было проследить, стал ли плуг ровно по борозде. В общем, головой приходилось вертеть постоянно и на все триста шестьдесят градусов.

Смеялись бригадные остряки, мол, нужно трактористам вместо шейных позвонков какие-нибудь шарниры приспособить, чтобы им легче было вертеть головой. Шутки шутками, но не выдавали трактористам шёлковые шарфы, как лётчикам и натирали они иногда шеи до мозолей.

Круг за кругом. Час за часом. Заныла у Шурика спина, прося разминки. «Пора завтракать» – решил тракторист. Задумано – сделано. Заглушив мотор и подхватив сумку с едой, выпрыгнул из трактора. Помахал соседу по загонке. Тот, поняв, тоже остановил трактор. С разных сторон пошли парни к ряду соломенных копен, чтобы вместе с удобствами позавтракать. Сосед по загонке остановил свой трактор ближе к копнам, и поэтому он подошёл к ним раньше.

Шурик вдруг увидел, что его коллега, о чём-то крича, побежал назад к своему трактору. Затем с ломиком в руке кинулся снова к копнам с соломой. Шурик, прихватив на всякий случай большой гаечный ключ, тоже поспешил к копнам. А тракторист уже гонялся вокруг соломенных куч за каким-то чёрно-рыжим зверем, чем-то похожим на норную собаку. Только мехом он был покрыт более пышным и туловищем длиннее.

Азарт – великое дело, но, конечно, не всегда хорошее. Немало времени пробегали молодые трактористы за быстрым и неуловимым зверем. Несколько раз даже поджигали копны с соломой, выпугивая невиданного в этих местах зверя из его укрытия. Прятался, бедный, от людей, да не там, где надо. Если бы припустил напрямую к лесу, то может быть и спасся. Нет, достал его летящий железный ломик по ногам, а дальше всё закончилось быстро и трагически.

Стояли два здоровых парня над поверженным и, сразу ставшим от этого маленьким, рыжим зверьком с чёрными разводами по шкурке и сами не знали, зачем убили они ни в чём не повинное животное, которое ничего плохого им не сделало.

Недоумённо посмотрели друг на друга. В глазах обоих стоял один и тот же вопрос: «Зачем?»

Разошлись, даже не позавтракав, по своим тракторам. Сердито взревели моторы.

Кинув в небо по чёрному облачку дыма, потянули трактора опять за собой широкую полосу взрыхлённой, вспаханной земли. А между копен осталось лежать тело убитого животного. Не причиняло оно никакого вреда людям, а погибло от их рук.

Хорёк, чудом попавший на убранное пшеничное поле, был, скорее всего не врагом, а лучшим помощником человеку. Выбежал он, очевидно, из ближнего леса полакомиться мышами, а может быть, поселился на время в соломенных копнах, где всегда тепло и сухо, да и мыши рядом. Однако за удобства всегда приходится платить высокую цену не только людям, но и зверям. Потерял страх осторожный зверёк и сразу же поплатился за это своей жизнью.

...Изменилось что-то после происшествия с хорьком в жизни Шурика. Не везло ему после этого, и всё тут. Редкий день стал обходиться без поломок трактора или плуга. Доходило даже до абсурда. Вдребезги разлетелся как-то ведущий мост у трактора. Почти целый день потратили со сменщиком на ремонт. Успели сделать почти всё. Остались мелочи. Сменщик уехал домой поспать часок, а Шурик, быстренько скидав инструмент в ящик, рванул на поле. Да забыл в спешке, что не смазку они залили в редуктор, а только дизельное топливо для промывки. Даже круга не сделал, как задымило и завоняло

горелым прямо под задом Шурика, где находился ведущий мост. Остановил трактор, да поздно – вышли из строя в редукторе все подшипники и шестерни до одной.

Даже горел Шурик вместе со своим трактором. Объезжая кучу золы от сгоревшей копны, хватанул, очевидно, днищем всё же жару, который сохранился под золой. Подтекал, как на грех, немного топливный бак, но не хотелось ребятам терять последние дни осенней вспашки. Сзади и загорелся трактор ярким пламенем. Обжигая руки, попытался сам потушить огонь. Не тут-то было. Хорошо, что прибежали из соседних загонок трактористы с лопатами и помогли закидать пламя землёй.

Не счесть всех несчастий, которые совершенно замучили молодого механизатора в ту злополучную осень. Не раз задумывался он, почему именно его, неустанно и непрерывно, преследует полоса неудач. Всё чаще мысленно возвращался он к совершенно ненужному убийству безвинного животного и пришёл к выводу, как парадоксально это не звучит, что все его несчастья как-то взаимно связаны с убийством хорька. Никому не рассказывал он о своих подозрениях, но когда главный инженер вместе с бригадами стал составлять списки бригад на следующий год, то Шурика уже не было во второй бригаде. Добровольно ушёл он из лучшей тракторной бригады совхоза. Удивились все. А ещё больше были удивлены, когда узнали, что он работает во вновь организованной бригаде, поля которой находились в тридцати километрах от центральной усадьбы совхоза.

И не трактористом устроился работать парень в самую дальнюю тракторную кормодобывающую бригаду, а учётчиком. Ездил по полям верхом на лошади или на двуколке. Измерял вспаханные, закаткованные, забороненные, засеянные, скошенные и самые различные другие площади. Выполняя свои прямые обязанности, всё же находил время и просто так побродить по полям и лугам. Надеялся он найти где-нибудь жильё-укрытие хоря и на этот раз не уничтожить, а спасти его от людей. Мечтал Шурик, что обнаружит он нору хоря и огородит вкруговую это место вехами-жердями и таким образом спасёт от острых стальных лемехов плуга. При каждом удобном случае рассказывал своим коллегам о пользе хоря. Объяснял, как мог, своим рабочим, что степные и лесные хорьки являются прямыми врагами мышей, сусликов, крыс и кротов, но никак не людей.

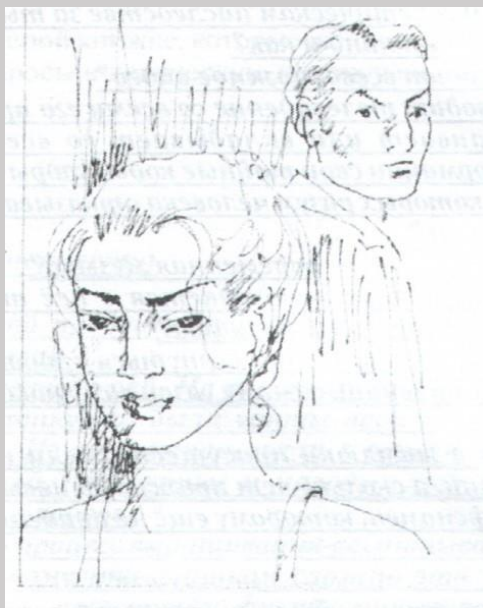
Однако так и не получил парень подарка-прощения. За всё лето ни разу не удалось ему увидеть хоря. Очень редкий в этих местах зверь, очевидно, перекочевал ещё дальше от людей. А вся бригада уже знала о том, что Шурик обзавёлся всевозможной литературой о хорьках. Не знали сослуживцы вначале его тайны, но в маленьком коллективе секреты долго не скроешь. Подключились и некоторые из рабочих к розыскам пёстрого зверька. Просматривали трактористы и прицепщики все самые укромные места, в надежде сделать приятное бригадному учётчику, но все хлопоты были попусту. С ранней весны до самой поздней осени проработал Шурик в дальней бригаде. Но за всё это время так больше ни разу и не показался в этих краях людям на глаза пёстрый зверёк из семейства кунных.

Осенью подошёл срок, и парня забрали в армию. Отслужив положенный срок, демобилизовался и уехал в большой промышленный город, куда переселилась его семья.

Не пришлось ему больше бывать в просторных целинных краях, где поработал он пару лет трактористом, и где у него произошла столь памятная встреча с

хорем. Но случай этот Шурик вспоминал потом с горечью и сожалением, как что-то постыдное и недостойное мужчины.

Остановка

Для Генриха всё началось с обыкновенной дружеской вечеринки. Нельзя было бы сказать, что он больше не любит свою жену. Вовсе нет. Прохладнее, правда, стал он к ней после этого вечера. Всё чаще стал сравнивать её с другой женщиной и невольно приходил к выводу, что во многом уступает его благоверная новой знакомой.

В компании все знали друг друга уже давно. Большинство мужчин были коллегами по работе и поэтому тем для разговоров хватало. Новеньких принимали в свой круг не очень охотно. Может и тайный пьянчуга объявиться или, что ещё хуже, какой-нибудь скандалист. Разбирайся с ними потом. Поэтому если у кого-нибудь появлялся новый друг, то его приглашение обговаривалось заранее, чтобы избежать неприятного сюрприза. Обычно собирались у кого-нибудь на дому, и веселье шло до утра. Ели, пили, пели и танцевали до упаду. В остро приперченных выражениях во время рассказывания анекдотов, конечно, не особенно скромничали. Не зря существует поговорка: «Из песни слов не выкинешь». Точно так же и с анекдотами. Без соли и перца они теряют весь полновесный здоровый юмор и смысл. Женщины тоже ни в чём не уступали мужчинам, а в танцах они были даже зачинщиками.

Один из старых членов компании, с позволения остальных, привёл как-то на очередную гулянку своих соседей. Мужчина очень быстро оказался чуть ли не центром внимания. Умело и непринуждённо вступал он в нужном месте в разговор. Выслушать собеседника тоже мог с большим вниманием и пониманием. Женщина была совершенно не похожа в вопросах коммуникабельности на своего мужа. Она вела себя совсем иначе. Конечно, не выпячивала она своё неудовольствие напоказ, но при особенно острых выражениях, которые иногда были просто необходимы, она чуть заметно кривила свои красивые полные губы. Сама в разговор вступала редко.

Генриху показалось странным то, что женщина в первый вечер большинство времени провела в обществе мужчин, а не женщин, которые уютно устроились на другом конце накрытого стола и вели свои чисто женские разговоры. «Стесняется, наверное, и поэтому держится поближе к своему мужу», – подумал он.

Когда шум голосов в мужском углу достиг определённой высоты, женщины, как всегда, моментально среагировали. Они громогласно подали команду к танцам и вопреки всем общепринятым правилам, первым был объявлен дамский вальс. Женскую половину этого общества нельзя было обвинить в умственной отсталости. Как можно отвлечь подвыпивших мужчин от любимых разговоров и обильно накрытого стола? Только насильно. Но общее настроение никому портить не хочется, и именно поэтому, женщины применяли каждый раз одну и ту же уловку, которая срабатывала без осечки. Какой же уважающий себя мужчина откажет даме в танце?

Попрыгать в этой кампании любили все. Плясали до изнеможения. Кто уставал, тот выходил во двор проветриться.

Генрих не был исключением и не только любил, но и умел танцевать и плясать. Несколько раз пригласил новенькую. Такой партнёрши у него ещё никогда не было. Как гибкая лозинка гнулась она в его руках и была послушна каждому прикосновению. Не просто удовольствием, а настоящим блаженством было танцевать с такой удивительной партнёршей. Насторожил его взгляд женщины. Не призывным он был и не отталкивающим, а каким-то туманно-непонятым. Глаза были, как бы прикрыты какой-то поволокой, за которой могло скрываться что угодно. Генрих, выйдя передохнуть в темноватый коридор, не удержался от того, чтобы не понаблюдать за новенькой. Удивился он тому, каким взглядом оглядывала женщина, не подозревавшая о том, что за ней подглядывают, всех присутствующих мужчин. Это был жадный взгляд профессионала. Таким взглядом оглядывают желанную, но недоступную вещь. Странно! Лицом к лицу Генрих ничего не заметил, и только со стороны это чётко бросилось ему в глаза.

Он лишь много позднее понял истинное значение взглядов женщины, и до тошноты больно и обидно стало ему от этого.

Новенькие, а особенно мужчина стали душой общества. Ни одна из гулянок теперь не обходилась без них.

Приходили и уходили они, держась за ручки, как новобрачные или идеальная, образцово-показательная семейная пара. Не одному из мужчин был дома брошен упрёк, мол, смотри, как нужно ухаживать за своей женой.

Женщина всё так же держалась чуть в сторонке от женского общества. Высокомерной её нельзя было бы назвать, но она очень хорошо знала, как себя вести. Всегда, до самых кончиков пальцев, отлично ухожена. неброско, но очень аккуратно одета. Сдержанна в разговорах, еде и питье. Генрих ни разу, сколько ни наблюдал за ней, не увидел больше того острого взгляда, которым она, незаметно для окружающих, окидывала всех присутствующих мужчин в первый вечер. Новенькая охотно танцевала со всеми, кто её приглашал, но сама инициативу никогда не проявляла.

Генрих был очарован новой знакомой. Он не мог дождаться очередной дружеской праздничной гулянки. При встрече, какая-то внутренняя робость охватывала его всего. Эта женщина совершенно незаметно стала его кумиром, эталоном и образцом идеальности.

Мир для Генриха встал дыбом в один обыкновенный рабочий день, а точнее сказать вечер. Добирался он в тот проклятый день на перекладных автобусах из

соседнего небольшого города домой. Устал до крайности. Шофёр очередного автобуса попался знакомый и пообещал подбросить домой, мол, всё равно по пути. Генрих устроился рядом с ним на откидном стульчике. Было уже довольно поздно и пассажиров в автобусе было немного. Уже в самых пригородах, на одной из окраинных остановок энергично проголосовал мужчина. Водитель притормозил. Из-за будки быстро вышла женщина. Что-то знакомое показалось Генриху в мелькнувшем силуэте. Он продвинулся немного в сторону бокового окна и, когда новая пассажирка вошла в светлый круг, который рассеивал сильный фонарь над задней дверью, он узнал её. Это была она – его кумир и идеал.

Проголосовавший мужчина поддержал женщину под руку, помогая ей подняться по крутым ступеням в салон автобуса. Она устроилась на заднем сиденье в полусумраке плохо освещённого салона. Мужчина торопливо прошёл вперёд и оплатил водителю проезд за двоих. Вошедший с женщиной пассажир не был Генриху знаком.

После того, как мужчина отошёл назад, водитель, заметив, что Генрих внимательно приглядывается к вошедшей женщине, спросил: «Что? Понравилась шалава?»

Генриха, словно кипятком обдало.

Водитель не заметил замешательство своего случайного собеседника и продолжил: «Здесь же конечная остановка-разворот нескольких городских автобусных маршрутов. Так называемый „Райский уголок“. Очень удобное место. От дороги всё отгорожено высоким кустарником, а дальше большой старый густой парк, в котором есть заброшенные беседки и скамейки. Отдыхай сколько угодно. Пенсионеры сюда не забредают, далековато для них. Ты можешь с ней свободно сюда прокатиться. Только подморгни этой дамочке понахальнее, и она твоя на целый вечер. Сюда все городские Донжуаны, у которых нет автомобилей, своих случайных и не случайных подружек привозят. Повеселятся в кустиках с часик и обратно в город. Эту особу я видел здесь уже почти со всеми местными фраерами. Она шалава широкого профиля. Ей клеймо уже негде ставить было бы, если бы каждый мужик, который её сюда привозит, это делал. Но умеет держаться, ничего не скажешь. Фифочка ещё та. Ты только посмотри на неё. Недотрога, да и только!».

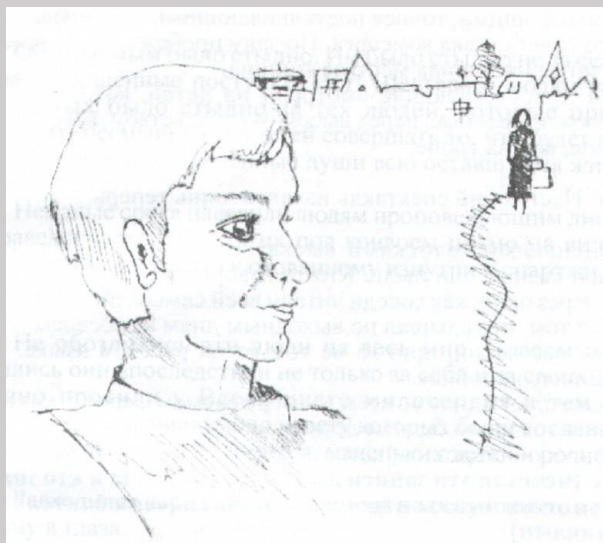
Генрих сидел на стульчике, низко склонив голову. Не хотелось ему, чтобы женщина узнала его.

Ему было стыдно за неё!

Ему было стыдно за себя!

Ему было стыдно за своё легкоеверие!

Генриху было стыдно за то, что он, как сосунок, попался на крючок опытного и не просто опытного, но и очень умного и хитрого ловца.

Деревенские проказы

Подпасок, энергично трубя в свою жестяную трубу, ехал верхом на лошади к краю деревни, откуда он обычно начинал сбор всего частного стада. Он был пока единственным человеком, кроме самих устроителей утреннего представления, конечно, который знал о том, что за столпотворение сейчас начнётся.

Деревня медленно, неохотно просыпалась. Свежий ветерок ласково заигрывал с листьями деревьев, но прохладная ночная истома, ещё не покинула деревушку. Ни обычного шума детворы. Ни стука. Ни грохота. Одинокая труба своим звенящим звуком прогоняла ночную тишину. Петухи, как бы в помощь пастушьему зову, тоже браво завели свою раннюю, утреннюю переключку. Каждый кричал на свой лад. Иные из них, очевидно ещё не совсем проснувшись, пели свои песни, низким, как бы охрипшим голосом. Были среди природных будильников и настоящие мастера. Горланили они настолько звонко, что не услышать сигналов пробудки было просто невозможно. Хозяйки, ещё заспанные, спотыкаясь на непослушных после короткого летнего сна ногах, с подойниками в руках заспешили к своим кормилицам.

И тогда началось представление, ради которого всю ночь трудились местные проказники. Деревенская идиллия, как по волшебному знаку, закончила своё существование в одно мгновение. Меж домов, словно лесной пал, полетел невообразимый шум, который поднял на ноги всех без исключения.

Старший брат подпасака, обсуждая со своими приятелями и подружками ночное проказливое мероприятие, даже не подозревал о том, что в соседней с кухней комнате слышно каждое слово. Слух у мальчишки-подпасака был отличный и именно поэтому он проснулся от довольно оживлённого разговора. А проказники, зная о том, что старших нет в доме (они на два дня уехали в город) совершенно открыто обсуждали все мелочи планируемой шутки.

Первой подняла крик известная на всю округу скандальная бобылка, которая жила в самом центре. Шум понёсся по селу так быстро, как разбегаются волны в небольшом пруду в безветренную погоду от брошенного в воду камня.

Все жители этой маленькой деревни оставляли свой скот на ночь на заднем дворе по простой причине - в дом не набивается столько мух и гнуса, который тучами вьётся над стадом пришедшим с пастбища. Многие хозяйки при вечерней дойке даже ставили рядом с коровами дымари, разожжённые в старых, дырявых, негодных вёдрах, спасая себя и животное от совсем озверевших к вечеру комаров и мошкар.

Именно тем, что коровы стоят не под окнами дома или в сарае, а вдалеке, то есть на заднем дальнем дворе, и воспользовались проказники. Весь план ночного мероприятия, охватывающего все дворы без исключения, был разработан и обговорён до мельчайших подробностей уже заранее. Ошибок и недоразумений не должно было быть. Каждый из проказников знал своё задание. Всё было учтено. Самую злую шутку, было решено устроить скандальной сплетнице, живущей в самом центре. Доставалось от её злого языка всем подряд, а молодёжи особенно. Никто и ничто не могло укрыться от её острых любопытных глаз. Фантазии этой женщины можно было бы позавидовать, если она не была бы столь извращённой. Она во всём видела только плохое. Будь эта женщина пограмотнее, возможно стала бы знаменитой писательницей фельетонов и басен, но как говорится: «Бодливой козе бог рогов не даёт».

Именно этой женщине привели шутники, вместо уведённой задворками с заднего двора коровы, самого ленивого рабочего быка из колхозного стада. Работать с этим быком не хотел никто. Загнать его в ярмо не было большой проблемой, но заставить его после этого ещё и быстро двигаться не могли даже самые опытные ездовые. Мантик, так звали быка, знал только одну скорость и своей привычке не изменял никогда, что бы с ним не вытворяли. Шагал он своим размеренным спокойным шагом по жизни и земле, и как бы всем своим видом говорил: «Эх, вы, торопыги, несётесь, словно очумелые, а что от этого имеете?»

Даже Мантик был удивлён режущему ухо крику женщины, обнаружившей под навесом, где должна была стоять корова, лежащего быка.

Испуганный незнакомым визгом бык поднялся на ноги, а виновница его, такого странного, пробуждения уже исчезла без следа со двора и лишь её крик, который взбудоражил всю деревню, было ему ещё слышно.

Устроителей проказы установить не удалось, несмотря на все усилия, предпринятые разозлёнными женщинами. Ни один двор не был в эту ночь обойдён ребятами-шутниками и это, естественно, сбило с толку местных сыщиков. Всех коров поменяли без исключения, притом, меняли шалуны их таким образом, что каждая хозяйка находила свою корову не у соседей или где-нибудь рядом, а обязательно где-то в самом дальнем конце деревни. С утренней дойкой вообще всё было вразброд: одни пытались выдоить чужую корову, а другие носились по деревне в поисках своей.

Подпасок медленно ехал за стадом, внутренне улыбаясь шkodливой забаве парней и девушек, но не до смеха было бедным женщинам. Многие из них лишь далеко за околицей смогли выдоить своих кормилиц.

Каждый деревенский житель знает, что нельзя корову оставлять не подоенной, иначе, как в народе говорят: «Молоко сгорит». Для каждой деревенской семьи корова не просто домашнее животное, а что-то большее. Не зря на селе все называют корову кормилицей. Поэтому всё взрослое население деревни

приняло эту ночную проказу не как шутку, а как посягательство на что-то неприкасаемое, святое.

Поняли и развлекающиеся ребята, что такие шутки всё же немного выходят за рамки простых забав и второго такого ночного набега на задние дворы в этой маленькой деревушке, где каждый знал каждого, никогда больше не было.

Проказливая ночная замена рогатых кормилиц, устроенная молодыми шутниками, запомнилась всем жителям села на всю оставшуюся жизнь. Возможно причиной тому была оригинальность и организованность проведённой операции, а может быть эта проказа оказалась всё же чересчур грубой.

Даже сами организаторы шутливой проделки, уже давно ставшие отцами, матерями, дедушками и бабушками в своих разговорах-воспоминаниях очень редко вспоминают о ней. Если кто-то при встрече всё же вспоминает о шутке, то с сожалением и не называя имён участников.

Дядя Франц

Вечерняя и утренняя зорьки оказались на редкость удачными, несмотря на не совсем благоприятную погоду. Уже второй день подряд тянул над озером довольно свежий бриз. Кулеш из дичи удался на славу, и хватило его на всех с избытком. Охотники были сыты по горло, несмотря на то, что очень старательно запивали густую и наваристую похлёбку довольно крепкими напитками. Озорной ветерок трудился на славу, но он не был в силах остудить, покрасневшие от обильной еды и горячительных напитков, лица. Тем для душевного разговора, как всегда, тоже хватало. В первую очередь прочистили, конечно, тех, кто особенно неудачно провёл охоту, мол, руки трясутся, а он ещё и влёт пробует бить. Со знанием дела оценили и особенно удачные выстрелы. Все эти разговоры протекали совершенно безобидно потому, что охота есть охота, и удача с неудачей всегда идут рядом.

Когда все моменты вечерней и утренней охоты были обсуждены до мельчайших подробностей, подвыпившие мужчины принялись за анекдоты. Каждый рассказывал, какие знал и как мог. Костёр, в который время от времени попадала очередная порция сухого плавника, весело трещал и разбрасывал вокруг себя огненные жуки и искры. Легкий, почти невидимый дым разгуливал между охотниками, сидящим тесным кружком вокруг огня.

До чего же хороши эти минуты у живого огня! Очищает человека огонь от мутного налёта повседневных забот и недобрых мыслей. Очевидно, не зря связывают многие народы на нашей земле обряд очищения тела и души с живым, открытым всем ветрам, огнём. Есть что-то таинственное, непонятное человеку в огне. Очевидно, именно поэтому становятся люди у костра откровеннее и добрее. Может быть какой-нибудь городской житель, который ещё ни разу в своей жизни не провёл ночь у костра, посмеётся над этими словами. Такому можно посоветовать лишь одно: «Испробуй сам».

Анекдоты сменили самые различные истории из личной жизни охотников. Вспомнили и о трагедии происшедшей пару лет тому назад.

Группа охотников поехала на отстрел косуль. Каждому был выделён определённый маршрут. В основном шли по прилавкам, зорко оглядывая сверху все распадки. Охотникам почти всё время приходилось продирааться через густой колючий кустарник. Именно в одном из мест, где заросли стояли густой стеной, и произошла трагедия.

Как в действительности всё произошло, никто не видел. После окончания облавы двоих охотников не оказалось на назначенном месте сбора. Подсчитали количество произведённых выстрелов. Получалось, что два выстрела произведены отсутствующими охотниками.

– Всё понятно, – предположили остальные, – ждут нас, чтобы унести добытую дичь.

Вместо дичи были обнаружены два трупа. Один из охотников был убит пулей в висок, а второй выстрелом в грудь.

Следователи пришли к выводу, что всё произошло совершенно случайно, и по-глупому просто: очевидно, тот охотник, который убил своего друга, ошибочно принял его пёструю шапку-треух за «фартук» косули.

После того, как охотник обнаружил свою роковую ошибку он ещё долго сидел рядом с телом убитого. Возле его ног нашли целую кучу замусоленных окурков и ломаных сигарет. Свою жизнь он прервал выстрелом в грудь. Рядом с ним лежал его личный карабин и метровый прут с рогулиной на одном конце. Охотники у костра сидели притихшие. Каждый, как бы мысленно побывал на месте происшедшей трагедии.

– Ребята, помянем покойных, – прервал затянувшееся тягостное молчание один из охотников. Встали. Выпили, не гремя стаканами. Молча постояли, задумчиво глядя в бегущие струи огня.

Затем, один из самых уважаемых в компании охотников предложил рассказать одно из своих приключений из тех времён, как он выразился, когда ещё крепко закладывал за воротник. Этот, повидавший жизнь мужчина, очевидно, почувствовал, что настроение его друзей было испорчено воспоминанием. Нечасто и не очень много рассказывал он о своей жизни, а мог бы. Он ещё подростком прошёл ад так называемой «Трудовой Армии». Чудом выжил.

После возвращения из «лесоповального северного рая» десять лет отработал на угольной шахте забойщиком. Насмотрелся в своей жизни таких чудовищных картин, от которых у чересчур чувствительного человека уже давно нарушилась бы психика. Но дядя Франц не очерствел душой, и именно поэтому он решил рассказать не самую весёлую историю из своей жизни на совершенно другой лад для того, чтобы поднять настроение своим приунывшим товарищам.

Всё охотники дружно закивали головами, соглашаясь с предложением.

Рассказ дяди Франца

– Я не всегда был таким спокойным и смирённым, как в последние годы. Любил и выпить, и подраться. Особенно драчливым я конечно никогда не был, но во всяком случае за себя постоять был готов в любую минуту и против кого угодно.

Вы все знаете, что я больше двадцати лет проработал у нас в селе в «ЗАГОТЗЕРНО». Много сменилось у нас директоров. Были слабохарактерные. Были бешенные. Были пьянчуги, но были и нормальные люди. Именно с одним из самых лучших у меня вышел конфликт на почве пьянки. Родился у меня сын. Как не обмыть такое дело? Гуляли целую неделю, а время было не совсем

удачное. Уборка. Зерно валит валом, только успевай поворачиваться. Машины идут с грузом непрерывной цепочкой.

Осень была дождливая. Зерно, естественно, сырое. Я обслуживал в то время сушилки. Подвыпившему ещё можно бы справиться с машиной, но пьяному в стельку, честно говоря, у таких агрегатов делать нечего. Застал меня директор спящим на тёплых решётах. Приказал идти домой выспаться. Механику велел немедленно найти мне замену. Чрезмерные винные пары в голове, конечно, никогда до хорошего не доводят. После того, как, наконец, сообразил, что меня отстранили от работы, я, на спотыкающихся ногах, побрёл искать начальника.

Обнаружил его возле семенной лаборатории. Забрался я вслед за ним на высокое, как насест, ограждение вокруг здания. Стал качать права. Директор спокойно взял меня за шиворот, благо мужик он был здоровенный, на добрую голову выше меня, и довёл до лестницы. Меня в ту пору успокоить было не так-то просто. Я посчитал, что мне нанесено публичное физическое оскорбление и, конечно, сразу же потянуло на подвиг.

Вы меня извините ребята, но дальнейшее я помню довольно смутно и продолжу рассказ лучше со слов лаборантки, которая всё видела через большое окно.

Она мне очень красочно рассказала, что я без всяких слов подошёл к нашему начальнику вплотную и, подпрыгнув, стегнул его ладонью по лицу. Тот недоуменно уставился на меня, не ожидая такой прыти от своего подчинённого. Я ещё раз удачно повторил свой приём и этим, очевидно, вывел доброго человека из терпения. Он взмахнул своим кулаком, который был размером с мою голову, но я успел пригнуться и кулак проехал надо мной. На четвёртый раз полоса моих удачных прыжков закончилась. Кулак директора достал меня в прыжке и на этом для меня все приключения закончились. Мой последний прыжок закончился длинным полётом.

Сердобольные прикомандированные автобазовские шофера, которые молча, но с большим интересом, наблюдали со стороны за таким странным боксёрским поединком, подобрали меня из пыли, куда я кубарем укатился с верхней площадки, и доставили в полуобморочном состоянии домой. Свои тапочки я нашёл лишь на следующий день. Хорошо, что девушки-лаборантки их прибрали в сторону от подъездного пути, а то автомашины их бы в пыль превратили.

Охотники ржали во весь голос. Иные держались за животы, воочию представляя себе летящие с пандуса в разные стороны тапочки и дядю Франца. Один из охотников, который первым смог внятно говорить, спросил, чем же закончилось всё это театральное представление, происходившее на открытой площадке семенной лаборатории и зрителями, которого являлись с десятков шоферов и несколько лаборанток.

Многозначительно почесал дядя Франц свой затылок и продолжил:

– Вы ребята не поверите, но я не вру. Мне жена на другое утро такую головомойку устроила, что впору взять верёвку и идти в сарай вешаться. Голова гудела, как медный колокол. Под глазом огромный синяк. Половины моего лица, будто вообще нет. Оно полностью атрофировалось от «ласкового» воспитательного прикосновения нашего начальника.

И ко всему этому жена даже похмелиться не разрешила. Вы можете себе, вообще-то хотя бы мысленно представить, что мне пришлось вытерпеть? Сунула мне моя любезная бутылку водки в карман куртки, с приказом: – немедленно идти лично к директору с извинениями. Вслед, уже в дверях,

сказала, что будет за мной следить до самой конторы, и не дай бог мне попробовать слинять куда-нибудь в кусты.

Куда деваться? Пошёл к директору прямо в кабинет, чтобы объясниться без свидетелей. Рассказал ему всё, и пообещал, что со мной никогда такого не повторится, и на работе спиртное больше в рот брать не буду.

Пожурил меня начальник, но простил. Сказал, что могу идти исполнять свою работу. Я постеснялся отдать ему водку. Подумал – как бы хуже не вышло.

Когда я был уже в дверях, он окликнул меня: «Франц, а водку ты ведь для меня принёс, так зачем же прячешь. Ставь на стол и после работы зайди ко мне. Обмоем твоего сына по-человечески».

Охотники лежали вокруг костра вповалку. Некоторые из них уже и визжать не могли от смеха.

А дядя Франц, обиженно поглядывая на своих веселящихся товарищей, задумчиво продолжил:

– Да, ребята, таких начальников, как наш «Константиныч» сегодня днём с огнём не найдёшь. Повывелись у нас хорошие люди. При пёстрых галстуках ходят, но потребность мужской души не понимают.

«Пятак»

Добрые соседские отношения между Кулутаем и Иваном прервались совсем неожиданно. Они были уничтожены в один миг и навсегда. Шутка Ивана, кажущаяся на первый взгляд невинной, на самом деле оказалась убийцей многолетней дружбы. Глава казахской семьи и его престарелая мать приняли непродуманную выходку соседа-немца, как посягательство на самое святое для них – веру.

Кулутай запретил своим детям, а было их у него немало, пересекать невидимую черту, разделившую два двора, бывшие до этого дня общим, в два враждующих лагеря. Со временем на этой полосе вырос высокий плотный забор из не строганных досок. Забор этот разделил не только земельные участки. Он разъединил и людей на два непримиримых лагеря.

Местный казах и приезжий немец почти в одно и то же время начали строить по соседству свои дома. Время было горячее. Целинные посёлки вырастали в казахской степи, словно грибы после тёплого, обильного летнего дождя. В течении пяти лет маленькая деревушка превратилась в большое многолюдное село с населением, состоящим из нескольких десятков национальностей. Селились, кому где понравится, или по принципу: «где удобнее».

Самая большая и, притом постоянная, проблема была – добывание строительных материалов, которых катастрофически не хватало по всему целинному краю.

Кулутай работал главным кассиром совхоза. Должность для непосвящённых вроде бы и невысокая. На самом же деле совхозный кассир был, чуть ли не самым уважаемым человеком на селе. Кассиру не надо было бегать за прорабами, учётчиками, бригадирами и завскладами с протянутой рукой и спрятанной за поясом или в глубоком кармане фуфайки поллитрой. Должностные лица сами приходили к его окошечку-амбразуре. Стоя чуть ли не на коленях перед зарешёченным окном все маленькие, средние и даже большие начальнички очень чутко реагировали на каждую очередную просьбу, сидящего на удобном стуле чиновника. Оконце, связывающее помещение кассы с общим коридором, было прорублено на высоте человеческого пупка не для забавы, а для того, чтобы кассиру было удобно работать сидя. Само собою получалось так, что каждый кто приходил за своей зарплатой или авансом стоял перед кассиром в форме вопросительного знака. В таком положении не очень-то приятно находиться любому нормальному человеку и именно поэтому кассир был самым уважаемым должностным лицом в совхозе.

Кто хочет по собственному желанию получить несколько увесистых мешков с медной или серебряной мелочью вместо плотной пачки денежных купюр? Такие добровольцы, естественно, не находились. Кулутай был весёлым человеком и иногда устраивал неприличные шутки со своими клиентами, которые, по его мнению, не совсем почтительно отнеслись к нему. Шёл тогда, матерясь во всеулышание, такой бедолага домой и не в кармане была его получка, а в руках. В довесок к своей зарплате получал такой клиент кассира ещё и приказ вернуть тару, то есть пустые мешки из-под мелочи, не позже, чем на следующий день.

Простому совхозному шофёру Ивану было сложнее. На бензовозе деньги не возят, а транспортируют только бензин и соляру. Кому нужно было тогда это

добро? Времена были такие, что даже в каждой тракторной бригаде, прямо под открытым небом, рядами стояли бочки и цистерны с самым различным нефтепродуктом.

Выручала немца Ивана мастеровая сноровистость и доставал, вернее, зарабатывал он всё необходимое для стройки сверхурочной, а очень часто и ночной работой.

Так и построились два соседа. Кулутай добывал материалы, а Иван пилил и строгал каждую свободную минуту за двоих. Выручал самодельный станок, смастерённый собственными руками. При помощи этого чуда техники и конструкторской гениальности превращался простой тёс в окантованные брусья, а не строганные доски в отличную вагонку или облицовку.

Бежали годы. Соседство превратилось в настоящую дружбу. Жена Ивана научилась готовить прекрасный бешбармак, а жена Кулутая печь хлебные булки размером с десятилитровую кастрюлю. На условно существующей меже сообща вырыли колодец, которым могли пользоваться обе семьи. Иван смастерил подъёмный барабан с ручками по обоим концам. Подходи с любой стороны и набирай воду.

Так и жили. Росли дети. Прибавлялся достаток. Живущие рядом мусульманин и христианин уважали обычаи соседа и своих убеждений один другому не навязывал.

Всё оборвалось враз, словно по чьему-то злому знаку.

Осень не только время уборки урожая. Поздней осенью на селе режут скот: казахи лошадей и крупный рогатый скот, а немцы свиней. Все готовились к этому загодя, как к празднику. Даже детвора, изголодавшаяся по свежему мясу, каждый день допытывалась о том, когда же, наконец, взрослые примутся за дело. Холодильники в те времена можно было в селе по пальцам пересчитать и поэтому все ждали морозов.

В тот злополучный день во дворе Ивана уже с раннего утра появились друзья и родственники. Мужчины, перед тем, как приступить к работе, конечно, дружно выпили в честь предстоящей свежатины. Затем взялись за дело. Всё было отлажено, словно на конвейере. Каждый знал свою работу.

Свиную голову, как правило, чистил всегда самый старый из присутствующих мужчин. Пятак выбрасывался собаке, а всё остальное, кроме костей и мозга, конечно, шло в ливерную колбасу. Пожилой мужчина, дальний родственник жены Ивана, подхватив отрубленный пятак кончиком ножа, стал им подразнивать большого лохматого кота, прогуливающегося в предвкушении сытого обеда. Проходящий мимо Иван подхватил его рукой, приговаривая: «Я сейчас устрою большую хохму». Что натолкнуло Ивана на глупую шутку он, наверное, и сам объяснить бы не смог. Скорее всего, алкогольные пары (кто же в такой день в ходе дела не принимает пару стопочек) ударили в голову.

Все с интересом смотрели на хозяина, и лишь жена укоризненно покачала головой. Очевидно, женская мудрость подсказала ей, что очередная шутка мужа добром не закончится.

Так и случилось.

Может быть, совсем иначе всё обернулось, если бы к колодцу первым подошёл Кулутай или кто-то из детей. На общую беду именно в этот день престарелая казашка поднялась после тяжёлой болезни из постели первый раз. Опираясь на клюку, она прошла по двору. Заглянула в сарай. Прошла к колодцу. Увидев прибитый к крышке колодца свиной пятак, она замерла в немом оцепенении. Её крик и громкие проклятья слышали не только ближние соседи. Вся улица была взбудоражена стенаниями оскорблённой старушки.

Не было Кулутая в этот проклятый день дома. Уехал он в районный центр за деньгами, а когда, наконец, пришёл домой, то застал мать при смерти. Она ничего не успела рассказать сыну. Он по глазам умирающей матери понял, о чём она беззвучно умоляла его.

Не унизился Кулутай до скандала или драки. Для него сосед Иван попросту перестал существовать. Вырыла приезжая бригада шабашников во дворе казахов новый колодец, а пока его не было, дети носили воду для всего хозяйства с соседней улицы.

Лишь много лет спустя, Иван, уже упаковав чемоданы для отъезда в Германию, решился зайти к Кулутая попроситься. Нелегко было начать разговор. Выручила жена. Она без слов подошла и обняла жену соседа, как родную сестру. У обоих на глазах появились слёзы. Таким простым и душевным образом женщины растопили всё же толстый слой многолетнего отчуждения.

Звонок

Женщина проснулась с биением сердца, похожим на судорогу. Полежала, прислушиваясь к ночной тишине. Посмотрела на часы – три часа. Глубокая ночь. Встала. Включила свет. Прошла к письменному столу. Взяла в руку карандаш, но мысли бежали вразброд и не хотели укладываться, как обычно, в строчки. Душу жгла какая-то тревога, не давая покоя. Подошла к окну. Раздвинула шторы. Темно. Тревога не отпустила, наоборот ударила, словно набат во время пожара, ещё сильнее по душе. Подошла к плотно закрытой двери балкона. Провернула ключ. Открыла дверь и вышла из освещённой комнаты в темноту крытого небольшим навесом балкона. Постояла, оглядывая тихий ночной город. Взявшись руками за поручень ограды, склонилась всем телом вперёд. Глянула вниз. Жутко, зябко стало ей. Могильным холодом потянуло от лежащего в нескольких десятках метров под ней серого дворового асфальта.

Посмотрела вверх на звёзды и дыхание перехватило. Беззвучный, молящий крик о помощи водопадом обрушился на неё. Немой крик беды рвался из чёрной бездны звёздного неба и заживо замораживал тело и душу. Женщина, как лунатик, не давая отчёта своим действиям, вернулась к столу. Автоматически сняла трубку телефона и нажала кнопку повторного набора. Вздрогнула всем телом, когда, наконец, услышала голос сына.

– Мама, ты?

– Как узнал, что это я?

– Почувствовал.

Два человека, разделённые огромным расстоянием, слышали дыхание друг друга, но говорить не могли.

Молодой человек стоял на балконе верхнего этажа высотного дома, держась одной рукой за ограждение, а пальцы второй руки судорожно сжимали мобильный телефон.

Женщина сидела на стуле, обхватив голову руками. Телефонная трубка была намертво прижата к уху.

Долго длилось молчание. Первой подала голос женщина.

– Как у тебя дела, сынок?

– Нормально, мама.

– Я не верю тебе.

– Нет, правда, всё в порядке, ты не беспокойся.

– Сынок, пожалуйста, помни, что у меня кроме тебя никого нет. Не оставляй меня одну!

На этот раз молчание длилось намного дольше, потому что мать была не в силах говорить и молча глотала слёзы.

Первым прервал затянувшуюся паузу в телефонном разговоре мужской голос.

– Мама, ты меня слышишь?

– Да.

– Ты только не волнуйся. Я скоро буду дома, и все твои плохие мысли развеются сами по себе.

Дальше ночной телефонный разговор протекал, как обычно. Закончился самыми тёплыми пожеланиями.

Женщина ещё долго сидела за письменным столом, успокаиваясь. Легче ей стало. Беспокойство ушло. Исчез и тревожный зов, вырвавший её из объятий сна.

Не по словам парня, а по голосу поняла мать, что в его сознании произошёл перелом, и он не сделает последнего шага, который мог бы разлучить их навсегда.

Встреча

*„Мне обмануться так хотелось,
Вообразить... А что? – Бог весть.
Но быть печалью чей-то – прелесть
Для сердца каменного есть»
(Светлана Суслова)*

Обычный телефонный звонок, как и многие другие. Константин недовольно глянул на мобильный телефон. Звонкая трель не прерывалась. Взял трубку в руку и, скорчив при этом самому себе мину, назвался.

Голос вначале показался незнакомым. Прислушался внимательнее.

– Она!?

Дальше разговор проходил, словно в дурмане. На вопросы отвечал невпопад и невнятно. Весь короткий диалог прошёл сумбурно, и он, позже, даже не смог вспомнить подробности.

Сообразил всё же попросить о свидании. Время и место назначила она.

Память вырвала из настоящего. Прошрое поднялось из глубины и заполнило, заполонило всего без остатка.

...Много лет прошло с тех пор. Побродил он за эти годы по свету. Насмотрелся всякого. Были и женщины, и развлечения, но только другой такой любви не было никогда. Не пришлось ему второй раз испытать тех чувств, которые осели на дне памяти, как шарик живой ртути.

На свидание пошёл намного раньше назначенного времени. Походил по парку. Вышёл к реке. Долго искал знакомую берёзу. Постарела, сдала она. Кора из чисто-белой, стала какой-то зеленовато-серой. На месте, где когда-то оставили они свои инициалы, бугрился лишь лишайный бородавчатый нарост, и ни букв, ни сердца не было видно. С тяжёлым, давящим душу чувством вернулся в парк.

Её он увидел издалека. Она шла, помахивая сумочкой, похожей на длинный ученический пенал. Узкая, стройная и всё ещё до умопомрачения красивая.

Константин знал, что слово любовь уже затаскано, замызганно и опошлено людьми, но именно в этот миг он не нашёл бы другого определения своим чувствам, которые вновь жгучей, удушающей волной поднялись из самой глубины сознания.

Обнять захотелось ему её прямо здесь. Немедленно и до боли сжать в своих объятиях и навечно слиться с ней воедино.

– Что же я натворил? Почему убежал, как подлый трус от неё? Боялся потерять свободу? А к чему мне она теперь? В чём смысл моих вечных исканий и скитаний?

Он поднял глаза и ещё раз пристально посмотрел на неё.

Ему навстречу шла женщина, знающая себе цену и знающая о том, что все мужчины обращают на неё внимание, возможно, именно поэтому её походка была несколько вызывающей, провоцирующей.

Она подала руку. Оглядела с головы до ног.

– Молодец, неплохо выглядишь.

Он не нашёл слов в ответ. Промолчал, лишь глянул ей в глаза и, насторожился. Что-то было не так. Не те глаза. Не поверил самому себе, но боясь напугать, насторожить её, вежливо отвёл взгляд в сторону.

Она не жаловалась на жизнь. Наоборот, из её рассказа вырисовывалась довольно чёткая картина хорошей профессиональной карьеры. Инициатором в разговоре почти всё время была она, и умело вела его в нужном ей направлении.

– Это не она. Эта женщина не та, которую я знал раньше. Ту, прежнюю, я любил, она была моим идеалом и кумиром. Она была неземной феей, и я даже пальцем боялся прикоснуться к ней, считая это кощунством. А теперь? Передо мной женщина, которая практична, как зубило и молоток в руках скульптора, и она пытается изготовить из меня нужную ей фигуру. Она стала жадна и расчётлива в чувствах, и не отдаёт больше свою энергию, как прежде, а, наоборот, тянет, впитывает в себя чужую.

Побежала лёгкая беседа ни о чём, пустая, как выпитая винная бутылка. На его вопросы отвечала коротко. Все его попытки перевести разговор на прошлое и на их непростые отношения, очень деликатно, но твёрдо отклоняла.

Разговор зашёл в тупик.

Сухо попрощались.

Она, всё так же небрежно помахивая сумочкой, бойко застучала каблучками по асфальту.

Константину перехватило горло. Он негромко окликнул её.

Она с равнодушным видом оглянулась. Именно в этот миг он понял, что потерял её окончательно.

До этого мгновения в душе, в самой её потайной глубине, жила искорка надежды, что они когда-нибудь будут вместе. Эта надежда мучительно умирала теперь в нём, и он ничего не мог против этого предпринять.

– Неужели я виноват в том, что она стала такой?

Лювена

Женщина стояла с закрытыми глазами, крепко обняв ствол берёзы. Издалека происходящее, наверное, выглядело несколько необычно, и можно было подумать, что она совершает какой-то таинственный, только ей известный обряд.

Для Надежды это не было простым обрядом в прямом смысле этого слова, а что-то гораздо большее. Здесь, на крохотной лесной полянке, похожей на уютную садовую беседку, настолько близко сходились кроны деревьев, она заряжалась энергией на целый год вперёд, до следующего тайного свидания. Она не просто приходила на свидание с берёзой, а как бы по-новому оживала, жила здесь теми давними осенними вечерами.

Каждый раз, сливаясь с деревом в одно целое, она вновь испытывала такие чувства, которые не смогла бы описать словами. Мучительно это было, больно, но в то же время настолько хорошо, что она чувствовала, как всплывает, воспаряет, укутывается в сладкую, всё покоряющую истому. Пальцы рук как бы снова зарывались в чёрный ёжик волос любимого человека, и блаженство охватывало при этом не только тело, но и душу.

Лесная поляна была хранильницей тайны, известной только двоим живым существам на свете – бригадиру садоводческой бригады Надежде Грабовской и командированному на уборку урожая солдату срочной службы Виктору Краузену*. На маленькой полянке провели они немало часов вместе. Именно здесь, под большой раскидистой берёзой родилось чувство, которое связало две души крепче цепей.

Глупая болтовня подружки. Недоразумение. Обида. Желание быть твёрдой и непреклонной.

Надежда в раз оборвала все контакты с любимым. Прямого разговора ни разу не допустила, несмотря на многочисленные попытки Виктора.

...Он подошёл попрощаться. Громким, срывающимся голосом сказал, что их отряд по тревоге перебрасывают в соседнюю область на прорыв и ему нужно поговорить с ней с глазу на глаз.

Вся девичья бригада дружно повернула головы в сторону ладного солдатика, стоящего перед бригадиршей. Только одна из них отвела глаза в сторону. Знала она свой грех, свою вину. Наболтала Надежде, что солдатик сей, не так прост, как прикидывается. Не полную правду, а, точнее сказать, неправду сказала она. Помог ей как-то прикомандированный солдат дотащить тяжёлый ящик с яблоками до грузовика, а остальное было плодом богатой девичьей фантазии.

– О чём?

Голос не выдал, прозвучал холодно, а обида за мнимую измену захлестнула, обожгла. Глянула на подругу, виновницу всего недоразумения, та сидела, отвернув голову в сторону.

Его голос прозвучал, как из другого мира.

– Ты сама знаешь.

«Точно! Было! Не солгала подружка».

– Мне скрывать нечего, говори при всех.

Его лицо залила краска.

– Как ты можешь? Я же живой человек, а не робот. Люблю я тебя, понимаешь! Люблю! А ты? Что ты творишь со мной? Зачем играешь мною, как с бесчувственной игрушкой?

Вся бригада с интересом смотрела на свою «командиршу», как в шутку называли её девчата.

– Лети туда, откуда прилетел, касатик. Вас много таких порхает здесь. Ищете сладенького удовольствия, а другим только лишние хлопоты.

Девчата, сообразив, что у них на глазах разыгрывается неприятная сцена, подались от бригадного шалаша в сад.

– «Подождите, я с вами».

Не выдержав, коротко глянула в его сторону. Виктор стоял с опущенной головой.

– Я вернусь! Слышишь, клянусь тебе, я вернусь!

Она не обернулась на его голос. Пошла с гордо поднятой головой, скрывая слёзы.

– Эх, сосунок! Он вернётся. Ага, знаем вас.

Дочь родилась в положенный срок здоровой и щекастой. Имя придумала сама, удивив не только родню, подруг, но и работников ЗАГСА. Дочурка Лювена стала светом в окошке для Надежды. Разуверилась она в мужском благородстве, но где-то в глубине души всё же тлела искорка надежды, что её Витя вернётся после демобилизации к ней, что он не такой, как все любители лёгких приключений.

Он не вернулся.

Надежда так никогда и не узнала о том, что её большая любовь, солдат срочной службы Виктор Краузенев, которому она поверила и доверилась, погиб при разгрузке воинского эшелона на железнодорожной станции, находящейся уже на территории другой области.

Никто из солдат и офицеров, принимавших участие в разгрузке, не мог понять, как такое могло случиться. Он громким голосом подавал очередному водителю команду сдавать назад, а сам вовремя не отошёл в сторону. Два задних борта многотонных грузовиков сжали тело, как мощнейший пресс.

Не узнали и родители Виктора, так нелепо потерявшие единственного сына, что есть у них всё же наследница. Их родная внучка была как две капли воды похожа на своего погибшего отца. Та же бело-матовая кожа лица и те же густые чёрные кудряшки и глаза с еле заметной азиатской раскосинкой.

Уехали два одиноких старых человека в Германию, не зная о том, что в далёком Кыргызстане у них осталась прямая наследница рода – внучка, по имени собранному из трёх слов – **Любовь! Вера! Надежда!**

***Краузенев** – мать Раймунда Краузе, отец Султан Узенов

Приключения Ута

Ут стоял напротив большого лохматого зверя, но не боялся его. Не было ему страшно и всё тут. Даже забавно было смотреть на большущие, слегка подрагивающие и кажущиеся от этого смешными, усы. Зверь потрогал Ута своей длинной лапой. Это прикосновение вдруг встревожило малыша. Совсем не таким оно было, как привычное прикосновение братьев, сестёр или мамы-утки. Она иногда и не очень вежливо обращалась с непослушным сорванцом, но всё же острые кончики когтей ещё ни разу в жизни не коснулись его бархатной шкурки, а здесь кольнули, словно острые шипы кустарника.

Со злыми кустами, а особенно с их шипами он уже имел дело. Прогуливаясь неподалёку от своего дома, сорвался с обрыва. Кусты не преминули выместить на нём своё неудовольствие. Хватали за бока и вообще за всё, что могли. Приземление в гнилые ягоды и листья на дне канавы тоже было не из приятных, но самым страшным оказалось то, что он вдруг оказался один. Ни мамы, ни братьев, ни сестёр. Со страху залез под огромный лист лопуха. Здесь и нашла его мама. Домой добирались целую вечность, и урок с кустарниками запомнился надолго.

Но в этот раз он ведь обошёл злые кусты далеко стороной, почему же лохматый, кажущийся таким добродушным, зверь колет так же больно. Поддал так, что Ут, как шарик, покатился по траве.

– Ой-ой-ой! Пора домой!

Но не тут-то было. Зверь разыгрался не на шутку и покатился малыш, подбрасываемый курносый носом драчуна, по траве всё дальше от своего родного дома. От очередного особенно сильного пинка совершил полёт, который закончился в знакомом от края и до края озерке-луже. Само приводнение не было таким удачным, как обычно, вода больно ударила, словно большой лапой, по всему животу, но затем привычно обняла и смягчила неприятное ощущение. Зверь, высоко задрав хвост, трогал лапой воду.

Ут нырнул. Продержался, сколько смог, под водой. Вынырнув, глянул на то место, где только что стоял его враг. Пусто. Посмотрел на противоположный берег и увидел, что лохмач уже торопливо, вслед за маленьким шустрим зверьком забирается на дерево.

– Путь свободен.

Привычно загребая лапками, припустил к своему берегу. Уже почти возле самой кромки озерца глянул в сторону знакомой тропочки, которая вела к родному дому, и увидел в траве нового врага.

Чёрный, страшный с виду зверь на высоких, тонких, как палки, ногах прогуливался по тропинке.

- Каррр...

Малыш нырнул и продержался под водой до самого последнего момента, который мог выдержать. Вынырнув, глянул на берег. Незванный гость, важно выставив грудь, прогуливался по прибрежной травке.

– Дорога домой отрезана.
– А теперь?

Негромкий жалобный писк только раззадорил чёрного носастого зверя, и он неторопливо шагнул в воду. Ут стал забираться в противоположную сторону, но глянув на берег, увидел, что лохмач уже снова стоит возле самой воды и с любопытством поглядывает на воду. Глянув назад, увидел, что чёрный голенастый враг шагает, уже по самое брюхо в воде, в его сторону.

– Куда дальше?

Вдруг там, где только что вышагивал каркающий зверь, раздались сильные удары по воде и испуганный вскрик: «Кр...» Ут настороженно посмотрел в сторону чёрного врага, а тот бестолково молотил по воде крыльями, а затем, с трудом развернувшись в доставшей ему почти до спины воде, что было духу, припустил к берегу. И там яростно забил крыльями. Целый фонтан брызг, подсвеченных, раскрашенных в яркие цвета лучами солнца, словно нимб поднялись над ним. Голенастому зверю было, очевидно, не до красот. Он тяжело, с разбегом, поднялся на крыло. Сердитые крики карррр... карррр... карррр... огласили всю окрестность. Малыш, чуть не вывернув себе шею, глядел крылатому бандиту вслед.

– Ага, один отвязался.

Ут посмотрел в сторону четвероногого врага-лохмача и увидел, что тот уже развалился на прибрежной травке и даже не смотрит в его сторону. На самой нижней веточке ближайшего к озерку дерева теперь гордо восседал знакомый маленький зверёк с длинным пушистым хвостом. Этого зверька Ут знал уже давно. Они даже встречались как-то с ним на тропинке. Дружба, правда, не получилась, но врагами тоже не стали. Зверёк мигом исчез в злых кустах, как только Ут попробовал тронуть его клювом-лопаточкой за хвост-метёлку. После этого они долго не встречались и теперь с любопытством поглядывали друг на друга.

– Опасности нет, можно домой.

Малыш, косолапо пришлёпывая по прибрежному песку перепончатыми лапками, припустил к знакомой тропинке.

– Кря... Кря... Кря...

Над самой головой, пролетела утка-мама. Не прикрыла она, как обычно, сына, а громко прохлопала над ним крыльями. Малыш оглянулся назад.

– Ого-го-го!

Мамаша, широко раскинув крылья и вытянув длинную шею, отчего казалась намного больше, чем была на самом деле, воинственно перекрыла весь проход между кустами, а перед ней, выгнув дугой спину, стоял лохмач.

Теперь Ут заработал ножками во всю силу, а из родного гнезда на него с укором уставились братья и сёстры: «Что, неслух, опять из-за тебя переполох?!»

Хор (фантастика)

Хор перестал в последнее время понимать, чувствовать свою дружину. Его детище являлось не только боевым отрядом Семьи, а чем-то большим. Воины были не разрозненная группа, умело взламывающая, словно спелые орехи, чужие колонии. Нет! До недавних пор дружина была мощной дубиной, сокрушающей всё на своём пути без страха и сожаления. Но что-то непонятное происходило с воинами, и бывалый Предводитель чувствовал это всем нутром. Тревога Хора росла. Ощущение, что между ним и его воинами время от времени возникает какая-то невидимая, но непроницаемая стена, всё чаще посещала его. Это необъяснимое явление тревожило опытного бойца. Он всегда, во всех самых сложных ситуациях, в первую очередь, добивался ясности, и тогда все проблемы решались сами собой. Теперь же тревога росла откуда-то из глубины собственной души, и объяснения ей бывалый воин найти не мог. Видел он, что его дружинники порой становились совершенно другими, чем прежде. Глаза их были, как всегда, широко открыты, но жёсткого блеска, прежнего бойцовского задора им не хватало. Взгляд уплывал куда-то, и именно в такие моменты цвет их щитов был непостоянен. Первые признаки чего-то нового замечал Хор и раньше. Стали появляться на щитах его воинов, особенно часто во время отдыха, когда они находились в захваченных колониях, проблески розового или голубого оттенка, но не придавал он им большого значения.

«Это чёрные лучи нашего Светила или отблески огня отражаются на щитах и при этом меняют свой цвет», – думал он.

Щиты служили воинам не только для прикрытия. Они были неотъемлемой частью каждого бойца. От своих Защитников воины заряжались эмоциональной энергией, помогающей переносить все физические и психологические тяготы походов. Щиты являлись драгоценным наследием, пришедшим из далёкого прошлого. Светило было тогда, по преданиям, ещё светлым, а не чёрным. Никто, даже Хор, не знал: кто, когда и как их смастерил, но в могущественную силу щитов верили все. Не зря при проходах в поход каждая Охраняющая Очаг, протягивая щит, говорила уходящему воину: «Со щитом или на щите».

Умирили, уходили в прошлое воины, и лишь щиты оставались. Щиты могли прикрыть, но могли и отказать в помощи. Щиты были важнее жизни воина. Воин умирал, а его щит доставался следующему Дстойному. Щиты не были живыми существами в прямом смысле этого слова, но обладали свойством самовосстанавливаться, и эту тайну разгадать никто не мог.

Щиты его воинов всегда, сколько помнил Хор, горели ровным тёмно-матовым цветом напора и ярости. Выстроенные воинами в ровную шеренгу щиты составляли чёрную отражающую любые удары стену. Эта стена служила гарантией выживания не только дружины, но и всей Семьи. Свои походы предводитель организовывал так, чтобы тыл был надёжно защищён. Пошады от противников он не ждал, но и сам не знал чувств милосердия и этого же

требовал от своих воинов. Вражеские колонии, как бы крепко они ни были защищены, захватывались и разрушались, и вся их Энергия доставалась Семье.

– Побеждать и уничтожать!

По этому принципу жил Хор, и другим мыслям и чувствам не позволено было посещать его душу.

Раздумья «клонированного Homo sapiens» Но откуда берётся чувство беспокойства? Где корень? Как можно бороться с невидимым неприятелем? Каким оружием разить врага, который разъедает изнутри? Откуда всё чаще появляются не только на щитах дружинников, но и на моём собственном Защитнике непонятные, необъяснимые цвета радуги. Играют розовые и голубые цвета свои игры на матово-чёрной поверхности, и смыть их не удаётся даже кровью врага. И цвет глаз моей личной Хранительницы Очага, когда она протягивает мне щит, становится в последнее время невыносимо ярким: и будоражит, и волнует не в меру. Сердце бьётся при этом неровно, и на душе становится беспокойно. Что со мной? К чему это приведёт? Какое оружие изобрёл враг, чтобы победить не только меня, но и дружину.

– Нас хотят уничтожить?!

Хор умер в очередном побоище, так и не познав чудесных, обновляющих и оживляющих мир чувств. Не узнал он, что не только чудотворные щиты, но и его воины заряжались в захватываемых колониях невидимой всевластной энергией, которая служит вечному продолжению жизни на земле, а не всеобщему разрушению.

Конфуз

Переселенец-Aussiedler* – это не просто рядовая личность, предки которого когда-то выехали из западной Европы, а сам родился где-то на просторах азиатской Ойкумены. Нет! Переселенцы, прибывшие из далёкой Азии в Германию, что-то совершенно новое, уникальное. Есть в них такое, чего словами не объяснить. Это и понятно. Смешались в них менталитеты стольких народов, что их перечислить невозможно. К счастью, большинство переселенцев не утратили чувство здорового юмора и умеют отделить его от издевательских выпадов и насмешек. Научились аусзидлеры за много лет перекочёвок, как настоящие кочевники, жить скученно, но дружно. Контакты налаживаются быстро. Дружат семьями даже после того, как выбираются из «хайма*» в собственные квартиры. Встречаются, к сожалению, среди переселенцев и персоны, злобно высмеивающие всё и всех. Такие доводят не только себя, но и других до ступора. В доме, где появляются такие злобствующие особи, миру места больше нет.

Бывший германец-переселенец шёл на Восток не с ружьём и пушкой, а с плугом, косой, сеялками и веялками. Не стеснялись пионеры учиться новому у аборигенов. Перенимали и юмор. Учились и шутить, и подшучивать не только над соседом, но и над самим собой. Всезнаек с чёрным юмором в те давние времена было мало, а вернее сказать, их можно было по пальцам пересчитать, и вреда они никому не приносили, потому что слова «*достоинство*» и «*уважение*» тогда ещё не утратили своего истинного значения.

Теперь не те времена. Радио, видео и телевидение придуманы не зря, и мусора в этих современных средствах массовой информации – хоть отбавляй. Обучиться можно всему, и хамству, при желании, тоже. Прогресс – он и в Кандалакше, и в Уссурийске, и в Бремене, и в Берлине, и в Караганде – прогресс, а Интернет, новорождённый сыночек прогресса, помогает всезнайкам в любой точке земного шара очень быстро оказаться «на плаву».

Иные «спецы широкого профиля», нахватавшись информационных верхушек, выдают себя за живой, энциклопедический справочник, не только в пересылочных лагерях, но и в так называемых «Нотвоунунгах*». Достаётся от таких всезнаек-юмористов на орехи всем подряд, невзирая на лица и возраст. Ехидные советы раздаются пулемётными очередями.

Всезнайки – народ любознательный. Но не любят, или не умеют, признавать, что знают только про верхушки, а до фундамента, до истины им добираться некогда. Уличить всезнайку в недостатке знаний не просто по одной причине – они очень большие стратеги и дипломаты. Припереть «специалиста по всем предметам» к стене нелегко.

*****

В одном из коммунальных домов, а вернее сказать, в „Notwohnung“, где временно проживало три десятка переселенческих семей, произошла трагикомическая история. Встретились лицом к лицу, на забаву жильцам, два спеца, знающие ответы на все вопросы. Некоторое время неприличные перепалки смешили население дома, а потом наступило затишье. Как поладили между собой всезнайки, жители хайма не узнали, но их объединённый натиск

почувствовали все. Вступить в спор с одним из «знатоков» значило, что становишься мишенью для стрел-острот обоих. Пощады не было, спецы били дружно и больно. Бациллы чёрного юмора, мириадами рассеиваемые всезнайками, поражали, словно чума, многих жильцов. Дружная семья переселенческого дома стала разваливаться. Совместные чаепития и другие воскресно-вечерние мероприятия всё чаще стали проходить за плотно закрытыми дверями, чего раньше не было.

Первый из спецов, из-за своих высокомерных замашек получивший кличку Кайзер* (Kaiser), приехал в Европу из северо-восточной части Азии. Второй, по кличке Нестор* (Nestor), тоже недавно появившийся в переселенческом доме, переселился на Запад из южных широт бывшей советской империи. Характеры у обоих оказались ещё те: видно, прошли испытания на прочность в суровых житейских условиях советских коммуналок. Аусзидлеровское семейное общежитие посчитали они местом, где можно и дальше оттачивать своё мастерство и преподавать уроки незнайкам. Спуску они не давали никому, и «эрудированные» споры вели с апломбом дипломатов высокого класса.

Большинство жителей переселенческого дома молчком стали выслушивать советы всезнаек. Кому хочется быть объектом острых насмешек? Правда, иные оппоненты спецов проявляли мужество и говорили, что советы не попадают «в лист», но «знатоки» свои позиции не сдавали и всеми правдами, и неправдами боролись за уважительное отношение к себе. Карьера у обоих закончилась не так, как им бы хотелось, но зато все жители дома враз повеселели. Причиной катастрофы послужило банальное «туалетное дело», как позднее выражались очевидцы. Слово «фусак» стало надгробным камнем над карьерой «чёрных пророков».

Поменяли в мужском туалетном помещении оборудование в ручкомойниках, а о том, что для экономии воды вместо простых механических кранов установили новые автоматические клапаны, реагирующие на движение рук, жильцов своевременно не проинформировали. Эти сантехнические работы и подмочили престиж двух всезнаек, принимавших участие в «запуске» новых кранов.

Сантехник, проводивший ремонт, был весёлым человеком и во время работы с кранами и трубами любил побалагурить. Развлекая малышня и любопытных женщин, он и сам повышал свой культурный уровень артиста кабаре, где ему раньше, до переезда в Германию, посчастливилось поработать в роли конферансье. Выходец из далёкой Азии знал, что его земляки любят шутки и розыгрыши, и не преминул воспользоваться возможностью разыграть юмористическую сценку, даже не подозревая о предстоящих последствиях, которые, как бесконечная нитка с катушки, потянулись вслед за безобидной шуткой.

Один из любознательных малышей пришёлся ремонтнику по душе. Ушастолобастый мальчуган совал свой нос в каждый угол. Не помогло даже грозное предупреждение мамы, время от времени заглядывающей в туалетное помещение. Шепелявящему мальчишке было позволено стать своего рода подсобным рабочим мастера. Его работа заключалась в том, что, восседая в углу на высоком стуле, он исправно отвечал на вопросы своего нового друга. Язык во время работы с кранами и трубами слесарю не нужен, а мирная беседа обогащает речь и интеллект. Вопросы сыпались с обеих сторон, и не каждый раз собеседник находил нужный ответ, но это не нарушало душевного равновесия занятых делом мужчин.

После переоборудования первого ручкомойника было, с обоюдного согласия, решено опробовать его в действии.

- Васятка, попробуй помыть руки.
- Я же не могу, слишком высоко.
- Пододвинь стул.
- Дяденька, а где клан?
- Эврика! – именно в этот миг родилась у бывшего артиста оригинального жанра идея пошутить над малышом.
- Я тебе раскрою секрет новых кранов. Ты каждый раз должен сперва сказать одному тебе известный пароль, а затем провести рукой под гусиным носиком, и только тогда вода побежит из дырочки.
- Вот это да! Почти как в шпионском фильме, – подумал малыш.
- Глаза мальчугана широко раскрылись, и лицо стало похоже на фотографию совы, снятой ночью в упор с фотовспышкой.
- А палоль?
- У каждого жителя вашего дома будет свой. Ты в какой комнате живёшь?
- Малыш пулей вылетел из помещения, но через мгновение был уже снова на стуле возле раковины.
- Мамка сказала у нас комната двадцать тли.
- Посмотрим, какой ваш фамильный пароль, – и шутник демонстративно порылся в своих чертежах.
- Как твоя фамилия?
- Васятка Линька.
- А как она пишется?
- У мамки спросу.
- Через минуту мальчишка уже протягивал своему учителю бумажку.
- Ага, Василий Линькер, – так и регистрируем.
- Твой личный пароль будет – Линьк. Объясню почему. Ты же ещё не можешь выговаривать букву Р, которой заканчивается твоя фамилия, а значит и не сможешь умыться. Мы же с тобой друзья, и я тебе сделаю исключение. Я сокращаю твой пароль на две буквы. Усёк? Но об этом никому ни слова, а то я могу и с работы загреметь за самовольство, ты ведь знаешь, как трудно устроиться. Вон сколько по городу безработных шляется.
- Для большей убедительности, шутник с опаской глянул на дверь, приложив при этом палец к губам. Малыш тотчас проделал такой же жест. Сердечко бедного пострелёнка от переполнивших его эмоций билось уже не в груди, а где-то возле самого горла.
- Теперь я тебе ещё один секрет раскрою – есть главный, то есть генеральный пароль, которым может пользоваться любой человек, желающий помыть руки в вашем доме. Смотри и слушай.
- Русак, – и быстрое движение рукой под носиком.
- Струя воды, распылённая сеточкой, со звоном ударила в эмалированную жесть.
- Вот это да! А этот палоль буду знать только я?
- Конечно. Ты и я.
- Счастью мальчишки не было границ. Никто, даже взрослые, не знают того, что знает он. Торжественно проводил он своего нового друга до калитки. Проезжая улица была для него строжайшим запретом, но, оглядевшись по сторонам, добежал он до небольшого пикапчика*, чтобы позвать на прощанье верному другу руку. Тот после официальной церемонии, махнув рукой из оконца автомобиля, исчез за углом.
- Как можно жить с таким страшным секретом? Целый час промаялся мальчуган, прогуливаясь по коридорам. Прямо-таки немоготу стало ему. Вышёл во двор. К автобусной остановке подъехал автобус. С громким шипением открылись

двери, и большая группа женщин и мужчин, гуськом, громко переговариваясь, пошли по узенькому тротуару к дому. Мальчишку озарило.

– Спрячусь в одной из туалетных кабинок и подсмотрю, как взрослые будут мыть руки.

Задумано-сделано. Но не усидишь ведь на горшке без дела, если от умывальников раздаётся ругань.

– Куда они этот проклятый кран спрятали? Спасения нет от этих Шпармаснаме (Sparrmasnahme*).

Очередь к туалетным кабинкам росла на глазах, а у раковин, где первыми стояли всезнайки, вообще всё застопорилось.

Малыш выбрался из своего убежища и подал голос:

– Дяденьки, а вы свой палоль знаете?

Один, из уже изрядно «поддавших» по дороге мужчин, по кличке «Хмудря», сердито подал голос:

– Что? Ты чего там мелешь, огрызок социализма?

Все мужчины дружно, как по команде, повернули голову к мальцу.

Васятка торжественно продемонстрировал своё знание. Пододвинув стул к раковине, и торопливо проговорив пароль, помахал над раковиной рукой. Вода пошла. Взрослые удивлённо уставились на малыша.

– Васька, повтори, – опять подал голос Хмудря.

– Линьк, – взмах руки, и следующая порция воды не заставила себя ждать.

Мужчины по очереди мыли руки, а мальчишка регулярно подавал звуковые и двигательные команды. Никто, даже всезнайки, в толкучке у раковины не обратили внимания на руку мальчугана, ритмично двигающуюся над раковиной. Народ прибывал, ведь после «определённых» операций руки необходимо помыть, и одного раковинника стало не хватать.

Уставший мальчишка взмолился:

– Вы длугой клан включите.

– А как?

– Скажите «лусак».

Слово «лусак» было произнесено на все лады, со всеми возможными акцентами и ударениями на всех слогах. Воды нет.

Хмудря, теперь уже не так сердито, проворчал:

– Васятка, может не лусак, а русак?

– Канесна, я же говолю лусак.

Новые попытки положительного результата тоже не дали.

Наконец малыша осенило – взрослым, так-же как и ему, нужно не только говорить, но и действовать для того, чтобы пошла вода.

Вода брызнула из всех раковин. В переселенческом доме несколько часов подряд на все голоса громко звучал генеральный пароль. Детей даже пришлось отгонять от раковин, настолько пришлась им по нраву модернизация и автоматизация, проведённая в туалетном помещении.

Инструктаж хаусмайстера*, приехавшего проверить работу сантехника, вызвал у всех жильцов хайма оторопь, похожую на кому. Для престижа спецов этот короткий инструктаж явился смертельным ударом.

Всезнаек в этот знаменательный день никто из жильцов больше не видел и не слышал, а Хмудря, у которого в обычном разговоре на трезвую голову со всезнайками явно не хватало слов на обоих языках, выразился в тот вечер красочно и выразительно. Он своим сильным голосом выдавал из курилки такие словесные шедевры, что женщинам пришлось запереть детей в комнатах.

Вечером во дворе, на официально не объявленном собрании жильцов дома, было опять шумно и весело. Тема разговора у женщин была одна – новые краны в туалетной комнате и конфуз, случившийся у мужчин-всезнаек. А история с паролем «Русак», словно модный шлягер, пошла гулять по миру сама по себе.

Аусзидлер* (Aussiedler) – переселенец, принудительно выселённый с прежнего места жительства

Хайм* (Heim) – приют, общежитие

Нотвоунунг* (Notwohnung) – вынужденное, временное жильё

Кайзер* (Kaiser) – император

Нестор* (Nestor) – советчик, наставник

Шпармаснаме* (Sparrmaßname) – мероприятия в целях экономии

Пир

Солдатская жизнь на территории воинской части проходит однообразно, как ход часов: подъем, построения, маршировки, теоретические занятия в классах, а зимой - уборка снега возле казарм, в автопарках и т.д. И так каждый день, из месяца в месяц. Бывают, правда, редко, исключения. Именно это и случилось с воинами второго года службы Рахимом Валуевым и Карлом Либшем. Срочно понадобились на железнодорожной станции рабочие для разгрузки железнодорожного вагона с медикаментами, прибывшего в адрес воинской части.

Солдатская рабочая сила – дешёвая. Вагон, забитый под самую крышу ящиками, стоял в тупике. Грузовики подогнать вплотную не удалось, и солдаты, словно китайские «кули», скользя по накатанному снегу кирзовыми сапогами, таскали ношу на себе. Уставшие ребята не удержали один из ящиков, и он, боком проехав по окантовочному брусу пола вагона, полетел на промёрзшую, словно камень, землю. Крышка ящика с одного бока отошла. Рахим, который был пошустрее своего друга Карла, воспользовавшись тем, что ответственный за разгрузку офицер-медик ушёл греться в будку к дежурному по товарному двору, запустил руку под крышку. Появившаяся на свет картонная упаковка понравилась на вид обоим, но разочаровала тем, что в ней не оказалось ничего съестного, а только какие-то пачки с таблетками.

Водитель грузового автомобиля, увидев картонную коробку в руках Рахима, украдкой огляделся по сторонам и тихо проговорил:

– Братаны, это же высший кайф. Вы чё с глужда съехали? Такой момент только дебил упустит. Ну-ка, пару упаковок сюда, а ящик по-быстрому закрыли. Никто из нас ничего не видел. Я вам в придачу ещё фляжку спирта подброшу, попируете у себя в казарме.

Две картонки мигом оказались под сиденьем водителя, а третью поделили Рахим и Карл, рассовав содержимое по карманам галифе и бушлатов. Фляжку с подаренным спиртом Рахим спрятал за пазухой. Вечером, в казарме, когда выдалось свободное время, составили план на будущее, заранее предвкушая пир без помех и свидетелей.

В казарме не попьанствуешь: бдительные командиры свои лычки и звёзды носят не зря – значит, нужно всю добычу переправить в автомобильный парк, где находится учебный класс, отапливаемый не центрально, а двумя буржуйками. Спирт и пачки с таблетками – спрятать в сугробе за учебным классом.

На следующий день Карл удивлялся своему приятелю, который был повыше ростом и шёл в строю впереди. Как-то странно заносило всё время Рахима на поворотах, за что он даже получил строгое предупреждение от командира взвода. Не знал Карл, что его шустрый друг уже успел попробовать несколько украденных таблеток, и они пришлись ему по вкусу.

Через пару дней всё удалось так, как приятели задумали. Их оставили на всю ночь в учебном классе одних и даже разрешили сходить вечером по очереди в столовую без строя.

Рота, гремя по булыжнику стальными пластинами подков, скрылась за углом огромного каменного гаража, построенного ещё пленёнными японцами.

Два солдата, оставшиеся по приказу командира в автопарке, переглянулись и весело хлопнули в ладоши: «Ура! Получилось!».

Рахим из столовой вернулся очень довольным. Булку хлеба, две большущие луковицы и жирную селёдку торжественно положил он на стол перед Карлом.

– Вот как надо уметь! Ты впустую сходил. А я – видал?

Карл вопросительно уставился на друга.

– Ты не бойсь. Я всего чуток спирта отлил из фляжки и отдал пацанам, несущим наряд на кухне, но им ничего про наш халявный кайф не рассказал. Они спроворили мне в виде благодарности этот хавчик, теперь живём. Три четверти литра медицинского спирта, а «колёс» вообще не сосчитать. Лафа, да и только! Ты, Карлик, меня слушай. Со мной не пропадёшь, но сперва нам нужно раскочегарить буржуйки докрасна, чтобы до утра не замёрзнуть. Эх! Попируем!

А утром новая смена истопников застыла на пороге. Тяжёлый, удушливый запах горелого мяса ударил в нос, словно отравляющее вещество.

Оба курсанта, назначенные в дневной наряд, оставив дверь широко раскрытой, шагнули в дымный сумрак классной комнаты.

«Старик»*, солдат второго года службы Карл Либш, лежал в ближнем к двери углу в луже блевотины, а то что осталось от его друга Рахима Валуева, прислонилось обугленным тюком к уже полностью остывшей чугунной печке.

Старик* солдат последнего года службы

Убийство (фантастика)

Группа Слуг Закона провела последние приготовления к охоте. Все встали по назначенным местам, ожидая Её прихода, а, не преследуя, как обычно. На этот раз дело не должно было сорваться: слишком много поставили на карту исполнители необычной операции. Они никому из колонистов не открыли секрета своего плана, чем сами ставили себя вне закона, однозначно гласящего: «Злом не искореняют зло».

Она была объектом многих облав, но всегда, во все времена, уходила из расставленных ловушек, оставляя за собой след боли и мучений, а применить к Ней насилие не имел права ни один из жителей колонии.

На этот раз Она всё же попалась. Большой Алмазный Колпак прикрыл незримую прежде субстанцию. Впервые за все время они увидели своего давнего врага воочию. Ничего необычного. Внешним видом ничем не отличается от них. Ничего отталкивающего.

Но это было всего лишь умелой маскировкой, на что Она была непревзойдённой мастерицей.

Вокруг колпака стала образовываться любопытная толпа. Шум возрастал. Недовольство Слугами, взявшими Её в своеобразный полон, росло. Недовольны были все. Старейшины - тем, что было совершено святотатство, нарушена неприкосновенность пульта Жизни и Смерти. Молодёжь - тем, что не принимали участия в таком весёлом спектакле. Зеваки - тем, что всё обошлось без громких криков и скандалов. Особенно шумны были Её тайные Послушницы и Послушники. Около них, как от накалённого в огне камня, брошенного в сосуд с водой, расходились круги волнения. Требования наказать, то есть изгнать Слуг, звучали всё настойчивее, а Она, как опытная актриса, подыгрывала всем, расточая умильные, лживые улыбки-ужимки. Зачинщиков всего случившегося потребовали в Центр.

Слугам дорого достался Её прорыв. Одеяния не были полностью сорваны, но раны были нанесены неизлечимые. Медленно приходя в себя от чудовищной потери Энергии, слуги в недоумении смотрели на толпу:

– Чем вы недовольны? Ведь самый страшный враг всех жителей колонии в погоне за пультом Уничтожения попался на приманку и теперь находится в надёжной клетке, даже проявился, материализовался, наконец, и виден простым глазом. К тому же, не убили, не уничтожили Её, как следовало бы, а оставили шанс исправиться.

Предводителя Слуг Она при штурме колпака опрокинула наземь, и при этом часть Одеяния была сорвана зарядом, выброшенным Ею. Слуги подхватили Своего раненого Предводителя и подгоняемые выкриками прошли в центр круга. Затем они дружно, как по команде, расступились, и взорам присутствующих открылось голое тело пострадавшего. Зрелище было не из приятных. Таких картин колонисты ещё не видели. Удивление, недоумение, сочувствие можно было увидеть в этот момент в глазах присутствующих. Повреждения, как физические, так и духовные, всегда тщательно скрывались всеми. Показывать их считалось правилом дурного тона, отчасти - даже нарушением закона. А здесь во всей своей неприглядности открылись страшные раны. Не случайно и не по ошибке были они нанесены, а

умышленно, со знанием дела, и прямо на глазах, как кислота разъедает, разлагает живую материю, раны эти превращались в зияющие дыры.

Тихим, почти неслышным голосом заговорил покалеченный Слуга, и шум на площади медленно, словно костёр без новых дров, стал замирать.

– Да! Мы, Слуги, совершили проступок. Мы нарушили Закон. Мы сознательно допустили, что Она смогла добраться до пульта Жизни и Смерти. Жители, вы спросите Её, вернёт она добровольно в ваши руки это всемогущественное оружие или нет. Если да, то покарайте нас, как злостных преступников.

Предводитель не открыл секрета своего плана. Он сознательно умолчал о главном, и этим спровоцировал Её окончательно.

Все взоры жителей вопросительно обратились к Ней.

Торжествующе-величественно положила Она руки на пульт Уничтожения и всем без слов стало всё понятно.

Страх! Всё убивающий страх! Это чувство охватило площадь.

Раненый Предводитель Слуг, опираясь об бок наружного прозрачного колпака, приподнялся и встретился с Ней в упор, глаза в глаза, взглядом. Она смотрела на него торжествующе, а он, Стоящий у Порога, - с сожалением. Он знал, что обречён, но не жалел об этом. Поведение пленённой утвердило его в мысли, что поступил он правильно.

Предводитель заговорил вновь:

– Мы совершили не один проступок, а несколько. Под большим алмазным колпаком, построенным нами без общего согласия, находится не настоящий, действующий пульт. То, чем Она сейчас манипулирует, пытаясь выборочно уничтожить нас, не пульт Уничтожения, а всего лишь его макет, то есть бутафория. Вы посмотрите внимательнее в центр малого колпака. Каждый житель нашей колонии может видеть настоящий пульт Жизни и Смерти, а для обратной – он невидим. Она – оборотень, убивающий нас не столь физически, сколько изнутри, духовно, и именно поэтому попалась на нашу приманку. Мы знали, что среди нас есть Её Послушницы и это послужило причиной тому, что мы держали в тайне все приготовления.

Голос Предводителя прервался, но тишина над площадью не была нарушена ни единым звуком.

Предводитель, собравшись с силами, заговорил вновь:

– Под внутренней сферой внешнего колпака мы оборудовали «Пространство Исправления». Здесь, в этой тесной клетке, вы можете уничтожить своего извечного врага.

Она, во время монолога Предводителя, поняв, наконец, что попалась в ловушку, в бешенстве пыталась добраться до содержимого внутреннего колпака. Бесполезно! В две прозрачные полусферы было вложено столько Энергии, что проломить препятствие было не под силу даже Ей.

Только теперь колонисты увидели Её настоящее лицо. Пространство вокруг алмазного колпака, как по волшебству, мигом освободилось.

Прерывисто, временами почти неслышно Предводитель проговорил:

– Жители колонии, решайте – жить Ей дальше у нас, среди нас, в нас...

Уничтожить Её просто – не выпускайте на свободу, и она угаснет сама.

Мастер

Парл любил горы. Он их любил больше всего на свете, даже любимая женщина не могла конкурировать с ними. Если кто-то при нём в беседе упоминал затасканную поговорку «умный в гору не пойдёт, умный гору обойдёт», он складно, в рифму, саркастически бросал в ответ: «Только идиот – в горы не идёт». Последние слова были его жизненным кредо, которому он не изменял никогда. Он умер с этим девизом на губах. Он любил парить, плавать в воздухе и верным его помощником в любимом деле был Ковр.

Самым неприятным был подъём на Пик. Пиком все «Плавающие в Небе», как в шутку величали их друзья, любовно называли высоко возвышающуюся над всеми скалами одинокую горную вершину. Пешим ходом добираться десятки километров до вершины, было лишней тратой времени. Тросовые подъёмники не доходили даже до подножия Пика, и поэтому приходилось забираться в жестяное, грохочущее нутро «вертушек». В вертолёте Парл страдал не только от невыносимого шума, но и от тесноты. Не любил он, когда чей-то локоть упирался ему в бок или, что было ещё неприятнее, куда-нибудь в спину. Его стихией были ветер в лицо и чувство парения, полёта.

Ковр, клинообразное подручное средство для плавания не по воде, а по снегу и воздуху, был изобретён случайно. На одной из высокогорных метеостанций какой-то рабочий решил прокатиться по снежному склону в чаше параболической антенны, честно отслужившей свой срок. Забава, к счастью изобретателя, закончилась благополучно. Стальная чаша, со своим живым грузом, благополучно перелетав, именно перелетев, а не проехав, через несколько впадин, самопроизвольно изменив траекторию движения, опустилась в небольшое ущелье, набитое снегом. Срочно пришлось вызывать на помощь «вертушку». Спасатели, четверо здоровых мужиков, с трудом вытащили полузамёрзшего горемыку из ущелья, находящегося намного ниже станции. Рабочего-новатора уволили, начальника станции заменили, но идею скоростного спуска на подручном средстве, принципиально отличающемся от лыж, убить не удалось. В шутку назвали новое средство передвижения Ковром-горолётом. Второе слово со временем само по себе отпало, а молодые ребята вообще отбросили все лишние звуки и, таким образом, родилось новое слово – Ковр.

Парл не был в числе первых наездников Ковра, но зато был самым изобретательным в вопросах его усовершенствования. Он даже достал новую синтетическую мазь-краску, которая не расплывалась ровным зеркальным слоем по поверхности, а образовывала своего рода чешуйки, как у рыб. Нелегально сумел он добыть это чудо, но удивлялся авиаконструкторам, до которых не дошло, что при помощи простого нанесения нового покрытия можно существенно сократить расход топлива огромных воздушных лайнеров. Зачехлённый Ковр немногим отличался от лыж. Размером, правда, ковровый футляр был шире лыжных чехлов, но и только. В развёрнутом виде Ковр был похож на рифлёную площадку-трапецию. Устоять на этом чуде, да ещё на крутом спуске было сложнее, чем прокатиться на необъезженном мустанге, но именно это привлекало отчаянных парней и девушек. Новички ездили на Коврах лёжа, а остальные как могли, а, вернее, у кого насколько хватало смелости и умения.

Во время спуска Парл мог исполнять кульбиты и сальто так, будто родился с лыжами в обнимку. На Ковре исполнять упражнения вольтижировки было намного сложнее. Громоздким оказался этот аппарат для исполнения фигур высшего пилотажа, но зато большая поверхность, служащая своего рода крылом-парусом, имела свои преимущества. На Ковре можно было без труда преодолевать по воздуху большие расстояния, чем он и пользовался мастерски. Терпение и труд, как говорят, всё перетрут, но как ни старались многие горнолыжники, а обойти его на спусках не удавалось никому.

При движении вниз по склону горы каждый контакт Ковра со снегом сбивает скорость, затормаживает, какой бы краской или мазями не покрывалась его поверхность. Исходя из этого, мастер использовал каждую возможность избегать ненужного трения. Глиссады его полётов удивляли даже самых бывалых скоростников. В бинокли, а иногда даже стереотрубы, издали наблюдали любители и профессионалы за скоростными спусками Парла, пытаясь понять секрет его мастерства. Секрета не было. Был природный дар, труд и одержимость.

Человек, Идущий Впереди, никогда не успокаивается на достигнутом.

Невысокая бронзовая фигурка, устремлённая всеми крупинками-клетками в небо, украсила финишную арку скоростного спуска с Пика. Жена Парла сумела передать не только внешность, но и внутренний мир любимого человека. Кто бы, когда бы ни проходил, ни проносился мимо, видел **Мастера, Летящего Впереди.**

Руки Матери

*Ладони материнских рук,
Все горести душевных мук
И боль сердечного огня,
Едва коснётся Вы меня,
Смываете, приняв в себя!»*

Мужчина стоял на коленях с опущенной головой возле женщины, а мысли, всегда послушные разуму, вышли из повиновения, закружили и понесли...

Огромный, неудержимый, неизмеримый, как сама вселенная, поток энергии струился из рук Матери.

Руки женщины, сидящей на самодельном деревянном табурете, спокойно и равномерно поглаживали короткий «ёжик» мужчины. Старенькая кыргызка и немолодой седой немец, абсолютно чужой в этих краях, вели душевный разговор. Они говорили на разных языках. Беззвучно, неслышно, но прекрасно понимая друг друга.

– Сынок! Сын мой! Ты ничем не обязан мне за мою доброту. Ты дари её, щедро раздаривай людям. Этим ты и мне принесёшь радость.

– Да, мама...

– Будь счастлив, сын. Да хранит тебя Бог!

Поездка для Эда была богата не только новыми знакомствами с людьми, она была насыщена до предела сказочной и красочной сменой картин горного пейзажа, равнинным бескрайним простором степей и высокогорных пастбищ-джайлау с их неописуемыми маревами-миражами на горизонте.

Как можно описать жаворонка, повисшего в небе серой капелькой и льющего из голубой бездны только для тебя одного звенящую, нескончаемую, вечную песню любви?! Как можно унести с собой говор горного ручейка, который, если ты можешь и хочешь его услышать, рассказывает тебе свои секреты?! Как словесно нарисовать жеребёнка, задирающего от избытка энергии и свободы ноги выше головы?! Как можно описать чувства, переполняющие душу при взгляде на нависшую над тобой скалу, подпирающую небо?! Как можно передать словами, что ты чувствуешь прикосновение Вечного, когда поднимаешься на гору Сулеймана?!

Эд не находил подходящих слов своим эмоциям. Он лишь впитывал настроения встречающих его хлебом и солью людей, даже не пытаясь уложить все свои чувства в строгие сухие бумажные строчки.

Кино, фотографии и телевидение могут показать многое, но почувствовать чудеса природы, принять их всем сердцем можно лишь воочию соприкоснувшись с ними.

Окружающие Эда люди удивлялись его спокойствию. Обычно все гости, впервые посещающие эти чудные места, ахали и охали от восхищения. Этот же

чудак лишь улыбается, да бесконечно щёлкает фотокамерой, думали они, а о том, что он умышленно прячет своё лицо от любопытных глаз, никто и не догадывался.

Фотокамера – хорошая маскировка. Когда уже совсем невольно от нахлынувших слёз, можно спрятать глаза за непрозрачный металл. То же самое можно предпринять, если кто-то слишком настойчив в поисках контактов или суётся с бесконечными вопросами. Многие дни карманная фотокамера была отличным спасательным средством для немногословного мужчины и лишь один раз Всевидящая Останавливающая Время помощница не смогла прийти на помощь.

Эд стоял на коленях возле усыновившей его Матери, а непрошенные слёзы, беззвучно срываясь с ресниц, падали на сухую землю деревенского двора, находящегося в далёкой от его родины стране.

Пробка (шутка)

На входе в здание, прямо на парадной лестнице, было необычно оживлённо, шумно. Аборигены и завсегдатаи, опасливо, бочком, пробираясь по самому краешку ступеней, с недоумением и испугом, смотрели на шумную толпу, почти полностью перекрывшую свободное передвижение посетителей культурного мероприятия.

Пробка на лестнице, созданная кучкой людей, вызывала неудовольствие не только у посетителей, но и у организаторов массового мероприятия. Они несколько раз пытались передвинуть весь этот шумный живой клубок в просторное фойе, но все их попытки были напрасны. Дипломатические уловки учредителей вечера не возымели действия на разогретых общением людей.

Ярким эмоциональным пятном в толпе выделялись неброские с виду, но живо жестикулирующие мужчина и женщина. Их лица светились. Они не просто светились, а горели ярким внутренним огнём. По очереди, не умолкая, так, будто держат речь с трибуны, зачитывали они имена из тетрадок. Именно их речи и были центром общего внимания.

Язык, на котором говорила пробка, аборигены не понимали полностью, но многие слова были им уже достаточно знакомы, и поэтому они с особой опаской прокрадывались мимо живого препятствия.

– Вы только посмотрите, граждане. На главной парадной лестнице толпится народ, словно на трёделмаркте, и никто не отойдёт в сторонку, чтобы пропустить почётного гостя.

– Не зря все газеты постоянно пестрят статьями о повышенной воинственности именно этого этноса, говорящего на полукриминальном языке, так что их лучше не задевать.

– Здесь, пожалуйста, наглядно, наяву можно убедиться в правдивости газетной хроники.

Вслух, конечно, уважаемые бюргеры свои мысли не произносили, но они были ясно написаны на их лицах.

Кто в сегодняшнее время обращает внимание на такие устаревшие мелочи, как вежливость и уважение, и пробка даже взглядом не одаривала пробирающихся мимо них расфранченных бюргеров и бюргерш. А на кислотные мины недовольных граждан пробке было, мягко говоря, наплевать. Она была занята более важным делом – здесь делили, как в добрые совковые времена, дефицит. Эмоциональным ядром пробки, то есть мужчиной и женщиной, находящимся в самом центре живого клубка, можно было любоваться, как картиной талантливого художника. Они цвели, они жили в этот миг полной жизнью, они упивались счастливым моментом. Они разговаривали не вслух, конечно, а жестами и всем своим видом:

– Ну! Наконец-то! Мы снова при деле. Попробуй без нас обойтись, ты, простой смертный. Мы здесь главные. Мимо нас не пройдёшь.

– Это как же хорошо нам сейчас! Прямо как в кино или сказке!

- Эх, и хорошо же – почти до обморока доходим от избытка адреналина. Вслух же звучали совсем другие слова:
- А ну-ка не рвать билеты из рук. По очереди подходим и по списку.
- Ах, а вас, уважаемый, в списочке нет. Отойдите в сторонку, не мешайте работать.
- А вы куда прёте? Не видите, мы заняты...
- Не забываем галочку поставить. Вы что – глухой? Галочку. Ну, конечно карандашом, не пальцем же.
- Осторожнее. Не рвите же из рук.
- Да-да. Ну, сказано же, подождите, до вас очередь ещё не дошла.
- Вы не дома на диване, гражданин, шевелитесь.
- И так далее...

Из пробки выбирались взъерошенные, но счастливые обладатели билетов. Толпа на лестнице медленно рассосалась. Шумный говор умолк, а вместе с ним потухли и лица женщины и мужчины, раздававшие дефицит. Устало отмахиваясь, уже пустыми руками, от остатка пробки, они угасли, как прогоревший костёр:

- Ах! Как же хорошо было почувствовать себя снова нужным, спрашиваемым человеком.

А над головами обделённых, непробивных и не настырных соплеменников, тех, которым не хватило желанных пропусков, всеми цветами радуги горела огромная концертная афиша, объявляющая, что после бесплатного концерта будет ещё и бесплатный буфет.

Ревность

Анатолий сидел лицом к воде. Причальные мостки, протянутые далеко в русло реки, дрожали мелкой дрожью от напора воды, с силой бьющей волнами по сваям. Парень чувствовал недовольство воды, но пошептаться с ней, как он обычно делал, когда был один, было некогда. Рядом с ним, почти касаясь плеча, сидела его мечта с синими глазами, похожими по цвету на всплеск волны, подсвеченной первыми лучами солнца. Сколько раз он уже пытался пригласить любимую к реке, но все его попытки заманить подружку к своему излюбленному месту оканчивались неудачей. Сейчас, впервые за всё время знакомства, он сидел со своей возлюбленной у воды.

Боялась Светлана воды с детства, а реку с её быстрым течением вообще недолго любила. Не смогла она отказать своему настойчивому поклоннику на этот раз: в день его рождения. Пересилила себя и свой внутренний необъяснимый страх перед рекой, но смотреть на сердитые гребни волн не захотела и именно поэтому пристроилась спиной к воде на ограждение беседки, мансардой, пристроенной над последним пролётом мостков.

Анатолий, большой любитель помечтать, часто уносился в мыслях на седьмое небо, оставаясь при этом прагматичным реалистом. Мысленно путешествовал со своей мечтой-любовью по всем уголкам земного шара, неоднократно спасал её от бандитов, огня и хищных зверей. Во сне летал в обнимку с ней в неведомые миры, замирая от близости желанного и любимого тела, но во время свиданий остерегался даже коснуться её, боясь обидеть.

Парень был рад. Его любовь сидит рядом с ним, а вторая его любовь, вернее сказать первая, как-никак с рекой он знаком с детства, плещется у его ног.

А река делалась всё беспокойнее. Волны круто, с разбега, били по сваям, и мостки вздрагивали от каждого удара воды до самой верхней перекладки.

Толя вздрогнул. Ему показалось, что болты, удерживающие беседку на весу, не выдержав нагрузки, выламываются из проушин крепления (он даже увидел, как провернулась шляпка одного из болтов), и они в этом ажурном металлическом коробе падают в реку. Он представил себе, как вместе со Светланой будет барахтаться под водой в беседке-ловушке и не сможет подняться на поверхность воды и спасти свою любимую.

– Прыгааай...

Светлана, не задумываясь, подчиняясь команде друга, неуклюже заваливаясь на спину, выбросилась из беседки. Анатолий ласточкой сиганул следом. Река сноровисто подхватила обоих и понесла. Девушку волны накрыли с головой, а парня почему-то, нежно, словно укачивая, придержали на поверхности.

Анатолий в недоумении оглядывался кругом:

– Где же Света? Она же не умеет плавать. Что я натворил...

А река стремительно относила его от мостков на стремнину.

Набрав в лёгкие воздуха, нырнул, но в мутной воде ничего разглядеть не удалось. Несколькими ударами рук и ног бросил тело вверх. Ударился головой о что-то большое, мягкое. Прощупал рукой.

– Ноги?! Света!

Обняв девушку сбоку обеими руками, и изо всех сил работая ногами, бросился вверх, к спасительному воздуху. С разгона их вынесло по пояс из воды. Анатолий глянул на лицо Светланы. Глаза навывкате, рот судорожно хватает воздух.

– Дышит.

За спиной раздался оглушительный рёв сирены. Изо всех сил работая ногами, чтобы остаться над водой, и, придерживая девушку руками над поверхностью воды, парень оглянулся назад. Прямо на них, отрезая путь к берегу, надвигался правый борт огромной самоходной баржи.

– Конец. Зашибёт... Нет, не дамся!

Анатолий, работая всем телом, ногами и одной рукой, потянул Светлану в сторону от надвигающегося судна. Нос-волнорез прошёл в нескольких метрах от молодых людей, а взбитая волна мягко подтолкнула их в сторону. Рядом выросла ржаво-красная стена борта баржи.

– Не выгребу одной рукой. Затянет под винты...

Парень повернул голову и внимательно пригляделся. Баржа была загружена под увязку, сидела глубоко, по самую ватерлинию в воде. Примерно посередине судна увидел приваренные к борту неширокие стальные скобы.

– Только бы отбойный брус нас не откинул.

– Светочка, хватайся обеими руками за нижнюю скобу и попытайся вскарабкаться наверх. Она согласно кивнула головой.

Крутнувшись вокруг Светланы, Анатолий развернулся лицом к барже, придерживая правой рукой девушку, а другой рукой подгребая ближе к скользящей мимо них высокой стальной стене. Левая рука безукоризненно выполнила свои функции. Пальцы намертво ухватились за тонкий стальной прут скобы, а мускулы предплечья совершили рывок на себя, уменьшая расстояние к спасительному верхнему краю борта. У Светланы сноровки не хватило, да и побоялась она выпустить парня из своих объятий. Обоих спасло то, что Анатолий сумел немного, по пояс, подтянуть себя и девушку из воды и этим уменьшить её напор. Наконец и она решилась ухватиться одной рукой за скобу, всё ещё держась для страховки второй рукой за своего спасителя. Он, прижимаясь всем телом к ней и крутнувшись, ухватился теперь и второй рукой за дугу скобы. Поддерживаемая парнем, девушка вскарабкалась наверх и бессильно опустилась на гору мелкого промытого речного песка, которым, по самые борта, была загружена баржа.

– Всё! Спасены!

А снизу в иступлённой злобе бесилась река. Угрожающе хлопала гребнями волн о борт, но достать свою соперницу была уже не в силах.

Когда врать?

Тоненькая ученическая тетрадка в блёкло-голубой бумажной обложке. Листы бумаги серые, шероховатые, в клеточку. На первой странице карандашом, чуть наискосок, через всё поле, перечёркивая первый рисунок, два слова «Когда врать?».

.....

Владимир Иванович удивлёно разглядывал тетрадь. «Что-то знакомое. Откуда занесло этого пришельца? Как могла эта вещь попасть в картонную коробку с официальными бумагами? Мистика...»

Перелистал страницы – никаких текстов, комментариев, только рисунки. Рисунки разные. Некоторые нанесены простым или химическим карандашом, другие чернилами или акварельной краской. Иные нанесены едва видимыми штрихами, а есть и такие, что рисунок виден даже с обратной стороны, правда, в зеркальном изображении.

Стал внимательнее разглядывать рисунки, и прошлое, урывками, болезненными толчками ворвалось в сознание...

Рисунок первый: «Я, мама и брат на коленях возле кровати. Рядом керосиновая лампа, значит зима. Вечерняя молитва. Ещё до школы...»

Слёзы заволокли глаза.

«Как давно это было? А где отец? Почему его нет с нами? Ах, да... он, как всегда, на работе. Уехал с другими колхозниками за сеном на участок. А это далеко, очень далеко. Приедет лишь через несколько дней весь обмороженный, и мама будет наносить жир на его посиневшие щёки и руки».

Рисунок второй: «Глубокие ямы, продолговатые и круглые с прокопанными в одну сторону выездами. За ямами лес. Лето. Ага! Место, где меня учили плавать. Взрослые ребята умели в то время шутить: малышня за ноги, за руки и в глубокую воду – жить захочешь – заработаешь руками как ветряк. Так меня и научили плавать. Из этих ям ежегодно добывали летом глину для обмазки ферм и других строений. Со временем они стали и накопителями воды, такой необходимой для производственных нужд и изготовления самана. Да! Силикатного кирпича, песко- и пеноблоков, готовых домовых панелей в то время на селе ещё не знали. Почти весь строительный материал брали из этих ям, ближайшего леса и ракушняка».

Рисунок третий: «Парты. Справа огромная печь, разъединяющая помещение на две половинки. Спереди, возле доски, учитель с длинной указкой в руке. Как звали этого учителя? Сколько их было у нас? Ответа нет...».

Рисунок четвёртый: «Мальчик. На шее повязан платок. Концы платка жирно промазаны красной тушью. Это я принят в пионеры. Сколько радости – уже почти взрослый, очень похож на Павлика Морозова. Именно с этого времени пошли в нашем доме раздоры. Я перестал понимать маму, а она требовала от меня беспрекословного повиновения. Нет! Слово требовала – неправильное. Мама силой убеждения пыталась меня образумить. Как она была права! Каким дурманом смогли меня одурманить, что маму, мою маму я не стал принимать, как самого близкого мне человека? Уже много лет прошло с тех пор. Более

полувека. А боль, боль которую я тогда утопил в повседневных, житейских радостях, теперь добралась до меня. Я давно уже стал отцом и даже дедушкой, и только теперь понимаю, как больно, обидно было моей маме терять своих детей. Что может быть страшнее, чем быть отвергнутой собственными детьми?..».

Рисунок пятый:

Рисунок шестой:

Рисунок седьмой:

Последняя страничка.

Вопрос, самый важный вопрос жизни, встал перед Владимиром Ивановичем во всей своей строгости:

«Когда я стал задумываться над сущностью, правдой жизни? Ведь это я когда-то сам задал себе вопрос «Когда врать?», поставив этим самым забитую в меня могучей системой идеологию под сомнение ещё тогда. В детстве? В юности?

Память, я прошу, умоляю тебя, не подведи, верни мне эту дату...».

У Поля

Она родилась в старинном городе в центре Германии. Выросла в дружной семье. Закончила университет, нашла хорошую работу, а затем – как заклинило. Не стало душевного спокойствия. Её всё куда-то манило, тянуло. Спокойнее становилось там, где было шумно, многолюдно. Стала, без друзей и родственников, посещать многочисленные общественные праздничные мероприятия и ярмарки. Часто покупала старые потрёпанные книги и не для книжной полки, а читала их, улетаая вместе с описываемыми героями в иные выдуманнные не ею миры.

Она увидела его на воскресной ярмарке. Все места у выносных столиков, где готовили и подавали кофе, были заняты. На самом краю ярмарочной площади одно свободное место всё же нашлось. Столик, с одним опрокинутым к столешнице стулом, стоял у межи, за которой находилось ещё не убранное пшеничное поле. Он, отвернувшись от общей массы, каким-то отрешённым взглядом смотрел на волнующееся под лёгким ветерком море колосьев. На просьбу разрешить занять место за его столиком ответил коротким кивком головы.

– Ну и тип... даже не соизволил обернуться.

Села. Огляделась.

– Всё, как обычно. Масса народу. У развалов с книгами немного погуще чем было прежде. Неужели стали больше читать!? Нет, на прилавки просто выбросили несколько новинок. Издалека видно, что обложки необычно пёстрые, вот и набежали...

Заказала кофе и кроусон с повидлом. Внимательнее присмотрелась к нему.

– Немолодой. Седоватый. Небритый... нет, это трёхдневная подстрижка, значит всё же следит за своей внешностью, но совершенно не вписывается в современную многолюдную ярмарочную обстановку. Одет не по последней моде, но со вкусом. Правда, вместо обычных для открытой ярмарочной обстановки кроссовок на нём до блеска начищенные ботинки. Да, только шляпы с пером не хватает этому типу...

Таких мужчин она ещё не встречала. Специально, чтобы привлечь его внимание, громко, несколько раз подряд, провела ложечкой по краю чашки. Он среагировал. Развернулся лицом к столу и с удивлением посмотрел на неё. Выглядело так, будто его только что разбудили. Она внимательно вгляделась в его лицо. Что-то пронзительное, неизмеримое ударило, ошеломило её. Ей, будто длинной вязальной спицей, очень больно, прокололи грудь.

– Это Он! Твой! Ты никому его не отдавай!

Такого с ней ещё не было. Развлечения были, встречи были, но обычно всё происходило как-то обыденно, без чувств, доводящих до судорог во всём теле.

– Что со мной! Этого не может быть... если Он сейчас предложит мне выйти за него замуж я немедленно соглашусь. Да это прямо колдовство какое-то... Только ради приличия я должна рассмеяться ему прямо в лицо.

Он ничего не предложил, даже ничего не сказал. Встал, сделал прощальный кивок головой и направился к выходу в город.

Он был приезжим. Родился в степном краю, где, стоя у поля не видно его другого края, а горизонт растворяется в летнем мареве так, как только в

фантастических фильмах увидеть можно. В новой стране всё по-другому. Не хуже, нет, но всё как-то расчерчено, расписано и до мелочей, до сантиметра, всё рассчитано и выстроено. Ему пришлось не только перестроиться на новую разговорную речь, но и укладывать в новое русло мысли, желания. Внутренней, душевной энергии сжигал при этом столько, что порой казалось – больше нет сил. Восстанавливал силы воспоминаниями о детстве.

В этот город попал случайно – нашлась подходящая работа. Большими знакомствами не обзавёлся. С коллегами посещал иногда после работы или по праздникам общественные мероприятия. Работа нравилась – каждый день что-то новое, частые командировки, другие люди и темы способствовали расширению кругозора и интегрированию в совершенно новую среду.

Мужчины-коллеги частенько подшучивали над ним:

– У тебя такие возможности, удачные встречи, ты только приглядишься к той... этой... или к той... Ведь эти дамы не просто так, а с большим интересом стараются обратить на себя твоё внимание. Не зевай дурашка, лови момент, в старости будет о чём вспомнить.

Но не лежала у него душа на все эти скороспелые приключения, которыми бахвалились его новые знакомые. Не для него всё это было. Он любил, как и в детстве, одиночество, но не такое как у Робинзона Крузо. На вопрос какое именно одиночество он предпочитает, он не смог бы дать внятного ответа, но знал точно – в одиночестве на людях есть своя прелесть ожидания чего-то неожиданного, заветно-желанного.

И заветно-желанное исполнилось – он встретил Её. Именно ту, желанную и единственную, которую искал так долго.

Он, не доверяя собственным чувствам, встал и сделал несколько шагов к выходу с территории ярмарки. Затем, одним резким рывком, развернулся к ней и встретился с Её восторженным взглядом.

Время для них сжалось в одно краткое мгновение. Просидели за столом до самого закрытия ярмарки и больше уже не расставались.

Надежда

Николай очнулся. Посмотрел на затемнённое окно. В раму, чуть шумнее, чем обычно, постукивала, словно живая, ветка яблони. Ветер раскачивал дерево, и казалось, что кто-то стоит под окном.

– Осень! Наша ранетка* уже листья сбросила, поэтому голая ветка, словно жестяная трубочка, жёстче и громче бьёт по стеклу. Потерпи милая, теперь только весной сможешь обрадовать меня мягкими листочками. Как быстро летит время, вот и я стою у самого порога, а ведь совсем недавно, когда моя дочь родилась, посадил я тебя под окном спальни.

Яблоня, словно отозвавшись на мысли Николая, снова постучала веточкой в верхнюю перекладину оконной рамы, как бы говоря: «Пусти меня в дом, мне зябко и одиноко здесь».

– Время! Чем его нужно измерять? Посажеными деревьями? Часами? Месяцами? Годами? А может детьми, рожденными и выращенными тобой детьми?

Николай попытался повернуться на бок и застонал от боли. Сознание, намного резче, чем обычно, без мягкого толчка в грудь, покинуло мужчину.

Он жил, как все его сверстники. С хорошими оценками закончил школу. Поступил в институт, но учёбу пришлось прервать. Менингит – болезнь серьёзная. Полгода провалялся на больничных койках. Оправился, но последствия болезни давали о себе знать – головные боли иногда валили с ног. Врачи советовали бросить заниматься наукой и заняться физическим трудом. Пошёл на стройку, несколько лет проработал на стройке каменщиком. Работа не пришлась по душе. Выучился на шофёра. Дальние рейсы нравились, особенное удовольствие получал, когда дорога выводила на перевал и даль открывалась такая, что дух захватывало. В одном из рейсов, когда его грузовик загружали зерном, познакомился с девушкой. Женится быстро и без особых переживаний. Дети посыпались, как из рога обилия. С дальними рейсами, по просьбе жены, пришлось расстаться. Устроился на работу водителем автобуса. Работа оказалась по-своему интересная – собеседники целый день под боком, да иногда такие, что не рад был, что разговор завёл. Со временем научился выбирать собеседника и мог бы даже любому профессиональному психологу составить конкуренцию.

Николай открыл глаза и, повернув голову, посмотрел в окно. Ветер утих, успокоилась и яблоня.

– Ну что, подружка? Достает тебя ветерок? Гнёт, ломает тебя? Ничего, нам и не такое доставалось. Осень – ещё не зима! Да и зим мы с тобой уже немало пережили.

Тёмная полоса, медленно, словно издали налетевший туман, накрыла сознание Николая и унесла в небытие. Немало времени прошло, прежде чем он снова открыл глаза.

– Осень! Странно сложилась вся моя жизнь. Женился осенью. Первая дочь родилась осенью. Я и ранетку* посадил осенью. Все соседи шутили «У тебя всё не как у людей. Погубишь деревце зря, не примется оно». Ага, не примется. Вон как вымахала – всё лето полдома тенью прикрывает, а ведь вёз издали, оттуда, где родилась и выросла жена Надежда.

Надежда! В твою честь мы и первую дочь назвали Надюшей! Наденькой! Надеждой!

Эх, жизнь!

Словно черно-белые кадры на фотографической плёнке понеслось вспять время.

– Счастливые годы! Дети! Все ладные, видные, но почему-то именно старшая оказалась самой любимой. Нельзя детей делить на любимых и нелюбимых, это я знал, но почему-то именно её выделял из всех.

Неужели предчувствовал – какая страшная судьба её ждёт?

Где она теперь? В какую дыру загнали её, проклятые властители судеб? Чем виновата женщина, что бог наградил её красотой и статью? Почему эти стервятники, прикрываясь деньгами и продажными юристами, могут ломать судьбы людей?

Неужели не боятся бога?

Ничем не смог ей помочь, даже детей любимой дочери своей не уберёт от несчастий.

Затаскали бедную Наденьку ложными доносами по судам, даже скрываться вынудили. Чтобы не попасть в грязные лапы бандита, пряталась по чужим домам, квартирам, подвалам. Ничего не спасло. Достали изверги, оболгали и навесили тюремный срок. За что пять лет? За то, что не отдалась на забаву нуворишу, захватившему не только всё материальное в городе и округе, но и купившему всю милицию, адвокатов и судей придачу.

Как жить дальше?

Николай приподнялся, но сил не хватило спустить ноги с кровати. Заваливаясь на бок, упал на подушку. Сознание, спасая от боли, снова покинуло его.

Надежда погладила вспотевший лоб мужа. Поправила волосы и прикрыла, упавшим от беспокойных движений мужа одеялом, ноги. Примостилась рядом на табурете. Правая рука мужа задвигалась по постели, словно ища чего-то. Надежда встала, как на молитву, на колени. Взяла пальцы мужа в свои ладони. Нагнулась и прикоснулась к запястью его руки губами.

– Наденька.

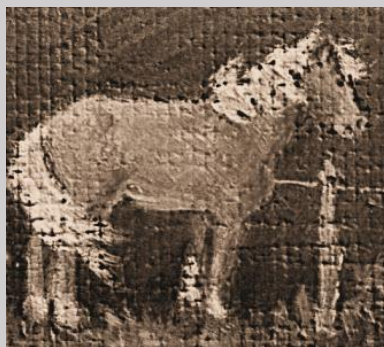
Едва слышный шёпот, более похожий на стон, чем на осознанную речь, Николая заставил Надежду приподнять голову. Глаза его были закрыты, но жена почувствовала, что муж хочет что-то сказать. Она наклонилась к его губам.

– Наденька... прости...

Надежда, жена Николая, так и не узнала, к кому были обращены последние слова мужа – к ней, или к дочери Надежде.

Ранетка* - сорт яблок

«Воля»

Да! Устала я от жизни. Сколько уже лет прошло, как увидела свет? Целая вечность!

Все эти Петики, Яшики, Колики, в общем, наши пастушата и пастухи, конюхи и ездовые, для того чтобы куда-нибудь прокатиться, почему-то чаще всех, пока я была молода и резва, выбирали именно меня. Зимой или летом, рано утром, когда ещё и солнца не видно, днём или вечером, шли они, позванивая удилами уздечек, а я уже точно знала – это за мной. Люди думают, что мы не понимаем их речи. Ах, глупые, это они не понимают нас, а мы их даже по походке узнаём и различаем не только по голосу. Среди них есть злые и добрые, любимые и нелюбимые нами. Но я лучше по порядку расскажу о своей жизни.

Родилась я в тёплом деннике зимой. Меня подняли с колючей соломы, обтёрли насуху, и таким образом я впервые почувствовала на себе человеческие руки. Меня назвали Волей. Мою мать, как я позже узнала, звали Варшавой. Первое лето было самое счастливое время моей жизни. Всё для меня было ново, но мать не давала меня в обиду. Отгоняла от меня всех любопытных. Уже в первое лето в нашем табуна творились непонятные для меня вещи – моих мальчишек-одногодков, незаметно, по очереди забирали куда-то на некоторое время, а возвращались они обратно какие-то замедленные и понурые. Несколько рослых и ретивых мальчишек из табуна не забирали, и они стали самыми задиристыми. Среди молодёжи я была резвее всех. Догнать меня не мог никто.

На второе лето всё изменилось. Меня оторвали от матери и загнали в общий загон с молодняком, с этого времени у меня началась иная жизнь. Мальчишки-погодки старались на мне «проехаться», а ровесницы при этом и ухом не вели. Самой близкой подругой стала Зорька. Той всё же доставалось меньше хлопот, чем мне, а причиной всех моих бед была моя окраска. Отца своего я не знала, но думаю, что он был белой породы. Мать была рыжей, а меня, на мою беду, они наградили очень светлой краской с розоватой подпалиной. Куда в табуна денешься с такой окраской, где большинство твоих соплеменников гнедые, серые или чёрные? Вот! Не спрячешься.

На третью зиму я настолько выросла, что стала даже немного выше матери, и у меня началась уже не весёлая жизнь, а можно сказать тяжёлая. Разогнали нас погодков по разным загонам. Несколько особенно неугомонных мальчишек в один загон, девчушек и присмиривших после отлучки мальчишек в другой.

Меня конюхи первой из молодых выловили на потеху. Натянули на меня ремённую уздечку. Потом взнуздали железными удилами, но на этом мучения только начались – на спину накинули седло и вывели в глубокий снег. Не взбрыкнешь – снег то по брюхо. Всё бы ещё ничего, но двое конюхов держат под уздцы, а третий молодец уже в седло устроился и под бока поддаёт так, что дух перехватывает. Так и приучили носить на себе человека. Под седлом ходить – полбеда, а вот когда в оглобли завели, поняла: такое наказание нам придумать могли только люди. Сами они никогда бы на себя такое бремя не наложили. Меня, для своих прогулок выбирали все, кому не лень, а всё потому, что рысью я бегала иначе, чем все. Эта иноходь, на мою беду, мне по наследству от матери досталась. На той тоже любили покататься все любители верховой езды. Даже пастухи за нас дрались, каждому из них хотелось нас на всё лето под седло заполнить.

Ещё и трёх лет мне толком не исполнилось, как стал ко мне приглядываться дядька Борец. Ему одному из всех дядьёв было дозволено общаться с нашими дамами. Наглый был – до невозможности. Приставал ко всем без разбора, видно по этой причине его часто заставляли крутить большое колесо, посредством которого огромной бадьёй доставали воду из колодца. Нас молодёжь, целым косяком, прямо из зимнего загона, подгоняли на водопой к длинному корыту, которое было вплотную прикреплено к жёлобу, ведущему от колодца, находящегося в конюшне. Дядька Борец, которого в шутку, а может быть и всерьёз, конюхи звали Пробником, на меня там видно глаз и положил. Когда его стали иногда приводить к нам в загон, куда нас отделили от общего стада, он мне одной не давал проходу. Всю холку мне измочалил да вдобавок к тому бока своими острыми копытами изодрал. Но приставания дядьки Борца оказались всего лишь прелюдией.

Все дядья (Огонь, Квадрат, Яхонт, позднее их обменивали на других, но их имена я уже не помню) стали, когда меня проводили по общему проходу, не по-доброму пялиться из своих отдельных денников мне вслед, а я, глупая ещё не понимала, чего им от меня надо. А они рвались ко мне, грозя разнести дощатые стены вдребезги. Вообще-то выводить нас через ворота, которые были расположены у денников с дядьями, было запрещено, но ребята-конюхи любили подразнить запертых в одиночестве дядек, и, пользуясь случаем, когда старшего конюха Франца не было в конюшне, делали это умышленно.

И вот, как-то зимой, конюх Франц, который ко мне лучше всех относился, выловил меня, надел недоуздок и вывёл во двор. Мы с ним прошли до леса. Погуляли по опушке. Необычная обстановка и необычное поведение конюха возбудили, взволновали меня. Мне вдруг захотелось порезвиться, умчаться на летнее пастбище, но вокруг был только глубокий снег. Я попыталась вырваться. Бесполезно. Конюх знал своё дело хорошо, и мне поневоле пришлось подстроиться под его шаг. На обратном пути конюх завёл меня в какую-то странную оградку-станок, похожую на небольшую клетку. Моя голова осталась над передними жердинами. Бока были плотно зажаты боковыми брусьями.

Конюх погладил меня, а другой рукой помахал кому-то за моей спиной. Вывернув голову, я увидела, что к нам идут двое молодых конюхов и ведут на поводу дядьку по прозвищу Огонь. Этот дядька Огонь был здоровее и злее всех. Он больше всех бесился, когда меня проводили мимо него. Мне от одного его вида сделалось нехорошо. Забьёт? Загрызёт, или сделает что похуже?

Огонь вытянул ко мне свою огромную голову и громко заржал. Прошёлся своей мордой, как щёткой, по моему заду. Посопел громко, будто обрадовался чему-то. Затем отодвинулся за мою спину. Молодые конюхи, придерживая дядьку за недоуздки, отодвинулись в разные стороны. Этим и воспользовался Огонь. Встав на задние ноги, он по-хозяйски присел сзади на меня. От непривычной тяжести я освободиться не смогла. Взбрыкнуть или вильнуть задом и таким образом освободиться от необычного наездника, не было никакой возможности. Огонь сделал мне сначала больно, а потом мне стало даже как-то приятно и легко. А дядька Огонь, пританцовывая и громко пофыркивая, и не оглянувшись на меня, ушёл под присмотром конюхов назад в конюшню. Так началась моя взрослая жизнь.

Мою первую дочь люди называли Волгой, а потом пошли сын Вольный, опять дочери Вера, Венера, Вискоза. Как звали остальных, и сколько их вообще было в моей жизни, не помню. Как звали отцов моих детей, тоже не помню, знаю только, что каждый раз люди мне выбирали другого дядьку.

Как-то утром лошадей, выбракованных из общего табуна для отправки в город, согнали в небольшой, крытый соломой, загончик оборудованный специальным пандусом для загрузки на автотранспорт. Дорога из этого помещения была одна и только лошади и дети не знали об этом.

Стояли ненужные никому старые клячи, упёршись прямыми негнушимися ногами в землю в ожидании отправки, и никто не обращал на них внимания. Иные из них, положив другу или подруге голову на спину, умудрялись даже подремать. Другие безучастно глядели в колхозный двор, где с громким визгом и ржанием резвились их потомки.

Старая кобыла Воля, просунув голову сквозь жердевые воротца, громко заржала. Её призыв был услышан. Немного погодя к Воле подошёл черноголовый мальчуган и, повернувшись к лошади боком, подставил откинутый за спину башлык дождевика. Воля, привычно сунув губы в башлык, захрустела овсом.

Воля и мальчик знали друг друга. Всё последнее лето они провели вместе. Подпаску она досталась уже полной доходягой. Заездили бедную старушку практически до полной непригодности, поэтому и сплавляли её пастухам частного сектора. Но старушка, на удивление начальству лето прожила и даже немного поправилась.

Кобылу Волю всё же выбраковали по старости. Никому не хотелось, чтобы она издохла в конюшне. Попробуй потом докажи высокому начальству, что время неумолимо и старость берёт своё.

Никто не знал, что пастушок, которому Воля досталась на весь летний сезон, каждое утро тайно, но регулярно заполнял свой башлык овсом, добытым из кормушек дядек. На пастбище он в начале сезона привязывал Волю на длинную верёвку к снятому седлу. Кобыле Воле доставался овёс и, вдобавок она могла свободно пастись по радиусу длины верёвки. Сам же пастушок, жалея свою лошадь, целый день пешком бегал за скотом. Через месяц Воля немного поправилась, и на ней стало возможно ездить верхом, но свою порцию овса она получала до самой осени, и это осталось тайной мальчишки и старой лошади.

Мальчишка спросил подошедшего к загону отца, почему его Волю отогнали в загон к больным лошадям и что с ними будет дальше. Отец своему любознательному сыну правды не открыл. Сказал, что выбракованных лошадей отправят на дальние отгоны, которые находятся в нескольких сотнях километров от села.

Дубровка

Мартину было не по себе. Сон с вечера долго не принимал в свои объятия. Теперь, глубокой ночью, проснулся от собственного крика. Чужая постель. Чужой дом. За раскрытым в ночь окном – чужие незнакомые звуки. Сердце сжато тисками. Тяжело дышать. Что за наваждение? Время побежало вспять... Перед глазами замелькали картины, увиденные прошедшим днём...

*****

– День начинается, как обычно. Запланировано много. Головная боль сносная, значит не будет мешать работать и думать. Холодный душ. Гостеприимные хозяева, принявшие и обогрившие заблудившегося пилигрима, уже на кухне. Через минуту вежливый стук в дверь, и с юмором: «Кушать подано».

Как повезло! Не зная меня, впервые увидев, сразу пригласили в дом. Приняли так, будто век со мной знакомы. Мне вообще везёт на хороших людей. А ещё шутят некоторые, мол, в Украине только поют хорошо, да сала едят много и со вкусом, а с гостеприимством в последнее время проблема. Может у «новых» украинцев это и стало нормой: рвать всё и со всех, но с уверенностью можно сказать, что из народа нельзя вытравить то, что вырабатывается сотнями лет, какие бы катаклизмы, без разницы природные или политические, его ни испытывали. Не очерствели душой в этих краях, не продали заветы предков за доллары и евро.

После завтрака – лёгкая прогулка, ознакомление с городом. Рядом идёт хозяин, приютивший меня. С такой любовью о своём городе может рассказывать только истинный Хозяин, а не гость или временщик. Запомнить всё, конечно, невозможно, но стараюсь принять как можно больше в свой «багажный отсек». В условленном месте уже ждёт водитель. Свою любимицу «Славу» он отполировал до блеска, очевидно, рассчитывая на то, что кататься будем лишь по асфальту, но, похоже, ей придётся сегодня поползать по рытвинам и канавам сельского бездорожья. На выезде из города открылась сказочная панорама – широкий проспект прорезал пространство, словно стрелой, на много километров, раздвинув своими шестью полосами в стороны дома, дачи, лес.

Благодаря одному из моих новых знакомых, едем пока не вслепую, а по конкретному маршруту. На мосту через реку Случь впервые стало тревожно, сердце ускорило темп, в памяти возникло что-то очень знакомое, слышанное ещё в детстве от родителей. Город Новоград-Волынь не вызывает больших эмоций, слишком много информации от моих экскурсоводов, не успеваю реагировать.

Вот и первая деревня на территории, где когда-то была Дубровка, колония моих предков. Всё тревожнее на душе. Что ждёт впереди? Неужели смогу пройти по земле, где когда-то босиком бегали мама с папой, где жили никогда не видимые мной бабушка с бабушкой?

Как по эстафете переходим от одного жителя к другому. Всё уже и точнее обозначается наш дальнейший путь. Взмах руки неприветливого с виду мужчины: «Там за лисом Курцево хатыще».

Место, где родилась моя мама!? Наяву ли это?

Ведь я всю жизнь мечтал хотя бы одним глазком взглянуть...

Пойду. Пройдусь по краю леса, да и слёзы спрячу от свидетелей.

Эх, не дали уединиться. Криком вернули в настоящее, в действительность. Мой «трёхголовый десант», дружно шагая по меже, приближается ко мне.

Решено - идём вчетвером к немецкому кладбищу. Наш проводник Иван Фёдорович, неприветливый с виду, но на самом деле добрый мужчина, оказался бесценным кладом - человеком, выросшим в этих краях.

Сижу на камне, у которого, может быть, раскладывала куклы моя мама. Чувств нахлынуло столько, что уже нет сил. Хочется остаться одному. Отрешиться от всего. Просто молча просидеть вечность, впитывая энергию, окружающую меня.

«Вливо отседа Мадяр лис, а ця дорога веде до немецкого кладбища».

Новый импульс. На меня в упор смотрит хозяин, принявший меня вчера, краевед с большим стажем и знаток этих мест. Неужели у нас одна мысль? Да. Он поправляет нашего проводника: «Может не Мадяр, а Матер». В ответ мы слышим лаконичное: «А можа и так».

Круг замкнулся – это здесь! В этом заброшенном большом лесном массиве, куда теперь местные жители ходят только по грибы и ягоды, жили мои предки. Это они раскорчевали эти огромные поляны, заросшие теперь мелким кустарником. Это мои предки полили эту землю потом и кровью. Эти едва видимые канавы, чёткими квадратами разделяющие большую территорию, выкопаны их руками. Я это чувствую! Я в этом уверен! Я это знаю точно!

Странно, я уже несколько километров хожу босиком по лесу, по бывшим дорогам и тропинкам, заросшим высокой травой, и ни одной занозы, ни одного пореза. Неужели земля чувствует, что потомок её бывших владельцев, не по своей воле поколесивший по разным континентам и государствам, вернулся к ней, колыбели предков?

Меня узнали?!

Да. Я и сам испытываю то же самое. Мне кажется, что уже бегал босиком по этим тропинкам, собирал малину, лазал по берёзкам. Конечно, всё это уже было именно со мной и не единожды. Я бывал здесь: во сне? наяву? Не знаю, но всё вокруг знакомо до боли, до спазм в горле.

Наш проводник немногословен. Как можно отблагодарить человека, давшего мне за несколько часов так много? Я предложил оплатить его услуги.

«Я ж не за гроши це роблю...»

Вот и проявился человек. «Не за гроши» – сколько глубинного смысла в нескольких словах. Им цены нет. Именно такие люди подают голодающему кусок хлеба, даже если сами имеют всего два.

Слава Богу! Иван Фёдорович Скидан, человек, который ходил в ту самую школу что и моя мама, не отказался сесть со мной за один стол. Мы даже выпили за дружбу народов по чарочке и обнялись на прощанье, как братья.

Побольше бы на нашей земле таких людей и войн, и братоубийственных революций не было бы никогда.

*****

Мартин, покидая Украинскую Волинь, родину своих предков, не отрывался от окна автобуса.

– Увижу ли я ещё раз эту землю? Спасибо всем, кто принял меня, обогрел и помог в поисках.

Мира вам, добрые люди! Мирного неба над головой! Пусть никогда, ни один человек не будет снова изгнан с вашей-нашей земли!

Соперницы

Букет, выброшенный прямо на ходу из окна шикарного лимузина, совершив по проезжей части дороги пару пируэтов-кувырков, отлетел почти на самую обочину. Женская рука, украшенная перстнями и длинными искусственными ярко-красными ногтями, небрежно махнула цветам вслед: «Мол, катитесь красавицы подальше. Вы не можете быть мне соперницами».

Розу, царицу цветов, обидели. Не просто обидели, а втоптали в грязь в прямом смысле этого слова. Ей досталось больше неприятностей, чем всем остальным цветам в этом столь незаслуженно обиженном цветочном шедевре. Именно её нежные лепестки приняли на себя первый удар о твёрдое дорожное покрытие.

Букет был выбран и составлен очень тщательно. Его не просто связали в веник. Нет! Его собирали любовно, персонально, тщательно подбирая каждый экземпляр именно для любимого человека, поэтому украшением всего цветочного чуда и стала самая большая, пурпурно-красная роза. Букет был художественно безукоризненно оформлен и по высшему классу составлен из самых лучших цветов, но импозантнее всех всё же выделялась на общем фоне именно Роза.

Её бутон, окружённый целым ореолом живых цветов, чётко выделялся над остальными. Даже издали можно было с первого взгляда на это произведение искусства определить – она является царицей в созвездии цветов.

– А здесь, нате вам, пожалуйста, лежишь в насмешку всей природе и попробуй докажи своим собукетницам, что ты царица, а не придорожный мусор.

– А шумно то здесь как...

– Фи...

– Я же не простая полевая штучка, чтобы в придорожной канаве валяться.

– Меня не для того пестовали, чтобы на мне всякие безродные цветы удобно устраивались...

– Почему именно мне досталось самое нижнее место, что даже ни один из проезжающих и пробегающих мимо нас на меня не обращает никакого внимания...

– Несправедливо!

– Я должна быть наверху!

– Мной должны любоваться!

– Мной должны восхищаться!

– Мне должны оказывать внимание...

Многотонная и многоколёсная громадина прокатилась по букету и от него остались лишь небольшое цветное облачко пыли и несколько неопределённого цвета пятен на асфальтовом покрытии дороги.

Жучок

Рождения своего Эвальд конечно не помнил, но по рассказам соседок-свидетельниц сразу же после появления на свет он левой ручонкой стал так активно чесать глаза и носик, будто его пчела ужалила успела.

Всю последовательную жизнь, с тех пор, когда он уже мог вспоминать о прошедшем, его всегда сопровождал «Жучок». Имя этому неосозаемому, беззвучному, но чётко видимому символу-талисману Эвальд придумал сам. Когда и как появился в глазах этот яркий жёлто-красный овальный значок-живчик он не знал, был уверен, что «Жучок» родился вместе с ним. Он сопровождал его и днём, и ночью, но при этом не был помехой во время управления автомобилем или при чтении и не мешал общему обозрению пространства. Даже при закрытых или прищуренных глазах он постоянно высвечивался яркой точкой-капелькой.

Эта точечка обладала какой-то необъяснимой силовой энергией и пыталась управлять не только мыслями Эвальда, но и его действиями посредством движений и изменением формы. Поначалу он реагировал на своего незваного спутника, как на назойливого комара и серьёзно, и очень активно сопротивлялся непрошеному «ведомому-рулевому». Обращался к глазным врачам, те только пожимали плечами: мол, с глазами всё в порядке, зрение в норме, физических повреждений нет, зря волнуешься. Иные, выслушивая раздразненных объяснений пациента, пожимали плечами: «Фантазёр. Чудит человек, ищет у себя несуществующие болячки...».

Со временем Эвальд стал внимательнее присматриваться к «Жучку», анализировать его поведение и резко меняющуюся форму.

Установил:

В преддверии негативно-критических, лично для Эвальда моментов жизни, – «Жучок» удлиняется по горизонтали и даже начинает дрожательное, ёрзающее движение растягивая овал до кризисного состояния, как-бы активно предупреждая об опасности.

В преддверии эмоционально положительных для Эвальда моментов, – «Жучок» становится в вертикальное положение, и форма овала практически исчезает, превращаясь в подсвеченную точку.

Ты попробуй кому-нибудь объяснить всё это. Засмеют или психом объявят, а там до «психушки» недалеко. Поэтому Эвальд никогда, ни разу никому о своём «путеводителе» не проронил ни слова. Чувствовал при этом, что «Жучок» рад этому и ещё активнее старается уводить своего «ведомого» от острых жизненных ситуаций и конфликтов. Даже во время телефонного разговора с неизвестным человеком «ведущий» мгновенно реагировал на каждое сказанное новым собеседником слово и мужчина уже точно знал – незнакомец *не друг, и не враг, а так...*

В беседах с людьми «Жучок» был постоянно негласным «цензором» и благодаря ему у Эвальда редко возникали спорные ситуации. Когда в дискуссиях дело всё же доходило до кулачных разбирательств и иные драчуны начинали закатывать рукава, он оставался спокоен. «Жучок» всегда был начеку и о намерении любого злого выпада оппонента в сторону «подопечного» предупреждал своевременно, и мужчина успевал погасить или отразить чужую агрессию без личного морального и физического ущерба для себя.

Во время общения с незнакомыми персонами, Эвальд, благодаря наводке «Жучка», уже во время первого разговора, точно знал, понимал, что собеседник не тот человек, за которого себя выдаёт и с ним лучше не заводить дружбы. Он сам боялся таких моментов откровения, не хотел их, но был бессилён что-либо предпринимать: *Не братья же за воспитание такой личности...*

Со временем «Жучок» как бы вошёл во вкус и стал не просто опекать своего подопечного, а очень активно заниматься своего рода управлением. Во сне движения значка-живчика превращались в какие-то дикие игры-пляски и они, вместо спокойствия, стали приносить Эвальду не только душевные, но и физические страдания.

С годами, «Жучок», как властный повелитель, стал вести себя совершенно беспардонно и доводить своего «ведомого» до ступора. Сны перестали быть для мужчины временем отдыха и превратились в своего рода наказание. Бессонные ночи тоже превращались в сплошной непрерывный кошмар и покой наступал только после того как «ведущий», устав от безостановочных выкрутасов, успокаивался и превращался в крохотную цветную точку.

Бывало время, когда сознание Эвальда особенно активно подавлялось «Жучком» и подходило к опасной, бесконтрольной человеку границе, чего мужчина боялся пуще смерти. В один из таких острых кризисных моментов он поделился своей болью с близким для него человеком. Раскрыл тайну своего «наставника». Рассказал о своих мучениях, и, сам того не ожидая, своей исповедью радикально укротил своего негласного «управляющего». Того – будто подменили. Все повеления, как ножом обрезало. «Жучок» и дальше присутствовал в жизни Эвальда, но теперь уже только в роли «советника», а не в роли «управленца».

Так и прожил мужчина всю сознательную жизнь под опекой неизвестного феномена с комичным названием «Жучок». Прослыл трудолюбивым, неконфликтным, уравновешенным человеком, а, что большая заслуга в таком поведении принадлежит тайному талисману-оберегу, он, до критического момента, никому не рассказывал.

Благодаря любознательной внучке Эвальда, которая занялась его архивом, а особенно его личными записями, частично вскрылось то, что есть в нашем мире непонятные никому феномены. Видно далеко ещё не до конца изучен человек.

Сила Охта (фантастика)

Охт чувствовал излучаемое людьми зло с момента рождения. Учился сопротивляться злу. Учился долго. Учился, совершая множество ошибок, а остановиться уже не мог. Сила противостояния злу крепла и, со временем, границы своих возможностей он уже не пытался достигать, боясь необратимых последствий не только для «излечиваемых» и «неизлечимых», но и для себя. Он чувствовал, был уверен в этом – кто-то могущественный и невидимый помогает ему в борьбе со злом, дарит ему неизмеримую энергию именно для этой миссии.

Снова Зов! Мощный сигнал! Охт не устоял очередному требовательному «зову» и теперь торопливо, почти бегом, шёл по пустынному вечернему парку, внимательно оглядываясь вокруг. Он был уверен – именно здесь и сейчас совершится зло. Не зная кто совершит это злодеяние и каким способом, но ясно чувствовал – чьей-то жизни угрожает опасность.

Точно! На скамейке, стоящей в нескольких метрах от пешеходной дорожки, неудобно облокотившись о спинку скамьи и с низко повисшей головой сидит парень. Одна рука неподвижно свисает сбоку, а вторая, правая, с каким-то подломом-вывертом плотно прижата к груди. Охт, приглядевшись внимательнее увидел рядом с ладонью сидящего парня торчащую рукоять ножа, лезвия которого не было видно, но было ясно – человек убит одним ударом и даже нож, в назидание другим, преступники оставили в теле жертвы.

-Опоздал! Зло совершенно и я не выполнил свою миссию...

-Зло должно быть наказано.

Охт ещё не знал кто его цель, как она выглядит, сколько их, но это уже не играло никакой роли.

Огляделся вкруговую. Внимание привлекла группа из трёх человек.

-Идут неторопливо, не гуськом, а шеренгой в сторону запасного выхода из парка. Настороже, но при этом стараются не привлекать к себе особого внимания.

-Это они!

Крайний слева, как по команде, приостановился, делая вид, будто поправляет шнурок ботинка, но при этом внимательно глянул назад. Заметив приближающегося к ним Охта торопливо нагнал своих спутников. Было видно, что он что-то нервно говорит, указывая одной рукой назад.

-Обнаружили меня. Живой свидетель им не нужен. Постараются увести в безлюдное место? Да, свернули на боковую дорожку, где вообще никого нет. Хорошо.

-Их трое.

-Номер один, идущий слева: парень, низкорослый, кривоногий, шустрый. Труслив, но исполнительен. Подручный на побегушках? Да! Может иметь оружие? Да;

-Номер два, средний в шеренге: Мужчина. Среднего роста. Идёт уверенно, вразвалочку, каждым шагом показывая свою значимость. Ни разу не оглянулся назад. Правая рука в кармане. Вооружён? Да! Опасен? Да! Он главарь и правит этой бандой;

-Номер три, идущий справа: молодой парень, дылда, выше среднего роста, но какой-то взъерошенный. Всё время озирается по сторонам. Новенький в этой группе? Да! Это его повязали кровью и вынудили совершить показательное убийство? Да! Именно поэтому весь на взводе.

Когда Охт уже почти вплотную приблизился к группе, главарь, взмахом левой руки, дал команду и группа раздвинулась, как бы освобождая проход ненужному свидетелю. Того такой план не устраивал, и он, круто свернув вправо, стал вплотную обходить

дылду сбоку. Он знал, бандит обязательно попытается ударить его и на этом попадётся на простейшую уловку. И, точно, дылда, с разворотом, стараясь угодить в голову, махнул кулаком в сторону поравнявшегося с ним противника, но удар ушёл в пустое. Одним коротким встречным тычком бандит был обездвижен и боком, словно колода, упал, зарывший в давно некошеную траву головой. Охт и главарь встретились лицом к лицу, глаза в глаза. Правая рука бандита, находящаяся в кармане куртки, судорожно потянула что-то кверху и стало понятно – наводит ствол огнестрельного оружия на своего противника. Охт, точно зная о намерении главаря, среагировал вовремя. Он отодвинулся в сторону низкорослого, и одновременно с этим нанёс жёсткий удар по горлу главаря, который всё же успел нажать на спусковой крючок пистолета. Едва слышный, приглушенный плотной курткой выстрел, цели не достиг, а стрелявший, захлёбываясь собственной кровью, постояв ещё немного на ногах, грузно улёгся на землю. Охт, разворачиваясь волчком, как бы попутно, сделал ещё одно резкое движение рукой и низкорослый, не успев увернуться, плашмя, словно брошенная наземь тряпка, сжимая в руке раскрытый складной нож «лисичка», которым он не успел воспользоваться, упал на асфальт лицом вниз рядом со своим патроном, издав при этом чмокающе-шлёпающий звук, похожий на то будто кто-то с силой бросил большую жабу о что-то твёрдое. Все трое, почти одновременно, оказались на земле.

Охт был недоволен. Обычно ему удавалось предотвратить задуманное преступниками злодеяние без жертв. В этот раз не получилось. Бандиты его опередили. Очевидно, именно поэтому, он, сам того не желая, так жёстко обошёлся с ними.

Удачная охота

Одноухий волк долго стоял, сторожко прислушиваясь и принюхиваясь. С окраины леса доносился возбуждающий аппетит запах. Звуки тоже не давали ему покоя. Чётко слышный рёв коров, телят и другого молодняка дразнили охотника. Он бесшумно, почти сливаясь по цвету с прошлогодней травой прокрался к краю леса.

Из кустов, где занял позицию четвероногий охотник, лесная прогалина просматривалась полностью. Лежащие коровы, разморенные жарой, разноцветными буграми возвышались над травой. Они опасности не представляли, но и добычей быть не могли – слишком много возни с ними. Людей, заклятых врагов, тоже не было видно. Лёгкий, едва заметный ветерок тянул со степи, и выдать охотника не мог. Всё внимание хищника было приковано к стаду овец, сгрудившихся тесным клубком в отдалении.

Овечьё стадо, несмотря на полуденную жару и скученность, постоянно, словно капля ртути на бумаге, двигалось. Иные из ягнят испытывали крепость ещё безрогих лбов, другие нетерпеливо теребили вымя матери, третьи пробовали на вкус ещё не вытопанное лошадиными, коровьими и овечьими копытами разнотравье. Самые отчаянные резвились вне стада, но далеко отойти в степь или в лес никто из малышей ещё не осмеливался.

Лесная прогалина лишь недавно стала доступна стаду. В закрытый со всех сторон полями и сенокосными угодьями лес стадо прогнать невозможно. Лишь с началом сенокоса, когда первые валки сена были спрессованы и вывезены, пастухам представилась возможность по прокосам провести своих подопечных из выгоревшей степи к сочной траве.

Пастухи и в мыслях не могли допустить, что именно в этом лесу находится логово неуловимого волка. Одноухого знали. За ним гонялись, но он всегда уходил от погони. Что он, сделав большой круг, возвращался в лес, находящийся всего в нескольких километрах от большого села, никто из охотников не догадывался.

Одноухий никогда не изменял своим привычкам. Охотился далеко от логова и именно поэтому выходил из самых критических ситуаций живым.

Один из ягнят-шалунов, боком, отталкиваясь всеми четырьмя ногами одновременно, вплотную подскакал к опушке леса, а затем сходу, не удержав равновесия, опрокинулся через куст, за которым притаился волк. От такого подарка отказаться невозможно. Негромкий предсмертный писк несмышленного ягнёнка никого не встревожил.

На то, что в большом стаде стало на одного ягнёнка меньше, вначале никто не обратил внимания, а позднее не связали с тем, что стадо впервые за лето пропустили ближе к лесу.

Одноклассники

Светлана, Татьяна и Лариса – отличницы, активистки, комсомолки, были не только одноклассницами, но и подружками. Особенно близко сошлись Светлана с Татьяной. Жили по соседству. Учились вместе с первого дня занятий. Лариса присоединилась к ним только с четвёртого класса. Школа, в которой они учились была расположена в самом центре города. Рядом находился старый, небольшой, но уютный парк с узкими тесными, тенистыми аллеями. В этих аллеях было удобно прятаться прогульщикам уроков. Сюда же, тайком искурить папиросу или сигарету, бегали на больших переменах и старшекласники.

Подружки часто встречались в парке, где любили покататься на качелях. Татьяна и Светлана ходили друг к другу в гости. Ларису подружки к себе не приглашали, а навязываться она не хотела.

Как-то, перед самым выпускным вечером, у них зашёл разговор о парнях-одноклассниках.

Светлана разочарованно махнула рукой: *«Да ну их в баню. Что с них возьмёшь, даже по-хозяйски потанцевать с ними невозможно, одни шkodливые проказы на уме, наверное, ещё ни одного серьёзного видеофильма не видели?»*. При этом хихикнула и, как настоящий заговорщик, подмигнула Татьяне.

Татьяна, сложив бантиком губки с раздражением продолжила: *«Не говориши... По колхозному потискаться любят иные-некоторые, а как до серьёзного дела, пиик. Куда им до настоящих видеофильмов, не доросли ещё, да и видиков у них нет и не может быть. Такой аппарат тыщи стоит, а кассеты?.. Где этим простофилям добыть такой дефицит?»*.

Лариса, ничего не поняв из сказанного подружками, взволнованно всплеснув руками, сказала: *«Девочки, да вы что? Нельзя же так... Наши мальчики самые лучшие...»*.

Татьяна резко оборвала Ларису: *«Конечно, Ванюшка с четвёртого класса твой портфель таскает. Он на цырлах за тобой бегают, вот ты и заступаешься...»*.

Разошлись недовольные друг другом, но условились собраться снова, чтобы подробно обговорить предстоящий вечер выпускников. Как-никак немало лет просидели вместе на одних и тех же партах.

После выпускного бала, и уже после рассвета, мать Светланы, занимающая высокую должность в горкоме, встретила дочь у дверей так, как инспектор ГАИ встречает нарушившего ПДД водителя автомобиля: *«Напилась? Повеселилась?»*

И дальше больше: *«Почему платье всё грязное... и... и... и... Приставали? Кто? Ах..., ах..., ах... этот баламут Генка посмел... Посажу гадёныша! Помолчи, такое нельзя прощать...»*

Далеко не всю правду рассказала дочь матери.

У Татьяны матери не было, умерла при родах, а имена временных домохозяек-мачех она и не старалась запоминать. Отец, коммерсант высокого ранга, ко всему житейскому относился философски-практически: *«Что меня не раздевает – меня и не касается»*, но дочь любил и баловал, чем та постоянно и пользовалась.

Вернувшись после выпускного бала домой, Татьяна сразу же отправилась в душ. Освежившись и приготовив себе кофе пошла в свою комнату. Устроилась перед большим импортным цветным телевизором. Вставила кассету в проигрыватель и полулёжа в кресле стала просматривать любимый заграничный фильм. Мария,

очередная «супруга» отца, почти ровесница дочери, с которой Татьяна сошлась довольно близко и с которой делилась самыми сокровенными делами, устроилась в соседнее кресло и засыпала хозяйку комнаты вопросами: *«Как? С кем? И...?»*

Ответ был более чем лаконичен: *«Колька. Одни понты. Ни опыта, ни умения. Даже не смог, только обслюнявил местами...»*.

У Марии был договор с отцом Татьяны: „Обо всём, что касается дочери, докладывать немедленно и в мельчайших подробностях“. Дочь о договоре не знала, иначе бы не исповедовалась так откровенно.

Отец, после того как узнал, правда, далеко не всё, о ночных похождениях дочери решил откровенно и строго поговорить с ней. Та, сообразив, что в один миг может прекратиться шикарное финансирование, со слезами на глазах обвинила одноклассника в сексуальном домогательстве с применением при этом физической силы. На вопрос отца готова ли она написать на насильника заявление ответила утвердительно.

На следующий день в центральное отделение городской милиции поступило два заявления о сексуальных домогательствах. В документах, чёрным по белому, было описано всё происшедшее. Пострадавшие, а вернее их родители, настояли на том чтобы обвиняемые были немедленно задержаны.

Милицейский наряд на патрульном автомобиле, для солидности подвывая сиреной, помчался выполнять важное государственное задание. Два бывших школьника, а теперь совершеннолетних преступника были вовремя задержаны и определены в отдельные камеры. При задержании парней один из милиционеров на вопрос любопытной соседки уронил всего лишь слово: *«Изнасилование»*, а дальше „бабий телеграф“ заработал лучше любой официальной информационной службы.

Судебная машина, медленно, но неумолимо закрутилась.

Геннадий, Николай и Иван дружили с пятого класса. Их в шутку и называли «Три мушкетёра».

Иван был местный. Щуплый, мал ростом, в очках. Книжки не выпускал из рук даже при прогулках по городу, что являлось постоянной темой для шуток над ним, мол, он и в туалете с книжкой отдыхает.

Геннадий и Николай были приезжими. Выглядели старше своих одноклассников. Было заметно, что они где-то ещё в начальных классах оставались сидеть на второй год. «Солнце» на турнике крутили как профессиональные гимнасты, а «подъём переворотом или силой», на зависть многим, проделывали десятками раз.

Ребята часто встречались и вне школы. В старших классах, в тайне от родителей и учителей потягивали в соседнем дворе или парке портвейн, вермут, а если попадалось и пиво. В складчину на троих, напитки стоили недорого. Особенно не увлекались, но подходящий случай не упускали. Помимо употребления винца для солидности покуривали папиросы, особым способом загибая мундштук. Этот шик они переняли у старшеклассников. Именно у них ребята научились особым манером пускать дым кольцами, чем иногда и перед одноклассницами похвалялись. В общем, были не образцово-показательными, а обычными, как и миллионы других молодых людей, парнями.

Иван не курил. Отшучивался: *«Табак на зрение влияет, а я и так очки вынужден носить»*. Вино пригубливал как все, прямо из бутылки, но делал лишь небольшой глоток. Шутя приговаривал: *«Вам же лучше, больше достанется»*.

Запевалами во всех школьных не общественных делах были Геннадий с Николаем. Иван с ними не мог состязаться ни физически ни в смысле придумывания проказ. Он, качанию на кольцах и турнике, предпочитал чтение.

Девчат в своём классе заводили Геннадий с Николаем постоянно держали „в узде“. Что это обозначало они, очевидно, и сами не смогли бы объяснить, но звучало загадочно и по-взрослому. Дёрнуть за косу или забросить портфель на книжный шкаф шалунам ничего не стоило. С годами их проказы стали немного другими, но общепринятой всеми границы всё же не переходили.

Иван девочек не задирает. Особое внимание на Ларису обратил сразу. Одноклассница понравилась ему с первого взгляда. Она была приезжая. Жила раньше где-то в другом большом городе. Причину переезда объясняла переводом родителей на новую работу. В их школу пришла уже в четвёртый класс. Место ей определили рядом с Иваном и этим решилась вся дальнейшая жизнь парня. Кроме неё для него больше никого не существовало. Своему выбору он остался верен и после окончания школы.

Как же были удивлены и шокированы Геннадий с Николаем, когда их схватили словно рецидивистов-уголовников и, надев наручники, доставили в отделение милиции.

Их родители также были в шоке: «За что? Что натворил?». Ответ был один: «Обращайтесь к следователю».

На первый допрос их вызвали только через несколько дней после задержания, притом, отдельно.

Следователь, сутуловатый, видно от вечного сиденья за письменным столом, немолодой мужчина, все вопросы и пререканья Геннадия, убил в корне: *«Ну, что, гражданин, дорезвился до десятка лет тюремного заключения? Прочитай и распишись»*.

Эта же процедура, как под копировку, была проведена и с Николаем.

Последующие допросы проходили в такой же форме, только теперь уже с явным давлением к признанию виновности.

На очных ставках Светлана и Татьяна, не глядя в глаза своим одноклассникам, подтвердили то, что было написано в их заявлениях.

Дела сшиты и готовы к передаче в суд. Прокурор доволен.

Обоим обвиняемым назначены государственные защитники. Они свою работу знают и прилагают все усилия, чтобы убедить своих подопечных к признанию вины, объясняя это тем, что только так можно сократить срок наказания.

Свидания с родственниками не разрешены по простой причине – может объявиться неудобный свидетель, а ненужные лишние хлопоты следствию не нужны.

Лишь один человек из всех знакомых Геннадия и Николая остался им верен и это был Иван. От кого угодно из их класса, но от него никто не ожидал такого мужества и такой активной деятельности. Не зря тратил он всё своё свободное время на книги. С детства мечтая стать юристом он и материал для чтения выбирал именно по криминалистике.

До суда оставалось всего ничего. Иван понимал значимость каждого потерянного часа. В первую очередь он без свидетелей поговорил с Ларисой. Она не была такой пустышкой, как её принимали подруги. Логического мышления девушка не была лишена, именно поэтому она поверила не своим подругам, а вполне простым и понятным объяснениям Ивана. Он один-единственный раз был приглашён Татьяной на показ заграничного видео фильма и этого было достаточно для того, чтобы у него сложилось особое мнение о однокласснице.

Лариса с Иваном задумали операцию по оправданию Геннадия и Николая, но своей тайной ни с кем, даже с родителями обвиняемых, не поделились.

Лишь после разговора с Ларисой Иван обратился к родной сестре матери. Будучи адвокатом, та досконально знала всю судебную «кухню», но и она не сразу согласилась стать официальным защитником ребят. Женщина, по своим каналам прозондировала положение дел обвиняемых и лишь затем согласилась взяться за их защиту.

Вместе разработали план. Досудебные формальности успели оформить вовремя. От государственных защитников подсудимые отказались, объяснив этом тем, что нанят частный адвокат.

Суд над Геннадием и Николаем был назначен в один день и в одном и том же помещении. Процесс был обозначен как открыто-показательный с свободным доступом всем желающим. Зал был заполнен полностью. Все места, обозначенные для вольно слушающих, заняты. В коридоре толпились люди, которым не хватило места в зале. Первым шло дело Николая, вторым Геннадия.

Судебное заседание объявлено открытым. Прокурором обвинение зачитано. Потерпевшие и свидетели обвинения заслушаны. Слово получил адвокат, и тут случился непредвиденный милицейскими, прокурорскими и судебными чиновниками казус. Защитница потребовала прослушать предъявленную ею аудиокассету со звуковой записью. Она здесь же предоставила необходимую для прослушивания кассеты аппаратуру с усилением звука.

Судья адвокату отказать не смог и все присутствующие в зале могли убедиться в том, что якобы пострадавшая от сексуального домогательства девица в своих показаниях откровенно лгала.

Лариса, которой досталась очень ответственная роль по добыче материала к оправданию Геннадия и Николая выполнила своё задание с блеском. Чего ей это стоило знала лишь она. Каким образом эта честная мужественная девушка смогла записать на диктофон откровения своих одноклассниц, осталось тайной, но их ясно различимые голоса звучали, как гром с ясного неба, на весь судебный зал.

Чётко слышный голос Татьяны, которая только что прилюдно обвинила своего одноклассника Николая в домогательствах с применением силы гремел на весь зал: *«Ларка, ты что совсем сглузила...?! Болееешь за них? Этим чмошникам так и надо, понтов много и ничего за ними..., я даже попыталась помочь ему, трусики в туалете сняла, думала это его настроит..., ни фига, простой костюмчик натянуть не сумел, поплыл, чуня, только раздражил меня...».*

В унисон Татьяне зазвучал и голос Светланы: *«Будь моя воля, я бы им по пятнашке годиков тюряги заката. Донжуаны сратые, плебеи... туда же..., лезут, чтобы обосраться... фиши... тошнит от них... Давайте дёрнем ещё по одной... да новую фильму посмотрим...».*

Судья взмахом руки остановил продолжение трансляции. Был объявлен перерыв. Суд удалился на совещание, а зал зашумел, загудел так, как не смел гудеть уже более пятидесяти лет.

Шёл 1987 год.

Экслибрис

СОДЕРЖАНИЕ

ВЯЗЬ 1

Нумерация	Название / Посвящение	Страницы
	Предисловие / Роза Штайнмарк	1
	Фото автора	2-4
	Рассказы	5
1.	Гнездо под стрехой	6-8
2.	Шутка	9-10
3.	Хромоножка	11
4.	Одноухий и Серая	12-13
5.	Орлы	14-15
6.	Последний рейс	16-17
7.	Голуби	18
8.	Лисица	19-20
9.	Лебедь	21-22
10.	Хитрый	23-24
11.	Клык	25-27
12.	«Кряша»	28-29
13.	Урок-зарок	30-31
14.	Ночь	32-33
15.	Коршун	34-35
16.	Заброшенный сад	36-37
17.	Лёха	38-41
18.	Юля	42-44
19.	Батя	45-47
20.	Тарзан	48-50
21.	Учитель	51-52
22.	Погони	53-54
23.	Полёты	55-56
24.	Крысолов	57-58
25.	Летние картины	59-60
26.	У костра	61-62
27.	Деревня	63-71
28.	Рандеву	72-73
29.	Бунт	74-76
30.	Пеструха	77-78
31.	Разговор	79-83
32.	Подранок	84-85
33.	Любка	86-87
34.	Охота	88-91
35.	Чёрная лошадь	92-93
36.	Зов	94-95
37.	Игры	96-98
38.	Гости	99-100

39.	По грибы	101-102
40.	Воспитатель	103-107
41.	Цивилизация	108-109
42.	Аленький цветок	110-113
43.	Окно, открытое в ночь	114-116
44.	Омуты	117-118
45.	Бич	119-124
46.	Шурик	125-129
47.	Остановка	130-132
48.	Деревенские проказы	133-135
49.	Дядя Франц	136-139
50.	Пятак	140-142
51.	Звонок	143-144
52.	Встреча	145-146
53.	Лювена	147-148
54.	Приключения Ута	149-151
55.	Хор	152-153
56.	Конфуз	154-158
57.	Пир	159-160
58.	Убийство	161-162
59.	Мастер	163-164
60.	Руки матери	165-166
61.	Пробка	167-168
62.	Ревность	169-170
63.	Когда врать?	171-172
64.	У Поля	173-174
65.	Надежда	175-177
66.	Воля	178-181
67.	Дубровка	182-183
68.	Соперницы	184
69.	Жучок	185-186
70.	Сила Охта	187-188
71.	Удачная охота	189
72.	Одноклассники	190-193
	Экслибрис	194
	Содержание	195-196

